

СУНЬ-ЯТ-СЕН

孫逸仙

ЗАПИСКИ
КИТАЙСКОГО
РЕВОЛЮЦИОНЕРА

жс

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1926

СУНЬ-ЯТ-СЕН

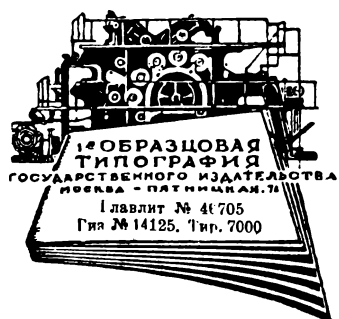
ЗАПИСКИ КИТАЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

(ПРОГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА КИТАЯ)

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Вл. Виленского-Сибирякова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТ РЕДАКТОРА.

«Записки китайского революционера» изданы Сунь-Ят-Сеном в 1918 году на китайском языке и представляют собою, с одной стороны, изложение основных идей суньятсенизма (учение Сунь-Ят-Сена), а с другой — полемический памфлет, направленный против врагов Суня и старо-китайской идеологии вообще.

Перевод с китайского большей части настоящей книги был сделан молодым китайским коммунистом тов. Лю. Некоторые главы из этой книги были опубликованы мною в моей работе: «Сунь-Ят-Сен — отец китайской революции», вышедшей первоначально в издании «Красной Нови» в 1924 году и затем повторенной изданием в том же году Госиздатом.

В настоящее время я полагаю целесообразным опубликовать всю работу Сунь-Ят-Сена ввиду того огромного интереса, который проявлен со стороны советского читателя к идеям этого поразительного китайца — вождя пробуждающегося Китая.

Вл. Виленский-Сибиряков.

Март 1925 года.

ВОЖДЬ ПРОБУЖДАЮЩЕГОСЯ КИТАЯ.

В своих воспоминаниях Сунь-Ят-Сен рассказывает о своем революционном крещении, когда первое организованное его друзьями вооруженное восстание в Кантоне, направленное против династии манчжуров, окончилось неудачей ¹⁾. Это было 9-го сентября 1895 года. «Три дня после этого поражения я все еще находился в Кантоне, а десять дней спустя, я вынужден был проселочными дорогами пробраться в Гонконг и оттуда отправиться в Японию. Я снял свою косу и надел европейскую одежду»... Вероятно, не все знают, что знаменитая китайская коса есть не что иное, как символ покорности побежденных, каковыми были китайцы на протяжении почти трехсот лет по отношению к завоевателям манчжурам, господствовавшим над четырехсотмиллионным китайским народом. Именно манчжуры заставили китайцев брить головы и носить косы.

Молодой китайский революционер Сунь-Ят-Сен, начавший революционную борьбу с династией Дайцингов, срезал свою косу и этим как бы постриг себя на дело китайской революции, которой он служил сорок лет, являясь страстным революционером, глашатаем идей пробуждения Китая от вековой спячки.

Нелегкая задача — раскачать неподвижный, огромный Китай, застывший за своей «великой китайской стеной» в своего рода «историческую окаменелость». Где-то, в глубинах людских толщ Китая, теплились искры потухших вулканов борьбы сторонников реставрации последней китайской династии Мингов — «Хун-Мэн» и относительно недавнего восстания тайпингов, жестоко усмиренного объединенными усилиями династии манчжуров и европейских генералов. Искры эти тлели, но пыль вековой истории, отлагаясь, тушила эти тлеющие искры...

Нужна была гигантская работа для того, чтобы из этих потухающих искр раздуть пламя революционного пожара... И кто знает, удалось ли бы Сунь-Ят-Сену с небольшой кучкой китайских революционеров раздуть это пламя революционного пожара, если бы за эту же работу не взялась история, которая в конце

¹⁾ «Сунь-Ят-Сен — отец китайской революции». Госиздат, 1924 г.

XIX века начала ломать «великую китайскую стену» и втягивать Китай в сферу международного товарообмена.

У берегов Китая появились военные корабли европейских держав, которые потребовали открыть китайские порты для иностранной торговли. На политической арене Дальнего Востока выросла капиталистическая Япония, которая начала завоевание Китая, пользуясь преимуществом своего нового европейского оружия. С севера на Китай давила тяжелая лапа империалистической царской России. Дайцинги были бессильны предотвратить надвигавшуюся опасность. Китай оказался перед угрозой превращения в колонию, лишенную самостоятельности и разорванную на куски между империалистическими хищниками.

Это и было той объективно благоприятной обстановкой, которая содействовала началу пробуждения четырехсотмиллионного Китая. Мировой империализм, подготавливая захват Китая, расшатывал устои китайской монархии, дискредитировал в глазах китайских народных масс ее незыблемость и этим самым невольно заставлял китайцев обращать свои взоры на китайских революционеров, которые, выдвигая идею борьбы с Дайцингами, сулили Китаю выход из того тупика, куда его загнала монархия.

Эмигрировав из Китая после первого поражения, Сунь-Ят-Сен превращается в профессионального революционера-эмигранта, который всю свою энергию сосредоточивает на идеях китайской революции. Он совершает путешествие в Америку и Европу и там знакомится с новейшими течениями социалистической мысли того времени. В результате этого знакомства Сунь-Ят-Сена с Западом и его передовыми идеями у него складывается своеобразная теория, известная под именем трех принципов (сан-мин-чжу), в которой нашли место идеи национальной борьбы китайцев с манчжурами, демократизм и идеи западно-европейских социалистических теорий. Принцип борьбы рас (мин-тао), принцип народного суверенитета (мин-кинан), принцип социализма (мин-шен), — вот сущность учения Сунь-Ят-Сена, с которым он выступил перед молодыми китайскими революционерами, признанным вождем которых он после этого сделался.

Принцип борьбы рас дал возможность Суню обосновать необходимость свержения манчжуров, которые в глазах китайцев были поработителями. Во имя осуществления принципа народного суверенитета Сунь-Ят-Сен требовал свержения абсолютной монархии и утверждения на ее развалинах китайской республики. Социализм был менее разработан в системе Суня, но, тем не менее, он правильно уловил сущность противоречий капиталистического общества, когда он говорил китайцам: «Хотя производительные силы в странах Запада поднялись настолько по сравнению со стариной, что один человек в состоянии прокормить своей работой тысячу, все же нищета в Европе и Америке растет... Над всем властвует капитал».

Пытливый ум Сунь-Ят-Сена искал выход из создавшегося положения; он пытался синтезировать эти идеи с китайской дей-

ствительностью для того, чтобы построить на этой базе революционно-действенную партию китайской революции. Такую партию он, в конце концов, создал в виде так наз. «союзной лиги», которая сложилась из китайской молодежи, учившейся в Европе, Америке и Японии. Усилиями этой организации идеи Сунь-Ят-Сена проложили себе дорогу в Китай и там нашли подготовленную почву для своего дальнейшего развития.

Между тем, на Дальнем Востоке разворачивались события огромной важности. Попытка Дайцингов использовать восстание боксеров против иностранцев в 1900 году закончилась поражением Китая и подписанием унижительного для китайцев «протокола 1901 года», согласно точному смыслу которого над Китаем учреждалась международная опека. С другой стороны, на полях Манчжурии молодая капиталистическая Япония разгромила царскую Россию, чем дала наглядный урок народам Востока, что не одни белые могут владеть современной техникой. В результате неудачного исхода русско-японской войны для России, в последней вспыхнула революция 1905 года, которая заставила забиться сердца многих угнетенных народов надеждой на лучшее будущее.

Все это, вместе взятое, не могло не сказаться на Китае. В 1911 году в Среднем Китае, в г. Учане, вспыхнуло восстание, которое было подготовлено организацией «Союзной лиги», и затем руководилось членами последней. Восстание нашло поддержку у китайского населения Среднего и Южного Китая, в результате чего оно оказалось победоносным, и монархия манчжуров должна была уступить место Китайской республике, которая была провозглашена в древней столице Китая — Нанкине. Первым президентом новорожденной Китайской республики оказался вождь китайской революции Сунь-Ят-Сен.

Однако дальнейший ход событий в революционном Китае оказался мало благоприятным для Сунь-Ят-Сена. Внутри партии, лидером которой он был, начались серьезные разногласия по поводу политических планов Сунь-Ят-Сена. Большинство лидеров партии гоминдан, в которую преобразовалась «союзная лига», путем слияния с рядом родственных ей китайских революционных организаций, отвергло программу Сунь-Ят-Сена и решило встать на путь соглашения с северными милитаристическими группировками, рассчитывая этим путем утвердить республику и получить воссоединение юга с севером Китая под общим флагом республики.

Отсюда родилось пресловутое соглашение с генералом Юань-Ши-Каем, который стоял в тот момент во главе северных войск, остававшихся верными манчжурам. Ценой уступки президентского кресла генералу Юань-Ши-Каю было куплено свержение династии Дайцингов в Пекине. Сунь-Ят-Сен должен был после этого отойти на некоторое время в сторону и быть в положении зрителя, ибо он оказался на-время лишним в новой политической обстановке, создавшейся после того, как на президентское кресло сел генерал Юань-Ши-Кай.

В этот период Сунь-Ят-Сен сидел в Шанхае и занимался составлением плана железнодорожного строительства в Китае, ибо его политические и социальные планы оказались неприемлемыми для руководящих верхов нового пореволюционного Китая. Это был, пожалуй, самый трагический момент в жизни Сунь-Ят-Сена. Судите сами. Четверть века революционной деятельности и победоносное завершение этой гигантской работы революцией, которая сулит возможность реформации старого Китая, преобразования его на новых основаниях, согласно выношенным программам и планам... И вдруг какая-то тяжелая гиря тянет обратно, назад, сводя на смарку работу десятилетий. Вера в революцию и ее творческие возможности, которая двигала соратниками Сунь-Ят-Сена, покидает их... Они уступают свою руководящую роль проходимцам и этим обрекают революцию на поражение. Есть от чего притти в отчаяние, есть основания для того, чтобы пережить тяжелые минуты раздумья.

Сунь-Ят-Сен пережил эти минуты тяжелого раздумья, когда ему пришлось не только уступить президентское место Юань-Ши-Каю, но и утратить преданность своим идеям со стороны многих из своих вчерашних друзей, об'явивших политические планы Сунь-Ят-Сена утопией.

Это отнюдь не было каким-либо случайным ренегатством или политическим заблуждением. Нет, это был кризис китайской передовой общественной мысли, которая, найдя в себе силы овладеть идеями Запада, затем на минуту усомнилась в своих силах, в правильности сделанного шага и, заколебавшись, отреклась от «утопических» планов своего вождя.

Политические изменения, происшедшие в этот период в китайской действительности, — это не более, как надстройка над общественными взаимоотношениями классов Китая. Молодая китайская буржуазия и поддерживающая ее китайская интеллигенция, которые должны были играть решающую и руководящую роль в китайской революции 1911 года, не нашли уверенности в себе и капитулировали перед феодально-милитаристическими кликами Северного Китая, с которым, в лице генерала Юань-Ши-Кая, был заключен компромиссный договор, отдававший революцию в руки ее злейших врагов.

Сунь-Ят-Сен и Юань-Ши-Кай — это две колоритные фигуры эпохи китайской революции. Первый — это олицетворение нового революционного Китая, второй — старого мандаринского Китая. Казалось бы, что пореволюционный новый Китай отдаст предпочтение первому, ибо он должен был быть ближе для него. Вышло же наоборот: избранником оказался старый продувной мандарин генерал Юань-Ши-Кай, которому была вверена власть в республиканском Китае. Почему случилось так? Надо полагать потому, что общественная мысль Китая искала наименьшего сопротивления и в компромиссе с Юань-Ши-Каем видела пути некоторого отступления от тех позиций, на которые ее выдвинул революционер Сунь-Ят-Сен.

Этот кризис китайской общественной мысли, эта заминка, происшедшая в революционном сознании наиболее передовых людей китайской общественности, имели необычайно большие последствия для Китая, ибо организованный мандаринат, пользуясь этим замешательством, овладел позициями и со времен Юань-Ши-Кая уже не выпускает их из своих рук. Десятилетняя гражданская война в Китае — достаточно яркая иллюстрация последствий этого кризиса китайской общественной мысли.

Это был длительный кризис. В 1913 году партия гоминдан была объявлена вне закона и разгромлена. Сунь-Дзяо-Жень, лидер группы правых гоминданцев, хотевших использовать Юань-Ши-Кая, как мавра революции, был убит по приказанию последнего. Дальше следует полоса мрачной реакции и распыления сил китайской революции. Гоминдан, как политическая партия, вновь вышла на политическую арену Китая только с 1921 года, а окончательно оправилась от этого кризиса только в последние годы.

Как же Сунь-Ят-Сен реагировал на этот кризис?

Ответом на этот вопрос может служить необычайно интересная, хотя и очень своеобразная по теме и манере изложения, книга Сунь-Ят-Сена «Записки китайского революционера», в которой он дает блестящий анализ причин кризиса китайского мышления, столкнувшегося с трудностями революции, и делает попытку подсказать выход смущенному китайскому уму, стремясь вдохнуть в него свою безграничную веру в китайскую революцию и китайский народ.

Эта книга Сунь-Ят-Сена является своеобразным политико-философским памфлетом, направленным против китайской косности, против «незыблемых истин» старых китайских «мудрецов», которые крепко еще держат в своих объятиях ум китайцев. «Две тысячи лет тому назад, — пишет в предисловии к этой книге Сунь-Ят-Сен, — китайский философ Фу-Гуех сказал: «Действия — трудны, а знание — легко». Эта неверная истина прочно залегла в китайский народный ум и послужила одним из корней, на которых выросла пресловутая китайская косность. Эта вредная теория загнала Китай в тупик, она обрекла его на бездействие и превратила в своеобразную «историческую окаменелость».

Со всей страстностью революционера, с огромной эрудицией человека, знакомого с новейшей европейской наукой, Сунь-Ят-Сен разоблачает ложность этой теории. Он бичует современное невежество китайцев, сравнивая его с достижениями научной мысли Запада; он клеймит чванство китайцев, он иллюстрирует свою теорию обратного порядка, что «действие — легко, но знание — трудно», десятком живых примеров, из которых он составляет цепь доказательств.

Он анализирует историю Китая, ищет причин китайской бедности. Сравнивает Китай и современную Японию, вставшую на путь реформации, и приходит к выводу, что если Китай хочет прогресса, то он должен сделать попытку выбраться из того исторического тупика, куда его загнали ошибки китайских «мудрецов».

«Записки китайского революционера» — это удар по китайской схоластической мысли; это — бомба, брошенная в старые представления китайской псевдо-учености. Правда, эта бомба брошена с некоторой китайской учтивостью, с некоторыми «китайскими церемониями» по адресу прошлого Китая; но это, очевидно, понадобилось Сунь-Ят-Сену для того, чтобы ближе подойти к привычному образу китайского мышления.

Бить врага его оружием. Разрушать путы китаизма при помощи ссылок на Конфуция, как это делает Сунь-Ят-Сен, — это пример тактического пользования оружием критики. Но если оставить в стороне форму изложения и приемы тактического использования цитат из китайских классиков, а также позолоту, в которой преподносится Сунем пилюля, то содержание этой пилюли для старого Китая должно явиться чрезвычайно горьким. Это — суровый приговор, который ставит крест над китаизмом, над прошлым, и выдвигает требование реформации Китая.

В этой своей работе Сунь-Ят-Сен выступает во весь свой большой рост, как один из крупнейших людей нашей эпохи, как большой социальный реформатор. Возможно, что некоторые из страниц «Записок китайского революционера» могут показаться для европейца несколько упрощенными и немножко наивными, но если помнить, что эти страницы написаны китайцем и для китайцев; если мысли Сунь-Ят-Сена взять в целом, то нужно будет признать за этой работой исключительное значение, как попыткой перевернуть с головы на ноги психику, мышление такой громады, какой является четырехсотмиллионный Китай.

Для Сунь-Ят-Сена ясна необходимость задачи развития производительных сил Китая. В этом отношении он не боится развивать в своих сочинениях самые широкие планы. Он внимательно изучает историю Соединенных Штатов Америки и Японии. Он строит планы относительно использования иностранных капиталов для развития крупной промышленности Китая. Казалось бы, что при наличии подобного рода тенденций Сунь-Ят-Сен должен был бы предстать перед нами в качестве материалиста с ног до головы.

Однако Сунь-Ят-Сен почти до самого последнего времени сбивался все же на обветшалый путь идеалистического рационализма. Вместо классовой борьбы он долгое время выдвигал фразы о «взаимопомощи», «эволюции», при посредстве которых, по его мнению, Китай мог прийти в «Век Великого согласия». Впрочем, это грех не только Сунь-Ят-Сена, а многих из европейских социалистов, которые к марксизму пришли не сразу.

Развитие международного товарообмена, вовлекшее Китай в сферу капиталистических отношений, заставило в последние годы Сунь-Ят-Сена пересмотреть свои старые позиции и сделать надлежащие выводы. Одним из таких выводов было приближение к марксизму, которым Сунь-Ят-Сен в последние годы своей жизни, по отзывам его друзей, очень интересовался.

Впрочем, к этому он неизбежно должен был рано или поздно прийти, ибо если присмотреться к тому, что он писал, чему он

учил китайцев; наконец, если окинуть взглядом его революционное прошлое, которому он отдал сорок лет своей жизни, то, конечно, революционер Сунь-Ят-Сен не мог остаться в лагере эволюционистов. Правда, в своей революционной деятельности Сунь-Ят-Сен долгое время опирался на внеклассовую партию гоминдан, которая была создана им из самых разнообразных в классовом отношении элементов. Это, конечно, отражалось и на том идеологическом основании, которое было содержанием так наз. демократической трехпринципной идеи Сунь-Ят-Сена.

Однако по мере того, как на историческую арену в Китае выходил китайский пролетариат, выросший в недрах китайских фабрик и заводов, Сунь-Ят-Сен, как честный революционер, понимавший значение масс, не мог не начать выравнивать свою идеологию в соответствии с интересами китайского пролетариата. Он так и сделал в последние годы. Он оставался лидером партии гоминдан, но он был на ее левом крыле. Он стремился опереться на китайский рабочий класс, в котором он видел строителя нового Китая. Это вызвало серьезные разногласия внутри партии гоминдан, это создало предпосылки для появления на политической арене китайских фашистов в лице так наз. «бумажных тигров», явившихся предвестниками классовых битв китайской буржуазии с китайским пролетариатом.

Но Сунь-Ят-Сен не испугался этого и не отрекся от борьбы за интересы трудящихся Китая. В этом отношении чрезвычайно характерны последние минуты жизни Суня, когда он настаивал на участии профессиональных организаций Китая в национальном собрании. Не в пример другим китайским лидерам национально-освободительного движения Сунь-Ят-Сен понял историческую роль нового класса, который единственно сможет в конечном счете сдвинуть Китай с мертвой точки и вывести его на широкую дорогу исторического развития. Пожалуй, здесь имел большое значение тот кризис китайской общественной мысли, с которым Сунь-Ят-Сен столкнулся после революции 1911 года, и о котором мы выше говорили. Китайская революция 1911 года по своей сущности должна была быть буржуазной революцией. Сунь-Ят-Сен ставил тогда ставку на молодую китайскую буржуазию и китайскую интеллигенцию. Однако опыт первых лет китайской революции, как мы видели выше, показал, что эта ставка оказалась неудачной. Те силы, на которые рассчитывал Сунь-Ят-Сен, оказались бессильными удержать власть в своих руках и капитулировали перед милитаризованным китайским мандарином. Наиболее передовая часть китайской интеллигенции, шедшая за Сунь-Ят-Сеном, отеклась на-время от своего вождя, об'явив его планы утопическими и неприемлемыми для Китая. Отсюда нетрудно понять, почему революционер-реформатор Сунь-Ят-Сен, позднее уже не мог возлагать надежд на тех, кто однажды его обманул. Он искал новые силы для борьбы за реализацию своих идей реформации Китая. Эти новые силы он нашел в лице рабочего класса. Их интересы он хотел увязать в новых программах

гоминдан; на них он ставил свою новую ставку в той революционной борьбе, на пороге которой стоит сейчас современный Китай.

Сунь-Ят-Сен — борец за идею возрождения Китая. Это, несомненно, — его основная идея. Путь же к возрождению у него лежит через революцию. Свою революционную карьеру он начал организацией борьбы против монархии манчжуров, его бурно-революционная карьера прервалась в тот момент, когда он возглавлял собою национально-революционное движение в Китае против мирового империализма. В первом случае он рассчитал путь Китайской республике, при посредстве которой он думал демократизировать Китай и на основе революционной активности китайцев осуществить реформацию последнего. Во втором — Сунь-Ят-Сен хотел раскрепостить Китай от пут мирового капитала, который превратил четырехста миллионов китайцев в своих колониальных рабов. Если связать эти две большие задачи вместе, и если рассматривать их как борьбу за пробуждение Китая от вековой спячки, то деятельность отца китайской революции Сунь-Ят-Сен выходит далеко за пределы национально-освободительного движения. Пробуждение Китая не может не быть фактом огромного международного значения. Отсюда роль и значение Сунь-Ят-Сена должны быть признаны гораздо шире рамок только национально-китайского значения.

В своем политическом завещании, которое Сунь-Ят-Сен оставил после своей смерти, он пишет: «Я посвятил сорок лет своей жизни делу национальной революции, имеющей целью обеспечить равноправие и свободу для Китая. Сорокалетний опыт привел меня к твердому убеждению, что для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны пробудить массы и объединиться со всеми народами, относящимися к нам, как к равным, для общей борьбы». В тесной логической связи с этим политическим завещанием стоит обращение Сунь-Ят-Сена к Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР, в котором он пишет: «Моя мысль обращена к вам и к судьбам моей партии, моей страны. Вы возглавляете союз свободных республик, то осязательное наследие, которое оставил угнетенным народам бессмертный Ленин. С помощью этого наследия жертвы империализма неизбежно добьются воли и освобождения от того международного строя, основы которого издревле коренятся в рабовладельчестве, войнах и несправедливости»...

Приведенные строки достаточно ярко рисуют нам Сунь-Ят-Сена, как революционера-борца за дело раскрепощения угнетенных, идеям которого он служил сорок лет своей жизни. Скорбная весть о его смерти должна опечалить не одних только трудящихся Китая, но всех, кому дорого дело раскрепощения трудящихся от ига капитала.

Идеи Сунь-Ят-Сена долго будут жить среди китайцев, а имя его войдет в мировую историю, как имя вождя революционного пробуждающегося Китая.

Вл. Виленский-Сибиряков.

Октябрь 1925 года.

Москва.

ПРИЧИНА КИТАЙСКОЙ КОСНОСТИ.

(Предисловие Сунь-Ят-Сена.)

В продолжение тридцати одного года я усиленно работал для блага китайского народа. Моя жизнь была посвящена китайскому народу, и верность моя за этот долгий промежуток поставленным мною задачам осталась неизменной. Ни могущество манчжурской династии, ни все несчастья моей жизни не могли отклонить меня от поставленных задач. Я боролся за то, к чему стремился. И чем больше я терпел неудач, тем больше я стремился к борьбе. Поэтому я смог поднять народные массы Китая на революционное действие и силою последнего свергнуть монархию и основать республику. Сначала казалось, что мне, как вождю, будет очень легко осуществить программу революционной партии, т.-е. национализм, демократию, социализм и пятиступенную конституцию, равно как и те задачи, которые выдвинула революция. Если бы это удалось осуществить, то Китай нашел бы свое место среди семьи народов и встал бы на путь процветания и благоденствия. Но, к сожалению, лишь только удалось завершить революцию, члены нашей партии неожиданно оказались различными со мною мнений, считая мои идеалы слишком возвышенными и недостижимыми для нового строительства современного Китая.

Эти сомнения, однако, принимались, как нечто доказанное, и даже некоторые мои товарищи стали сомневаться в осуществлении моей программы. Поэтому оказалось, что моя программа имела меньше шансов на осуществление во время моего пребывания на президентском посту, нежели когда я был лидером партии, подготовлявшей революцию. Поэтому попытка строительства не удалась, и национальные задачи, которые я выдвигал, пошли на смарку после революции.

Китайская революция в представлении многих должна была свергнуть манчжурскую династию и заменить ее тиранией группы бандитов, еще более жестоких и хищных, чем предыдущее правительство Дайцингов. Это и было прямой причиной дальнейшего невыносимого гнета, нависшего над китайским народом. Если мы проанализируем первоначальное наше побуждение произвести китайскую революцию, то увидим, что мы имели в виду спасение китайского народа и страны, а получилось наоборот: китайский народ становится все угнетеннее, а страна все несчастнее. В значительной степени это зависит от моего неумения влиять на своих товарищей по партии и, видимо, моей неспособности руководить ими. Но, с другой стороны, и мои товарищи по партии не могут избежать порицания в недостатке убежденности и усилий в достижении революционных идеалов и проведении нашей программы. Что же касается причин их упадка духа, то они не все происходят от соблазна видного положения и больших выгод, — их усилия ослабели скорее от образа их мышления. Что же это за неправильный образ мышления? Это, по их пониманию, то, что «действия — трудны, а знание — легко». Этот взгляд был впервые высказан Фу-Гуех при императоре Ву-Тинг из династии Шан, две тысячи лет назад. С тех пор он так глубоко залег в китайском народном уме, что искоренить его уже, видимо, трудно. Весь мой план переустройства Китая был парализован этим изречением.

Когда прошел первый революционный подъем и должно было начаться органическое строительство, я не мог не быть взволнован и радостно настроен тем, что, наконец, я соединил мой давно созревший у меня идеал с моим планом революционного действия в программу национального переустройства Китая. Я желал немедленно осуществить свою программу в надежде поднять Китай по ступеням современной процветающей науки. Но уже в тот момент были люди, которые задавали мне такие вопросы: «Мы все признаем, что ваш идеал полон достоинства и возвышен и ваш план глубок и всеобъемлющ. Но знаете ли вы, что действия всегда трудны, а знание всегда легко?». Когда я впервые услышал это, я был ошеломлен и несколько растерялся, так как я сам, подобно другим китайцам, верил в эту теорию и считал несомненным, что наши древние ученые учили нас истине. Однако несколько позднее я захотел проверить это положение и преодолеть это препятствие. Оказалось, что цель моя легко достижима. Я воодушевил наших товарищей докторной Ван-Юан-Мина, который проповедует «единство действий и знания», т.е. теорию о том, что знание есть действие и действие — знание.

Но со временем я открыл, что смелый ум китайских революционеров не может превзойти их храбрость. В таком же положении был и весь китайский народ. Потом я посвятил себя изучению вопроса о «трудности действий и легкости знания». Я изучал этот вопрос в течение нескольких лет и, наконец, при-

шел к убеждению о ложности выводов старой традиции: дело обстоит как раз наоборот. Я был счастлив, ибо понял причину застоя Китая. Это происходит оттого, что китайцы многого не знают, а отнюдь не оттого, что они не могут действовать. Тот факт, что они хотя и знают, но не действуют, происходит оттого, что они превратно понимают, что знание легко, а действие трудно. Представьте себе, что мы можем доказать противное и заставить китайцев безбоязненно действовать. Несомненно, что дела Китая сильно продвинутся вперед. Поэтому я попробую доказать это на ряде примеров, чтобы подтвердить теорию легкости действий и трудности знания, что может послужить, с одной стороны, для дискуссий ученых, а с другой — может отучить народ от нежелательных и вредных традиций и суеверий.

Теория о трудности действий и легкости знаний пришла к нам две тысячи лет назад и получила гражданство во всей стране. В умах четырехсот миллионов населения она пустила такие глубокие корни, что их нельзя вырвать без большого усилия. Если мы скажем китайцам, что это только кажется истинным, но в действительности лишь вымысел, — мы вряд ли их убедим.

Теория Фу-Гуека — мой враг, в тысячу раз могущественнее, чем власть в руках манчжурской династии. Власть манчжуров могла достигнуть лишь убийства наших тел, но она не могла лишить нас воли. Могущество теории Фу-Гуека не только уничтожило железную волю моих товарищей, но и обмануло миллионы китайского народа. Во время манчжурской династии, когда я ратовал за революцию, можно было надеяться на прогресс, но в последующие дни за утверждением республики мои планы реконструкции Китая никоим образом не могли быть осуществлены. Моя тридцатилетняя верность моему идеалу была почти раздавлена этим ударом, моя железная воля почти убита на-смерть. Это было ужасно и ненавистно.

«Лучший способ борьбы — это убить разум», учит старая военная стратегия; поэтому национальная программа строительства нашей партии пострадала от удара, нанесенного врагом нашему разуму. Нация — это скопище людей, а люди, в свою очередь, сосуды ума. Таким образом народные дела — результат умственных проявлений групп этих людей. Пока мы верим умом в осуществимость какого-нибудь плана, будь это перемещение горы или возможность засыпать море, — он может быть легко выполнен. Когда же мы убеждены в неосуществимости даже таких легких поступков, как пошевелить рукой или переломить ветку, то они не могут быть выполнены. Действительно, велика сила ума.

Разум — начало всего, что делается на свете. Низвержение монархии было выполнено этим разумом, строительство республики было задержано и затем разрушено этим же разумом. Как раз в начале успеха китайской революции, революционеры, сами сделавшись рабами теории о трудности дела и легкости

знания, стали смотреть на мой план, как на утопию, как на пустые слова, и отказались от ответственности за переустройство Китая. Эта ответственность, конечно, не должна была быть монополизирована ими, ее должны были нести все граждане Китая. Но семь лет спустя после основания Китайской республики, положительно ничего не было сделано в этом направлении. Наоборот, дела Китайской республики становились все более и более запутанными, затруднения же китайского народа возрастали с каждым днем. Когда я об этом думаю день за днем, мое сердце болит. Переустройство Китая не может быть откладываемо со дня на день. У меня возникает вопрос: китайцы, почему вы не выполняете то, что нужно и должно выполнить, ибо, откладывая, вы саботируете выполнение поставленной задачи? Отчего это? Оттого ли это, что вы не хотите выполнить задачи? Или оттого, что вы не в состоянии взяться за нее? Я думаю, что это происходит не оттого, что китайцы неспособны, не оттого, что им это не нравится, но просто потому, что они этого не знают; когда же они это узнают, то работа строительства будет так же легка, как повернуть руку или переломить ветку.

Когда я вспомнил о том, чему я учил членов нашей партии и чем они пренебрегли и увидел, что мое учение снова всплывает, как новое течение совершенной мысли, и может стать планом национального строительства Китая, то у меня появилось намерение написать об этом книгу под названием «Программа национального строительства Китая», в надежде, что мое учение будет принято всеми китайцами. Однако я медлил. Я боялся, что психология современных китайских масс та же, что и психология нашей партии. Может быть, китайцы все еще держатся того мнения, что действия трудны, а знание легко? Если так, то результат моей книги, моего учения, будет тот же, что и семь лет назад: они посмотрят на мой план, на мою программу реконструкции Китая, как на утопию. Однако все же я берусь писать эту книгу прежде всего для того, чтобы при помощи своей теории раздавить врага и вывести мысли моих соотечественников-китайцев из того тупика, в котором они сейчас находятся. Тогда они не будут смотреть на мою программу, как на утопию, и миллионы из них будут моими единомышленниками, будут бороться за реконструкцию Китая, утверждают республику, создадут народное правительство из народа и для народа. Я верю в это, ибо я верю в китайский народ.

Сунь-Ят-Сен.

Шанхай,

30-го декабря, в 7-й год республики (1918 г.).

ГЛАВА I.

ОШИБКА КИТАЙСКИХ МУДРЕЦОВ.

а) ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЕ.

Труд и деньги.

Возьмем денежное обращение и рассмотрим его с точки зрения доказательства моей теории «легкости действия и трудности знания». Разумеется, денежное обращение не есть нечто врожденное в человеческой природе, но скорее является лишь привычкой человеческой жизни, которая практикуется всеми цивилизованными людьми. Мы нуждаемся в деньгах для покупки дневного пропитания, одежды и т. п. Мы нуждаемся в них дома и во время путешествия. Мы расходуем их ежедневно и находим, что это естественно. Мы знаем, что мы можем быть господами всего, если у нас есть деньги; и, наоборот, нам трудно будет связать концы с концами в нашем хозяйстве и мы окажемся в самом затруднительном положении, если у нас не будет денег. Поэтому мы все гонимся за деньгами и начинаем зависеть от них тем более, чем цивилизованнее общество, чем более развита промышленность, чем шире и разнообразнее становится употребление денег. Человеческое благоденствие, его горе или радость, — почти все обуславливается денежным вопросом. Поэтому вера во всемогущество денег глубоко вкоренилась в уме человека.

Отношения человека и денег так тесны, способ употребления их так общепринят, но я спрашиваю: сколько есть людей, которые знают, что такое деньги и какова их функциональная особенность?

Я хотел бы прежде побеседовать с вами, читатель, о том, что такое деньги. Существует старое определение, что деньги выполняют функцию обмена (на товары). Западные экономисты тоже говорят, что деньги сами по себе принадлежат к разряду товаров и способны определять две важные особенности: первая — обмен по средней стоимости товара и вторая — быть мерилom для всех товаров. Автор принимает их во внимание, переименовывает

их в установленную (условную) стоимость и определяет их следующим образом: «деньги — это установленная стоимость всех товаров». В давние времена Китая деньги делались из скорлупок раковин, шелка, бус или жемчуга, затем они делались из золота, серебра и меди. В настоящее время у самых диких и нецивилизованных племен и народов деньги почти что такие же, какие были у нас, китайцев, в первобытные времена. Среди кочующих народов быки и овцы считались за деньги, в рыболовных странах деньгами служили рыбы и раковины, у земледельческих народов — фрукты и просо. В современной Монголии и Тибете часто случается, что берут чай и соль вместо денег. Словом, есть много вещей на свете, могущих считаться за деньги, и каждое племя принимает за монету самую пригодную для него вещь.

Специалисты по вопросам денежного обращения говорят о деньгах, как о вещи, которая может действовать, как лучшая установленная стоимость для всех товаров, если она обладает следующими семью важными свойствами: 1) если она подходящая и имеет цену, 2) удобна для переноски, 3) имеет неразрушимость, 4) чистый состав, 5) твердую цену, 6) легкую делимость, 7) чтобы было легко узнать, отличить от других вещей. Вещь, обладающая этими семью качествами, может быть названа превосходнейшей для денег.

Во времена китайской династии Чоу золото было лучшей монетой, серебро — второй и медные — третьей. После того, как династия Чиен победила и заняла престол династии Чоу, монета была установлена единая. Они считали золотые стерлинги и медные монеты за деньги, но обесценили жемчуга, раковины. После династии Чоу и Чиен монеты хотя и подвергались изменениям, но не выходили за пределы употребления золота, серебра и меди, и таковыми же являются монеты всех современных цивилизованных стран. Некоторые страны вводят золото, как главную монету, а серебро и медь, как побочную, тогда как другие настаивают, чтобы серебро было главной, а медь вспомогательной. Причиной, побуждающей все страны признавать золото, серебро и медь за деньги, является обладание ими главными качествами «установленной стоимости».

Из вышесказанного видно, что всякий товар, подходящий для «установленной стоимости», может быть обращен в деньги, и золото является лишь одной из разновидностей подобного рода товаров. Но почему же золото обладает такой привлекательной силой и в наши дни? Ответ таков: значение и сила золота черпаются последним лишь из процесса обмена товаров. Не будь процесса обмена товаров, золото обратилось бы в песок и пыль. Даже если бы были товары, но не было бы торговли, золото тоже потеряло бы свое значение. Чтобы наглядно показать это, мы возьмем два примера. Несколько десятков лет назад случился большой голод в провинциях Шенси и Шанси, вследствие чего распространился каннибализм. Миллионы людей погибли от этого голода. Эти обе области были известны своим плодородием и

изобилием продуктов. Население их имело огромные суммы денег, банки каждой провинции были полны вкладов, ибо население этих провинций каждый год уносило домой большие суммы заработков из других провинций. Однако пришла засуха, и неурожай нескольких лет привел к истощению продовольственных запасов. Собранное же золото не истощилось от этого. Многие из голодающих владели деньгами — золотом, но они не могли променять ни одного пуда проса за миллионы долларов и принуждены были погибать голодной смертью. Так как не было товаров, — золото было бесполезно.

Читал ли читатель «Робинзона Крузо»? Попробуйте представить себя в таком же положении. Вы привезли огромную сумму золота и были изгнаны на одинокий и пустынный остров. Вы высадились на него. Птицы чирикали, приветствуя вас, цветы были прекрасны, фрукты в лесу и источники в скалах были красивы и доступны. Весь остров принадлежал вам, и все сокровища в вашем полном распоряжении, так что вы свободно могли тратить их. Но если вы были голодны, вы должны были доставать фрукты сами; когда вы томились жаждой, вы должны были доставать воду из родника. Все процветает на этом острове, товаров в сыром виде сколько угодно, но нет торговли, — и нет надобности в золоте. Вы живете не на ваше золото, а вашей работой. Что главное в этом положении — золото или работа? Таким образом причина, по которой золото в цивилизованных обществах обладает такой завораживающей силой, ясна теперь и может быть исчерпывающе изучена.

Мне хочется обсудить роль и значение денег. Свет не видел еще торговли, могущей существовать, пока нет денег. Однако, что ведет нас к употреблению денег и что нас толкает заниматься торговлей? Мы должны поближе рассмотреть это, чтобы знать все тайны денежной системы. Прежде, чем мы можем узнать, что ведет к употреблению денег, мы должны рассмотреть это с точки зрения эволюции цивилизации. Как мы видим, дикие народы в настоящее время живут в глубоких долинах и в уединенных горах, собираясь в семейства и племена. Они одеваются в самодельные одежды и питаются тем, что сами убивают. Хотя они живут близко одни от других, но они мало и редко общаются с чужими племенами. Их обычаи очень похожи на то, что пишут в наших старых книгах, так же «просты и чисты» (искренни). Более развитые народы живут в долинах и равнинах, где земля плодородна, продукты обильны, сообщения облегчены, что содействует сношению между собою различных племен. По тому, как обстоят дела теперь, мы можем судить о том, что было в минувшие времена. Люди тогда составляли семьи, племена и сами содержали себя. Когда они немного цивилизовались, они начали заниматься обменом. Даже самые консервативные ученые, как Хоу-Шиен, который проповедывал теорию самообслуживания, самым тканью, самым пахать, не мог устоять против течения

событий и был принужден обменивать шляпы или посуду на рис. Обмен был путеводной нитью к торговле.

Но спрашивается: какая же разница между обменом и торговлей? Разница такова: обмен — это обмен товара на товар, тогда как торговля — это обмен товаров на деньги. До появления денег существовал товарообмен. Этот обмен возник от разделения труда. Так как одновременное исполнение одним человеком или одним племенем нескольких разнородных работ могло вредить работе, производимой ими, то в целях усовершенствования было изобретено разделение труда. Земледельцы начали посвящать себя исключительно хлебопашеству, ткачи стали исключительно изготовлять ткани. Таким образом увеличилась производительность труда, не было потери времени. Благодаря этому разделению труда, увеличилась производительность труда. В результате оказался излишек продукта, который мог пойти на обмен. Таким образом эра обмена показывает более высокое развитие, чем эра самообслуживания. Но все же это было отнюдь не последним словом разделения труда. Люди могли специализироваться, но они не могли сочетать производство и торговлю, т.е. делать одновременно работу и ремесленника и торговца. Земледелец должен был нести излишек своего риса, а ткач излишек своей одежды на рынок для обмена один с другим. То же было и с рыбаком, охотником, дровосеком, кузнецом и вообще всеми ремесленниками: они приносили свои излишки для обмена на то, что им надо. Иначе владельцы этих излишков могли бы их лишь выбросить, как ненужные, в то время, как другие, нуждающиеся в них, не знали бы, где достать их.

Когда одному человеку нужно делать одновременно работу торговца, земледельца и ремесленника, то это связывается с непроизводительной затратой времени. При таком разделении труда земледелец или ремесленник все же должен брать на себя труд торговца. В подобного рода обмене есть, помимо того, много затруднений. Некто, г-н В., после своего путешествия по Филиппинским островам, написал книгу, в которой он говорит, что когда он шел в деревни дикарей, он не мог добыть ни одного куска хлеба за целый день, потому что дикари не знали употребления денег, а то, что он заготавливал для обмена, им было ненужно. Люди, жившие в старое время, и современные дикари часто испытывают это затруднение, как видно из следующего обстоятельства. Земледелец имеет излишек пищи и нуждается в одежде, он идет к человеку, изготавливающему одежду, и просит об обмене. Но этот не нуждается в пище, а хочет иметь овец, идет к овцеводу и просит обменять одежду на овцу. Но овцевод не хочет входить в соглашение, потому что ему нужна посуда. Овцевод приносит свою овцу к ремесленнику для обмена на посуду, но ремесленник хочет получить пищевые продукты. Ремесленник, в свою очередь, приносит посуду к владельцу пищи, но владелец пищи хотел бы получить одежду. Этот круг желаний будет сдавливать всех земледельцев, ремесленников, овцеводов,

ткачей и т. п. Каждый из них имеет свой избыток и нуждается в другом, но, благодаря тому, что желание каждого не совпадает с желаниями других, они все не находят удовлетворения. Это зависит от отсутствия надлежащего места, где бы все они, собравшись вместе, могли бы производить свой обмен. В силу же отсутствия такового рынка они теряют много труда и на производство, и на обмен, но с малым результатом и, благодаря этому, прогресс, конечно, замедляется.

Старый китайский император, по имени Шие-Лунг, предвидя это, поучал народ «собираться на рынке в полдень». Таким образом можно было собрать народ и товары. После окончания обмена люди возвращались домой удовлетворенными. Если создается рынок, то этим облегчаются трудности обмена. Что касается тех четырех людей, то они могли бы собраться на рынке в одно время, в одном месте и искать то, что им нужно. Они обменялись бы тем, что им нужно, и остались бы довольными. Рынок экономит и время и создает удобство для обмена. С тех пор, как рынок получил признание, нет больше препятствий для товарообмена. То же самое происходит и с употреблением денег. Из этого автор выводит заключение, что «способ собираться на рынок в полдень» является путеводной нитью к употреблению денег. Некоторые экономисты утверждают, что от обмена возникли деньги. Это предположение ошибочно. Они не знают, что во времена обмена существовала «стоимость», которая имеется среди товаров, так же, как и теперь у нас, во времена торговли. Во времена торговли деньги служат стоимостью для всех товаров, тогда как в эпоху обмена «собрание на рынке в полдень» служило, как деньги, мерилом стоимости. Человек мог употреблять эту стоимость, т.-е. удобный случай, для достижения выгод, тогда как те, кто не мог этого сделать, претерпевали много трудностей. Прежде чем деньги вошли в употребление, учреждением, облегчавшим обмен было «собрание на рынке в полдень», так что его надо считать колыбелью возникновения денег. Раз было «собрание на рынке в полдень», обмен совершался очень легко, так как много товаров было выставлено на-показ перед толпой. В то же время это давало большую экономию человеческого труда, а равно вызывало возрастание желания покупок.

Прежде обменивали лишь самые необходимые и нужные товары, теперь больше обращают внимание на обмен изящных вещей. Прежде чем обменивались сами товары, они еще прежде обменивались на изящные вещи, и уже эти вещи обменивались на товары. Изящные вещи, в роде раковин, драгоценностей и жемчуга, стали являться стоимостью товаров: таково происхождение денег. Таким образом деньги в первое время не были главной вещью. Но с тех пор, как обмен перешел на торговлю, деньги стали играть важную роль. Так как деньги употребляются для обмена на товар, то владелец их может теперь пойти к любому продавцу и купить, что ему нужно, избегая своей

двойной обязанности: продавца и ремесленника. Таким образом появление денег очень облегчает затруднения людей, очень увеличивает производство товаров, в десять раз более выгодное, чем «собрание на рынке в полдень». Развитие человечества было ускорено, и цивилизация продвинулась значительно вперед с введением обращения денег.

По моим изысканиям, употребление денег произошло после «собрания на рынке в полдень», т.е. началось после императора Шиен-Лунга. Употребление денег было известно во времена династии Чоу, когда цивилизация уже значительно подвинулась вперед. Промежуток между ними был около двух тысяч лет. Но культура в то время была не только выше, чем в предшествующие времена, но даже не могла быть превзойдена последующими столетиями. Это был действительно величайший прогресс, явившийся следствием употребления денег. Из этого мы можем вынести заключение, что употребление денег служит большим фактором в деле роста цивилизации. Только благодаря денежному обращению человечество могло перешагнуть через первобытные времена к современной цивилизации.

Несколько тысяч лет спустя после возникновения денег, были изобретены современные машины. После этого человечество пошло быстрее вперед, и материальные условия получили еще большее развитие и процветание. Машины дают возможность подчинять власти человека естественные силы и употребляют их для замены ручного труда. Что прежде не могло быть сделано силою человека, сейчас прекрасно исполняется машинами. Когда мы употребляем машины для нагрузки тяжестей, они развивают усилие, с которым могут сравниться только силы нескольких тысяч человеческих рук. Когда мы употребляем их для перевозки вещей, они могут в один день перевезти большие тяжести на много сот верст. Когда мы для обработки земли употребляем машины под управлением одного человека, они жнут ржи столько, что ею можно прокормить несколько сот человек. Когда мы употребляем их для тканья, они могут под управлением одного рабочего выделать одежды на тысячу человек и т. д., и т. д. Это открытие произвело целый переворот в промышленности, и деньги постепенно стали терять свою силу. Почему? До изобретения машин мировое производство велось применением ручного труда. Объем торговли был ограничен, сумма товаров еще не выходила за пределы денежной сферы. Но когда мировое производство перешло от ручного труда к машинному, которое ведется соединенными силами природы и человека, производство увеличилось в тысячи раз, и объем торговли соответственно увеличился во много раз. Это заставило торговлю видоизмениться. Расчеты по торговым оборотам постепенно стали производиться посредством кредитных обязательств, которые сейчас вытесняют деньги.

Это можно иллюстрировать следующими примерами: Один торговец из Кантона пересылает корабль с товарами, стоимостью в 1000000 долларов, в Шанхай и продает, разделив их на де-

сять партий. Он получает одну десятую процента прибыли с каждой партии, т.-е. 1000 долларов с каждой. Все ему уплачено наличными деньгами. Сосчитаем это в долларах, тогда каждая часть денег будет весить 4950 лан ¹⁾). Пусть он их соберет. Затем он идет купить другие товары на рынке, десять партий. Кроме переправки товаров от продавца к нему, он должен переправить продавцу большое количество долларов. Человек продает свои товары в десяти партиях, этим получает соответствующую стоимость в долларах, затем он должен покупать товары, а равно оплатить все те, которые он получил в десяти партиях: это означает чистейшую трату времени и энергии и, кроме того, это связано с большим риском. Далее, когда торговля ведется многими купцами в одном месте, то все их товары, взятые вместе, стоят миллионы и биллионы долларов, а их торговые операции требуют слишком много времени для завершения их. Деньги, прошедшие через руки этих купцов, составят огромные суммы. Золота и серебра, скопившихся на этом рынке, нехватит для подобной торговли. Поэтому золото и серебро при таких условиях теряют свою стоимость. Сила денег истощается, их место занимают кредитные обязательства. Какая польза от кредитных обязательств и заложных? Это может быть легко понято даже профаном в коммерческих делах. Что же касается вышеупомянутого нами торговца из Кантона, перевезшего товары на 1000000 долларов в Шанхай, то он продал их в десяти партиях и получил одну десятую процента прибыли. Значит он выручил 1010000. Но это не означает 49500 лан, а лишь листы бумаги. Это — или банковый билет, или билет какой-нибудь банковской конторы, акция какой-нибудь компании, или вексель. Когда он продал свои партии товара, то «купля-продажа» ограничена десятью листами бумаги. Кроме доставки товара, они никогда не будут платить друг другу золотом. Торговец из Фудзяня, заказывающий товары в Шанхае, платит такими же бумагами. Поэтому в таких сделках миллионные товары продаются без необходимости везти с собой золото, что дает экономию, устраняя необходимость двойной переправки этих 49500 лан от продавца к покупателю и обратно. Это также сохраняет деньги от случайных потерь и несчастных случаев. Нужно ли говорить, как это облегчает торговлю и сокращает заботы и время занимающихся торговлей, но, вместе с тем, это приносит выгоды обществу.

Поэтому в современных цивилизованных государствах торговля производится посредством долговых обязательств (векселей, чеков). Золото должно утратить свое могущество. Если китайский народ все еще суеверно думает, что могущество золота не угасло, то это очень походит на то, как Хоу-Шиен под конец царствования династии Чоу все еще верил в самообслуживание. Люди еще не знают, что с того времени, как создалось «собрание на рынке в полдень», самообслуживание смешанной работой ока-

¹⁾ 1 весовой лан = 8,639 золотн. = $1\frac{1}{2}$ английской унции серебра.

залось уже излишним. Когда же деньги вошли в употребление, то «собрание на рынке в полдень», в свою очередь, было сведено на-нет. С тех пор, как стали употреблять долговые обязательства (векселя и чеки), деньги тоже становятся бесполезными.

В первый год Китайской республики, когда я предложил изъять из обращения золото и ввести банкноты для облегчения государственных финансов и для развития промышленности, слушатели закричали, что это невозможно. Во время последней великой войны некоторые страны упразднили золото и ввели взамен его бумажные деньги, т.-е. совершенно то же, что автор предлагал семь лет назад. Если бумажные деньги будут надлежащим образом пущены в ход, они заменят вполне употребление золота. Но некоторые выдвигают такое возражение: во время наших династий Юан и Минг, четыреста лет назад, тоже были выпущены бумажные деньги, но этим они только ускорили свое падение и увеличили народную бедность. Во время гражданской войны в Соединенных Штатах правительство их тоже выпустило бумажные деньги, — это дало тот же результат. Какая же этому причина? Произошло это оттого, что они выпустили их в неограниченном, в чрезмерном количестве, это и привело к гибели, так как сумма выпущенных денег все увеличивалась, а товаров оставалось то же количество. Однако, спрашивают, разве пекинское правительство не прекратило уплату наличными деньгами по векселям? Разве это не есть упразднение денег? ¹⁾. Отчего же не было тех последствий, которых вы ожидали, а, напротив, царили паника и колебание? Нам думается, это произошло оттого, что пекинское правительство, обнародовывая этот декрет, скопировало лишь часть мер, принятых в других странах. В других странах правительства не оплачивали наличными деньгами векселей (чеков), но в то же время не принимали наличных денег. Пекинское правительство действовало иначе в этом деле. Выпуская этот декрет, оно думало, что оно не будет платить наличными деньгами народу, но что это не исключает возможности не принимать кредитных билетов, выпущенных им самим. Но это лишь обман народных масс никуда негодной бумагой; не имеющей никакой стоимости. Вот почему пекинское правительство рухнуло.

Когда Великобритания прекратила оплату по векселям, правительство ее в то же время не стало принимать наличных денег. Поэтому даже военные издержки, определяемые на каждый день и доходившие до шестидесяти или семидесяти миллионов, были оплачены бумагами, которые циркулировали непрерывно на рынке и всякий был рад пользоваться ими. Это происходило несколько месяцев, когда правительство выпускало национальный заем, он оплачивался тоже бумагой. Те, кто имел наличные деньги, должны были менять их на бумажные кредитные билеты в банках для оплаты налогов или покупки товаров, иначе

¹⁾ Пекинское правительство — правительство Юань-Ши-Кая. Ред.

их звонкая монета ничего бы не стоила. Вот каким образом Великобритания прекратила уплату наличными деньгами (звонкой монетой). Но пекинское правительство не принимало им же самим выпущенных бумаг. Оно дискредитировало свои собственные деньги и все же принуждало каждого доверять им и принимать их. Возможна ли подобная вещь? Вряд ли это будет сделано ловким торговцем или даже плохим маклером, между тем это делало правительство, именовавшее себя представителем народа. Это равносильно признанию себя банкротом.

Пекинское правительство совершенно невежественно в деле денежного обращения. Многие люди отличаются этим недостатком, хотя и тратят иногда очень большие деньги. Во время династии Хан, nasledовавшей развалины династии Чжен, все взрослые люди были в армии, старики и слабые помогали переноске снаряжений, работа была очень тяжелая, и финансовое положение Китая граничило с банкротством. Тогдашнее правительство решило, что это зависит от недостатка денег; поэтому оно стало побуждать народ чеканить монету. Однако мало-по-малу его стало беспокоить перепроизводство звонкой монеты, и правительство принуждено было запретить чеканку монет. Это, конечно, не было правильным образом действий. Богатство или бедность нации отнюдь не зависят от количества денег, они скорее зависят от количества товаров и широкого их обращения. В начале династии Хан затруднения последней были связаны с недостатком товаров, потом они обострились недостатком обращения товаров. Поэтому Сан-Хен-Ян, советник императора Ву-Ти из династии Хан, ввел меру «понижения цен товаров» до их условной стоимости для того, чтобы затем пустить товары в надлежащее обращение. Собирая товары в обычное время, он выбрасывал запасенные ранее товары на рынок, когда цены на них поднимались, и таким образом понижал цены до их нормальной стоимости. Когда ощущалась нужда в известного рода товаре в какой-нибудь местности и этим поднималась цена в данном месте, или бывал переизбыток какого-нибудь товара и цена оттого понижалась, он мог переправлять товары из одного места в другое, чтобы этим регулировать товарные цены. Он делал это потому, что знал настоящее значение денег. Очень жаль, что эти меры не были снова введены после Сан-Хен-Яна, ибо китайское народное хозяйство сейчас более чем когда-либо находится в хаотическом, запутанном состоянии.

Сейчас же, после возникновения великой войны, почти все взрослое население в воюющих странах было призвано под ружье. Промышленность в это время замерла, цена денег сильно понизилась. Правительства всех воюющих стран были принуждены взять в свои руки целый ряд отраслей промышленности и торговли и приспособить их для военных целей. Прежде всего, это было осуществлено в Германии и Австрии; но сейчас же за ними последовали и другие страны. Это была в сущности политика Сан-Хен-Яна.

По учению европейских ученых, человеческое существование можно разделить на три ступени. Первая ступень — потребности, отсутствие которых делает жизнь невыносимой. Вторая ступень — удобства, без которых жизнь не совсем приятна. Третья ступень — роскошь, не очень существенная для жизни. Мы увеличиваем наше счастье, если мы имеем их, но это не расстроит нашего удобства, если мы лишимся их. Конечно, если мы будем изучать эти ступени по отношению к современному человечеству, эти ступени будут иметь очень растяжимое понятие. Что один человек считает необходимостью, рассматривается другими, как предмет комфорта, а иными, как предмет роскоши. Но если мы будем говорить о них со ссылками на разные эпохи, тогда эти различия выступают очень резко. Автор считает, что времена, предшествовавшие употреблению денег, есть век первых потребностей. Человеческие стремления тогда не выходили за пределы желаний быть хорошо накормленными и одетыми. Люди тогда не стремились к другим вещам, да и не могли стремиться к ним. С того же момента, как деньги вошли в употребление, началась эпоха, которую можно назвать веком добывания средств для достижения комфорта, потому что человеческие желания уже возрастали и не могли уже быть удовлетворены одной пищей и одеждой. Тем более, что они могли добыть вещи, доставляющие им комфорт. Со времени изобретения машин начинается век роскоши. Лишь в это время мы можем наблюдать перепроизводство.

Мы больше не боимся бедности, но нас пугает неравномерность распределения. Страны с сильно развитой промышленностью стараются расширить свой рынок и экспортировать производимые товары в страны с менее развитой промышленностью. Многие цивилизованные страны, к сожалению, держатся той вздорной точки зрения, что лишь предметы роскоши приносят пользу человечеству. Соответственно с эволюцией этих трех ступеней хозяйственного развития происходит эволюция в понимании условной стоимости. В век первой необходимости «собрание на рынке в полдень» давало возможность товарообмена. В век комфорта (удобств) деньги, которые мы употребляем сейчас, были в ходу. В век роскоши деньги заменяются кредитными обязательствами (чеками, векселями). Эти изменения условной стоимости всех трех эпох способствуют благоденствию человечества, и люди должны пользоваться ими. Но это еще не значит, что не стоит обращаться к другим методам, кроме уже существующих. Например, в дни «собраний на рынке в полдень» люди все же продолжали заниматься самообслуживанием. Были и есть еще люди, практиковавшие «собрание на рынках в полдень» во время употребления монетной системы, как, напр., базар (ярмарка), бывающий каждые три дня. Это происходит в окрестностях городов. Даже когда люди не достигли века роскоши, они уже знали употребление векселей (чеков), выдаваемых вместо денег, в виде так наз. «летучих векселей», «денежных билетов» во время династии Тан и «бумаги о получении» или «отвечающей требованию»

бумаги» во время династии Сун. Это предшественники векселей. В наши дни мы должны пользоваться векселями (чеками), иначе мы не можем вести большой промышленности или торговли. Но возможно пользоваться в то же время и деньгами, хотя это не так удобно и выгодно, как чеками.

Китай переживает сейчас вторую ступень хозяйственного развития. Сельское хозяйство и ремесла все еще обслуживаются ручным трудом. Он не достиг еще ступени употребления машин, использования природных сил в помощь ручному труду, — путем применения пара, газа, электричества и воды. Все же с открытием портовой торговли с другими странами наша хозяйственная деятельность сильно увеличилась. Это не оттого, что у иностранных купцов больше денег, чем у нас, но потому, что количество ввозимых товаров превосходит количество экспортируемых нами, — разница достигает двух миллиардов долларов в год. За десять лет они возрастут в двадцать миллиардов. Если так будет продолжаться, то не исправить этого, даже если бы мы имели груды золота, похожие на горы, и бесчисленные и бездонные медные копи, до дна которых мы не могли бы достичь. Мы знаем прекрасно, что придет день, когда наша бедность достигнет своего апогея и наше богатство исчезнет. Какой же выход из этого? Один и единственный выход из такого положения, это — введение машинного производства.

Когда мы рассматриваем годовые доходы промышленных стран и делим их на количество населения, мы видим, что каждый гражданин может получить семьсот или восемьсот долларов в среднем за год. В нашей стране, которая все еще пользуется исключительно ручным трудом, каждый человек всего населения может получить в среднем семь или восемь долларов годового дохода. Если же мы введем машинное производство, мы, разумеется, можем достигнуть тех же результатов, которые свойственны промышленным странам, и тогда семь или восемь долларов, т.-е. богатство, увеличатся во сто раз против настоящего времени. Мы тогда сможем перейти на высшую ступень хозяйственного благополучия.

Промышленный переворот в европейских и американских государствах произвел внезапное изменение в жизненных условиях этих стран. Жизненный обиход этих стран быстро вступил в период роскоши и больших жизненных удобств. Его действие на общество похоже как раз на то, что доказывал Генри Джордж в своей книге «Прогресс и бедность». Он говорил: прогресс современной цивилизации, как острый стержень, неожиданно вонзенный в высший и низший классы. Те, кто наверху этого острого стержня, — лишь маленькое меньшинство капиталистов. Это меньшинство проталкивается все выше и выше этим стержнем день ото дня. Те, кто живут ниже, составляют обширное большинство рабочих. Они увлекаются день ото дня все ниже и ниже. Это означает, что богатые все богатеют, а бедняки становятся все беднее и беднее. Результаты этого промышленного переворота.

посылают свои блага лишь немногим из этого общества, но причиняют боль и страдание большей части населения. Неудивительно, что социальное революционное движение возрастает, так как естественно, что большинство не может быть принесено долее в жертву роскошной жизни меньшинства.

Зачем причиняются человечеству такие великие потери и страдания? Оттого, что люди не знают, как примениться к новому положению. Во время господства ручного труда господствовала теория «непротиводействия», чтобы поощрять свободную конкуренцию, чтобы заглушить сильный рост монополии и распространить доход на все население. Это практиковалось бессознательно в течение нескольких тысяч лет. Лишь после того, как в XVIII столетии Адам Смит открыл истину, лежащую в основе всякой деятельности, он высказал то, что каждый хотел сказать, но не мог и это дало ему уважение его современников и даже людей нашего времени.

Прошло около столетия со времени опубликования «Богатства народов», как развернулась промышленная революция. Со времени этого перелома человечество начало пользоваться машинами для расширения производства. Те, кто обладал механикой, могли господствовать над миром при помощи своих богатств. Если и теперь мы все же сохраним привычку свободного соревнования или выберем метод «непротиводействия», то это будет похоже на то, что мы будем поощрять хромого к соревнованию в беге с автомобилем. Даже ребенок может увидеть невозможность подобного соревнования.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что мы не сможем узнать законов денежного обращения, если не будем изучать эволюцию цивилизации и разбираться в развитии денежной системы. Мы не можем также знать этих законов, если не будем внимательно изучать историю торговли и промышленности, банковое дело, происхождение денег и т. п. Одним словом, большая часть европейских и американских граждан, равно как и китайцы, к сожалению, знают только о всемогуществе денег. За исключением этого, они совершенно невежественны в законах денежного обращения. Они склонны думать, что деньги имеют основанием товары. Только социалисты могут понять, что деньги построены на человеческом труде (включая весь ручной и умственный труд). Таким образом всемогущество заключается в человеческом труде, а не в деньгах. Итак, я говорю, что люди, к сожалению, умеют лишь тратить деньги, но далеко не всегда знают их тайны. Это первое доказательство моей теории, что «действие легко, но знание трудно».

б) ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВТОРОЕ.

Проблема человеческого питания.

Возьмем другой пример — питание человека. Это очень важная функция нашего организма. Вместе с тем, это — функция,

которую может выполнить каждое живое существо. Ребенок, вышедший из утробы своей матери, цыпленок, вылупившийся из яйца, могут проделать это так же хорошо, не будучи специально обучаемы этому. Но когда мы, размышляя, спросим себя об этом, знаем ли мы вполне секрет этого, то не только обыкновенный человек не может ответить утвердительно на это, но даже, после необычайных открытий и изобретений современной науки, ни один физиолог, доктор, гигиенист, физик и химик, посвятившие всю свою жизнь изучению этого вопроса, как сто лет назад, так и теперь, все же не может вполне объять все его значение.

Наш Китай, хотя во всем отсталый и несовершенный, не был опережен еще ни одной страной в развитии изготовления разного рода пищи. Изготовленные китайцами пищевые продукты превосходят таковые же европейских стран, равно как и самые способы наши изготовления пищевых продуктов. Что же касается характера вкуса китайцев, то новые современные начала, изобретенные западными медиками и гигиенистами, не могут превзойти китайских. Оставим в стороне и не будем говорить о тех пищевых веществах, которые не являются обыкновенными, о так называемых «восьми деликатесах». Что же касается предметов повседневного употребления, такие, как «чиен-чен» (золотая булавка), бобовый студень и бобовые почки, это — лучший вид кушаний из овощей, а европейцы даже не знают, что их вообще можно употреблять в пищу. Кушания из внутренностей и потрохов домашних животных считались у китайцев вкусными блюдами. Англичане и американцы раньше не ели их, а теперь едят их.

В Кантоне я видел иностранца, который презирал пас, как варваров и диких, потому что мы едим сгущенную свиную кровь. Но, по исследованию одного врача, свиная кровь содержит массу железистых веществ, это прекрасное средство для восстановления энергии. Все западные люди, которых лечили очищенным железом после болезни, после родов или малокровия, пьют теперь свиную кровь вместо железа, потому что железистые вещества, находящиеся в сгущенной свиной крови, органического происхождения и более подходят для физического здоровья, чем очищенное неорганическое железо. Итак, сгущенная свиная кровь, употребляемая как кушанье, может, с одной стороны, подкрепить больного и с другой — принести пользу нормальному человеку; следовательно, китайцы, употребляя ее в пищу, не варвары или грубые невежды, но как раз очень сведущие и гигиенические люди. Это один только пример, но их можно привести бесчисленное количество. Целый ряд блюд, изготавливаемых китайцами и совершенно неизвестных западным странам, — «иен-ох» (ласточины гнезда) и «ю-чих» (рыбные плавники) считаются китайцами за самую восхитительную пищу, тогда как западные народы лишь дивятся, что их можно так употреблять.

Если живопись, ласкающая глаз, и музыка, ласкающая слух, могут считаться искусством, то таковым, несомненно, могут быть.

и деликатесы, улаждающие вкус. Поэтому приготовление пищи — своего рода искусство. Лучшими поварами в западных странах считаются французы, и во Франции мы встречаем высочайшую цивилизацию. Отсюда мы узнаем, что хорошие методы приготовления пищи рождаются цивилизацией. Это естественно. Так как народ, который не тронут цивилизацией в продолжение долгого времени, неспособен различать тончайшие вкусы, а если нет такого тонкого различия вкуса, то не будет и искусного приготовления. Искусное приготовление китайцами пищи будет достаточным признаком, доказывающим поразительный прогресс китайской цивилизации.

В те времена, когда не существовало торговли между Китаем и западными странами, западные народы знали, что Франция славилась лучшей кухней в мире. Когда же они узнали о китайской пище, они стали восхищаться китайцами. Первый западный человек, путешествовавший в наших внутренних провинциях, это был португалец Матвей Риччи. В годы царствования нашего Яо-Гуанга (имя одного императора) из династии Чинг он путешествовал по многим провинциям, направляясь в Тибет. В воспоминаниях о своем путешествии он не раз восхвалял китайскую цивилизацию, в особенности восторженно отзываясь о нашей китайской кухне. В последние годы, когда китайцы появились за границей, китайская кухня стала в некотором роде модною. В одном лишь Нью-Йорке число китайских ресторанов достигло нескольких сотен. Нет ни одного американского города, в котором не было бы китайского ресторана. Американцы, как сумасшедшие, гнались за китайским вкусом, так что профессиональные американские повара очень завидуют китайцам. Они распростутили разные слухи о том, что бобовый соус, употребляемый китайцами, содержит яды, действующие разрушающе на здоровье тела. Убеденный этой выдумкой один муниципальный совет издал приказ, чтобы китайцы не смели изготовлять бобового соуса. Впоследствии медицинскими исследованиями было установлено, что бобовый соус не только не содержит ядов, но и имеет много питательных веществ, — однородных с веществами, находящимися в мясном соку. Он не только не причиняет вреда телесному здоровью, но, напротив, очень ему полезен. Запрещение было аннулировано. Китайская кухня не только распространилась широко по Америке, но и по Европе, где сейчас много китайских ресторанов в больших европейских городах. После реформы в Японии японцы, хотя во всем и следуют западной цивилизации, но в отношении кухни они все же предпочитают китайский метод приготовления. Сейчас многочисленные китайские рестораны открыты в Токио.

Не только многие блюда, изобретенные китайцами, и искусное приготовление китайцами пищи не могут быть превзойдены другими странами, но и китайский вкус, который бессознательно совпадает с правилами, положенными в основу современных правил науки и гигиены, выше всяких похвал. В Китае простой

народ аристократически пьет цветочный чай, а пища китайцев — рисовое блюдо с добавлением овощей и бобового студня. Такого рода пища, по определению гигиенистов, — самая полезная для здоровья. Это подтверждает тот факт, что люди, живущие в уединенных местностях, без вина и мяса, достигают глубокой старости. То, что китайцы выживают после чумы и болезней, в некоторой степени приписывается тому, что питание китайцев бессознательно совпадает с правилами гигиены. Поэтому китайцы могут посвятить себя серьезному изучению науки гигиены, стараться познать ее. Это, наверное, укрепит китайский народ еще более сравнительно с его настоящим положением.

Западные проповедники вегетарианской пищи, основываясь на своем знании науки и гигиены, стоят за вегетарианский стол, так как, по их мнению, эта пища удлиняет срок жизни. Но так как их меню не такое обильное и вкусное и их приправы не так хороши, как наши, китайские, то они хотя и восторженно отзываются об этой пище, но часто расстраивают свое здоровье недостатком питания. Поэтому вегетарианство вряд ли может сильно распространиться. Китайские вегетарианцы должны есть бобовый студень, потому что бобовый студень есть не что иное, как так называемое вегетарианское «мясо». Он имеет все качества мяса и свободен от его яда. Таким образом китайцы привыкли к нему без пропаганды ученых.

Европейцы пьют кислые вина и едят порченное мясо. Они привыкли к этому так, что не могут изменить этого, хотя там, с одной стороны, существуют строгие карательные законы, воспрепятствующие продаже вина (как в Америке и России), и с другой — новые открытия в современной науке и гигиене. По счастью, в отношении еды и питья мы усвоили привычки гораздо более лучшие, чем в какой-либо другой стране. Вопреки другим народам мы усвоили эти хорошие привычки без поощрения или запугивания. Мы должны сохранить их навсегда и не потерять их — с тем, чтобы быть примером всему миру.

Древние мудрецы говорили, что человек — «вселенная в миниатюре», но мы скорее сказали бы, что он — «маленькое государство», потому что желудок и внутренности с их соответствующими функциями, действительно, походят на государственные учреждения, отправляющие дела своей страны. Что же касается частей, составляющих все тело, то совершенство их организма, быстрота их действий совсем не могут быть достигнуты государственным устройством. И все эти тайны жизни отнюдь не могут еще быть постигнуты современным знанием.

По исследованиям современных ученых, материя, составляющая человеческое существо, и одушевленные предметы есть не что иное, как клеточка, т.е. жизненные атомы. Но что такое клеточка? Это очень маленькая вещица, крайне удивительная и чрезвычайно загадочная. Согласно с тем, что известно современной науке, она очень чувствительная и осмысленная. Она может действовать, двигаться и думать. Она имеет причины и намерения.

Что делает наше тело таким необычайным, удивительным и загадочным, как не эта клеточка? Различные явления животного и растительного царства суть проявления обмена и соединений клеточек. В то время, как человечество строит свои дома, корабли, экипажи, города и мосты, клеточка создает человечество и все другие одушевленные предметы. Птицы в воздухе — это аэропланы, созданные клеточками. Чешуйчатые рыбы в воде — это подводные лодки, созданные клеточками. То, что люди зовут инстинктом и интуицией, есть также инстинкт и интуиция клеточек. С тех пор, как современные ученые открыли, что клеточки чувствительны, чего старые философы познать не могли, — теперь многое может быть объяснено. Сейчас началась новая эра, — знание сильно расширило пределы нашего понимания.

Человеческое тело создано клеточками; органы, функционирующие в роде пищеварительной системы, являются факториями клеточек. Пища, которую ест человек, становится пищей клеточек. Пока человек живет на земле, клеточки связаны с человеком. Клеточки, соединяющиеся в разных частях тела, похожи на людей, живущих в разных городах. Самое первое условие человеческого существования — это быть накормленным и одетым. То же самое и с клеточками. Поэтому первая и главная потребность клеточек — топливо и материалы. 8/10 того, что мы едим, поглощается как топливо, а остатки употребляются, как восстановительные материалы. Топливо имеет два назначения: первое — согревать тело, — это похоже на то, как люди жгут дрова, чтобы защитить себя от холода; второе назначение его — делать то же дело, что горящий уголь в топке фабричного котла, — производить энергию и претворять ее в силу. Так как человек, который работает, нуждается в большем количестве еды, поэтому он ест больше пищи, нежели человек, который работает мало и поэтому нуждается в меньшем количестве еды. Если пищи более чем достаточно, чтобы доставить теплоту, то излишек ее будет употреблен на отложение жиров на непредвиденные случаи. Если же теплоты недостаточно, то клеточки должны извлекать жиры, уже отложенные, чтобы употребить их, как топливо. Если жиры израсходованы, то их приходится извлекать из тела и мускулов. Это и есть причина, отчего человек, неимеющий достаточного питания, склонен быть худым и тощим.

Пища (вещество) одновременно служит для пополнения клеточек для строения тела. Если материалов больше, чем требуется, они все превращаются в теплоту и не отлагаются в теле. Это очень похоже на то, как если есть избыток строительных материалов в городах, то они сжигаются, как топливо, за ненадобностью. Таким образом не должно быть излишка пищи, — иначе она поглотит энергию многих органов для превращения ее в теплоту. В случае непригодности пищи для топлива, остатки от горения растратят энергию почек для удаления их. Почки будут переутомлены и, следовательно, повреждены. Поэтому крайне нежелательно иметь излишек пищи.

Пища может быть разграничена на две категории; первая — как род топлива, этим отличаются овощи; вторая — из рода восстановительных материалов, что находятся в изобилии в мясе. Если есть избыток этих восстановительных материалов, они могут быть обращены в топливо, но, с другой стороны, если имеется избыток топлива, то его нельзя обратить в материал. Поэтому нельзя допустить недостатка материала, так как это означало бы разрушение внутренностей и кишечника. Если люди будут знать эти элементарные истины, сохранение здоровья и продление жизни много выиграют от этого.

Пища обычно состоит из нескольких важнейших элементов: азота, углеводов и жиров. Кроме этого, есть еще вода, соль, железо, фосфор, магния и органические вещества (что касается последних, то химики еще не открыли к какому элементу они принадлежат), которые необходимы человечеству. В одном грамме азота находится 4,1 калория тепла; в 1 грамме углекислоты — 4,1; в 1 грамме жиров — 9,3 калории. В домашних животных и в чешуйчатых породах (рыбах) содержится много азота. В растениях тоже содержится азот, в особенности в бобах. Что же касается веществ, которые каждый человек должен поглотить ежедневно, то здесь физиологи расходятся во мнении. Некоторые утверждают, что 100 граммов протеидов достаточно, другие говорят, что и 50 — уже достаточное количество. Один австрийский физиолог нашел, что каждое kilo тела требует от 34 до 40 калорий, когда человек занят умственным трудом, и от 40 до 60 калорий полагается человеку, занимающемуся физическим трудом. Поэтому человек, весящий 70 kilo, потребует 2800 калорий в первом случае и 3500—4000 калорий — во втором. Но другой ученый, испробовавший это, сделал вывод несколько иной: он весит 86 kilo, сам он ест 45 граммов протеидов ежедневно и 1800 калорий топлива вдобавок. Потом, хотя его вес уменьшился на 13 kilo, он все же почувствовал себя более бодрым и крепким. Затем он сокращает граммы протеидов до 38 и топливо до 1500 калорий, и вес его остается таким же, как он был и прежде. Сейчас много физиологов производят опыты, сколько человек должен поглощать граммов пищи. По их мнению, азота, который нужен человеку для строения его тела, не может быть меньше, чем 50—100. Топлива не менее 3000—4000 калорий. Случаи, когда человеку, работающему тяжелую работу, нужно пять или шесть тысяч калорий, очень редки.

Болезни человека обыкновенно происходят от недостатка надзора за его питанием. В животном мире все животные руководятся своим инстинктом, они всецело под надзором своих потребностей, почему количество их пищи доходит только до известных пределов. Когда предел достигнут, они не станут больше есть. В давние времена так поступали и люди, так поступают дикие племена, которых еще не коснулась цивилизация наших дней, потому что они не утратили еще своей природы, и их способность насыщаться еще ограничена, поэтому они редко предаются страсти

еды. Иначе обстоит дело с цивилизованными людьми. Чем выше цивилизация, тем больше развито зло (вино, опиум и много другого, что вредит здоровью), и человеческие неудовлетворенные желания возрастают по мере развития цивилизации. Поэтому неудивительно, что перед нами бесчисленное множество людей, страдающих от недостатка контроля в питании.

Автор тоже однажды страдал от болезни, происшедшей от переполнения желудка. Начало было очень незаметно, но я запустил болезнь, так как был занят другими делами. Однако болезнь оказалась очень серьезной. Я начал лечиться. Болезнь полегчала, — я забросил лечение, так как другие дела опять отвлекли мое внимание. На некоторое время болезнь остановилась в одном положении, но с течением времени лекарства и пилюли не помогали, и я должен был обратить серьезное внимание на состояние моего здоровья. Я ел только молоко, рисовый отвар и мясной бульон. Сначала это очень помогло, но не излечило меня окончательно, и такое состояние продержалось с полгода. Затем болезнь ухудшилась, желудок постоянно болел, пока не стало ни одного лекарства, которое могло бы мне помочь излечить его.

Потом я изменил метод лечения и прибегнул к втираниям. Сначала эти втирания дали удовлетворительные результаты. Однако через несколько месяцев старая болезнь вновь сказалась, и мне становилось все хуже. Я пожелал найти доктора, который был бы знаком с медициной и хирургией. Мне встретился японец. по имени К. Метод этого доктора, без сомнения, — прекрасный. Он написал книгу под заглавием «О сохранении здоровья путем сопротивления», где рекомендует метод питания, совершенно непохожий на обычный. Западные врачи предписывают больному легко перевариваемую пищу и предлагают избегать тяжелых и компактных вещей. Что же касается предписаний г-на К., то он советует избегать мяса, жидкой пищи, как молоко, рисовый отвар, яйца и мясной сок, а есть твердые овощи и свежие зеленые листья, выбирая такие, которые легко перевариваются, для возбуждения желудка и кишечника, для поднятия их деятельности, чтобы таким образом возратить их естественные свойства. Сначала я не верил в это, но потом когда я рассудил, что я принимал молоко, рисовый отвар в продолжение полугода безрезультатно, почему было мне не испытать этот метод лечения? Кроме того, замечая, что приемы г-на К. уже облегчили мою болезнь, я тем более решился последовать его советам. Г-н К. сказал: «лечение лишь временное исцеление; если вы хотите совсем освободиться от болезни, от корня зла, вы должны поддерживать ваше здоровье путем сопротивления». Я послушался его советов и предписанных им правил и получил удовлетворительные результаты. Через несколько месяцев после моего выздоровления, когда я снова ел яйца, молоко, чай и проч. вещи, это старое зло снова вернулось ко мне. Прежде я думал, что это зависит от других причин, не связанных с моим питанием, но раза три или четыре оно вызвало те же последствия,

и я был принужден точно исполнять предписания г-на К., совершенно избегая мяса, яиц, молока и всякого рода возбуждающей пищи. Я ем ежедневно вареный рис, овощи и немного рыбы. Моя болезнь прошла вот уже два года назад. Принимаемая мною пища сделала мое тело таким же сильным, как оно было прежде. После принятия пищи я не испытываю никакого переполнения желудка, но, напротив, приятное ощущение. Этого я не ощущал прежде и ощущаю лишь за эти последние два года.

Я учился в медицинской школе и считал себя очень знающим в физиологии и гигиене. Но я пренебрегал своей собственной гигиеной в малых вещах и получил болезнь желудка, почти неизлечимую. Счастье мое, что я узнал от г-на К., каким образом поддерживать мое здоровье путем сопротивления, благодаря чему я, наконец, мог вылечить мою долгодетную болезнь. Теория г-на К. — воистину великое открытие в медицинской науке. Из этого мы тоже можем видеть, как трудно знать хороший метод питания. Кроме того, у разных лиц бывают разные натуры, это, конечно, надо учесть, прежде чем предписывать кому-либо нужную ему гигиену. Может быть, одна вещь, пригодная для одного человека, может не подойти для другого. Также и метод излечения разных болезней должен быть неодинаков и не может быть обобщен. Но вообще правила питания и сохранения здоровья не могут быть иными, как есть во-время и не есть чрезмерно.

Эти элементарные истины должны быть соблюдаемы каждым человеком. Мясо, входящее в меню, прежде всего предназначается для создания теплоты в теле и способствования образованию его тканей. Жизненная энергия тоже зависит от него. Это очень важно и не может быть упущено из виду. Но количество, которое должен есть человек, надо соразмерять с величиной его тела. Согласно с вышесказанным нельзя принимать пищи слишком много, — иначе она причиняет телу только вред. Известно много случаев, когда слишком большое количество мяса служило во вред телу. Количество мяса должно быть разным, сообразно с возрастом. Молодые люди, которые должны еще расти, могут есть больше мяса, взрослый человек должен есть меньше, а старик — еще меньше. Что вегетарианская пища есть лучший способ для продления жизни, это признано всеми учеными, гигиенистами, физиологами и докторами. Но, кроме этого, нужно признать, что китайский способ приготовления пищи из овощей — самый лучший. Бобовый студень (род каши) должен быть рассматриваем как мясо, и при употреблении его нельзя переходить за пределы известного количества, потребного для человека. Соразмеряя количество этой пищи, которую может есть человек, надо как можно ближе придерживаться в этом случае субъективной гигиены.

Какие происходят изменения с пищей во время ее переваривания в желудке, т.-е. когда желудок и внутренности перерабатывают ее в кровь, как она изменяется? Эти секреты еще труднее уяснить себе, чем вопросы питания. Когда пища попадает в рот, она прежде всего должна пройти через пробу ее языком, чтобы

можно было узнать, подходит ли она для желудка, и может ли он переваривать ее. Если она не принимается желудком и кишечником, поднимается сейчас же рвота, которая и выкидывает ее. Если она подходит, то язык принимает ее и смешивает со слюной, зубы пережевывают и перерабатывают ее, слюна поможет смягчить и увлажнить ее, чтобы превратить крахмал в сахар. Когда процесс во рту закончен, посредством кончика языка она отправляется через пищевод в желудок. Пищевод растягивается и проводит ее к месту назначения. Когда пища попадает в желудок, нижний конец желудка моментально закрывается. Желудок распределяет в себе пищу. Если желудок насыщен, клеточки тотчас же дадут знать об этом мозгу, и тот в свою очередь отдаст приказание закончить процесс еды. Вот почему мы часто чувствуем себя удовлетворенными (сытыми). Это одна из функций желудка, так как он устанавливает количество пищи, которое потребно нам на каждый день. Когда мы чувствуем себя сытыми, мы должны перестать есть, — иначе мы только вредим этим здоровью нашего тела.

Когда пища вполне запасена, желудочный сок начинает умягчать протеиды совершенно так же, как слюна умягчает крахмал. Мускулы желудка сокращаются и растягиваются попеременно, растягивают и встряхивают пищу, пока она не растворится в пищевую кашицу. Тогда желудок открывает свой нижний конец и переводит пищу в кишечник; когда она попадает в верхнюю часть кишечника, растворенная кашица смешивается с кишечным соком. Чего не могут растворить слюна и желудочный сок, помогает растворить сок кишечный. Пища проводится через кишечник, и затем она попадает в печень. Что полезно для питания тела, переправляется в сердце, откуда она разносится по венам и распределяется по разным органам тела для питания клеточек. Что бесполезно для тела, тут же отбрасывается печенью и не допускается в кровь. Тогда она проводится в желчный пузырь, вновь поступает в тонкие кишки, для образования сока, способствующего процессу выделения. Под-конец, ненужные остатки и отбросы проходят в прямую кишку, где они накапливаются до достаточного количества и выбрасываются как экскременты. Это весь процесс питания. Многие еще можно сказать и о том, что делается с переработанной пищей, попавшей в кровь. Но это не может быть понято людьми, которые не посвятили себя физиологии, и даже физиологи не вполне знакомы с этим процессом. Сказанное выше касается внутреннего строения пищеварительной системы и процесса питания. Это естественное явление, и можно сказать, что постичь все его значение очень трудно.

Рассмотрим теперь такие вопросы, как производство пищи, транспорт ее, распределение и предупреждение голода, которые прямо порождены человеком и тоже не могут легко и просто быть изучены. Социальная политика из всех современных стран получила наилучшую организацию в Германии. Во время великой империалистической войны Германия была блокирована с моря

Великобританией. Можно было ожидать, что германский народ останется без пищевых запасов. Паника среди германцев была всеобщей. Население терпело много лишений. Через два года после начала войны германское правительство применило научный метод в деле снабжения Германии. Германия вышла из продовольственного кризиса, и паника прекратилась. Это дало возможность Германии продержаться обособленно еще два года, — без этого Германия должна была бы немедленно сдаться и капитулировать перед союзниками. До этого времени германский народ, желавший купить пищу, должен был стоять в хвостах, ожидая очереди. Требовался надзор многих полицейских для соблюдения порядка. Торговцы отпускали товар по порядку приходившим. Когда запасы иссякали, стоявшие позади возвращались с пустыми руками. Таким образом желавшие получить продукты должны были не спать в предшествующую ночь, шли к лавке и там ждали очереди до наступления зари. Один германский доктор очень остроумно сказал, что если бы германская женщина проспала на шесть часов больше в своей квартире, у нее в теле было бы больше жиров, чем она в состоянии купить.

Отсюда нетрудно представить положение вещей в Германии того времени. Методы введенные германским правительством, были не что иное, как обобщение и бережное употребление. Если мы посмотрим на прежнее производство Германии, то увидим, что оно могло прокормить 80% населения, тогда как, улучшенное таким образом, оно могло дать лишних не более 20%. Но трата пищевых продуктов в ресторанах ежедневно была больше 20%. Кроме того, чрезмерное количество пищи, съеданной людьми, переходящее определенную норму, было тоже больше 20%. Поэтому первым распоряжением германского правительства, было запретить расточительность в столе и ограничить излишества. Оно ввело метод распределения пищи, благодаря которому каждый имел определенное количество пищи ежедневно. Таким образом хотя продуктов не прибавилось, но пища была распределена между населением более или менее удовлетворительно. Кроме того, оно увеличило производство. Все сады и необработанные пространства, покрытые травой, были обращены в сельскохозяйственные площади, были приняты меры к производству химических удобрений. Все, что претерпело население Германии, и на что в течение двух лет оно смотрело как на непоправимое зло, разрешилось вполне удовлетворительно этой системой рационального распределения. Бедность была сглажена, и необходимые потребности были умеренно удовлетворены. Что же касается достижений, то это нельзя приписать трудности действия, но совершенно обратно: это — лишь знание того, как нужно делать, — что очень трудно дается.

Подводя итог всему сказанному, т.-е. процессам пищеварения, поглощения, очищения, строения и сжигания элементов пищи, составляющим процесс питания, можно сделать следующие выводы. Если кто смотрит, как сырой материал доставляется

на фабрику, и там обрабатывается машинами и преобразуется в красивые вещи, — разве это значит, что он может сказать, что все это сделали машины? Разумеется, нет. Почему? Потому, что существует еще человеческая сила, управляющая машинами, и которую надо принять во внимание. Необычайные употребления различных органов, которые им можно придать, не созданы самими органами, но это клеточки работают внутри их. Из этого мы можем сделать вывод, что познание процесса питания очень трудно. Заведывание пищевыми запасами хотя и практикуется многими гражданами, но все же рациональное распределение их не легко познается каждым. Это лишний раз доказывает, что знание трудно, а действие легко.

в) ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТРЕТЬЕ.

Китайская письменность.

Далее мы иллюстрируем нашу теорию искусством писания сочинений. В продолжение нескольких тысяч лет китайцы создали большую литературу. В Китае все, начиная от императоров и королей вплоть до простого народа, даже разбойников и пиратов, все умели ценить и восхищаться литературой, как искусством. От этого чрезмерного увлечения литературой китайцы смотрят на людей, обладающих этим даром, как на всемогущих лиц. Много талантливых и одаренных людей оставили все другие занятия для того, чтобы всецело отдаться изучению литературы. Это повело к тому, что всякого рода другие профессии замерли, и наша страна ослабела ¹⁾. Что же касается самой литературы, то мы не можем не сказать, что она необычайно прекрасна и полна значения. С того времени, когда китайский император Фу-Ши в древнейшие времена написал свои «Восемь диаграмм» ²⁾, эволюция письменности продолжалась больше 5.000 лет. Хотя не все из четырехсот миллионов китайского населения могут читать и писать, но почти все находятся под косвенным или непосредственным влиянием китайской литературы. За пределами нашего отечества это влияние распространяется на Японию, Корею и Индо-Китай, которые считают себя сходными с китайцами по языку.

Если говорить о продолжительности времени, в течение которого употребляется китайский язык, то мы знаем, что он пережил мертвые языки Египта, латинский, вавилонский и греческий. Если говорить о сфере его распространения, и если сравним его с английским, так наз. «самым распространенным» языком, на котором, как оказывается, говорят 200 милл. людей, то китайский язык превосходит его в два раза, так как на нем говорят четыреста

¹⁾ Изучение китайской литературы привело к своеобразной китайской схоластике. Ред.

²⁾ Это можно считать за начало китайской письменности этой эпохи. Ред.

миллионов людей. Когда какой-нибудь народ развивается до стадии, в которой он имеет свою национальную литературу, это считается большим шагом вперед. Но еще большее значение должна иметь литература, которая способна влиять на соседние страны, поглотить их и уподобить себе. Это доказывает тот факт, что 5000 лет назад страна наша занимала крошечное пространство в долине Желтой реки, а теперь она превратилась в беспримерную величайшую страну на земном шаре. Хотя на протяжении столетий Китай часто захватывали вторгавшиеся чужие народы, он все же, несмотря на то, что был слаб и бессилён, не был поглощён и порабощён этими народами, а напротив того, завоеватели так же легко, как легко повернуть стол, были ассимилированы китайцами. Это может быть приписано только исключительным особенностям китайского языка.

Некоторые современные китайские писатели ратуют за упразднение китайских букв и письмен, но автор того мнения, что китайские буквы и письмена не должны никоим образом быть упразднены.

Употребление машин и денег, как было сказано выше, помогает человечеству достичь лучших (удобных и роскошных) материальных условий; но что касается умственного развития, то лишь языку дано продлить и расширить его. Можно быть уверенным, что материальный прогресс и умственная цивилизация обоюдно влияют друг на друга и ожидают один другого в общем прогрессе. Медленное преуспевание китайских материальных условий задерживает стремление вперед его умственной цивилизации. Однако, из этого не следует, что нужно бросить работу изысканий в области давно прошедших времен. Наоборот, если мы сравним современную китайскую цивилизацию с европейской, то мы увидим, что хотя мы уступаем европейцам в материальных условиях, но в умственном развитии у китайцев есть много творений, которые стоят на одном уровне с их произведениями, а в некоторых случаях являются даже более прогрессивными. Впрочем, есть и такие, которые не могут идти в сравнение с европейской литературой.

Глубоко неправы те, кто, не задумавшись над этим вопросом, смахивают китайскую цивилизацию одним взмахом пера. Более того: современный образ мыслей китайцев и их идеалы все были сформированы их предками; поэтому, когда мы сейчас стараемся приступить к нашему улучшению и изменить разные стороны нашей жизни и быта, мы должны стараться изучить наш древний образ мыслей и наши идеалы, чтобы найти первоисточник и развитие этих идеалов, изучить их хорошие и дурные стороны, — для того, чтобы лучше понять их. Только опираясь на такое тщательное изучение, мы можем узнать путь к исправлению предрассудков и тех склонностей и особенностей, которые свойственны китайцам. Так как письменные труды — лишь способы и посредники передачи мыслей, то эта особенность письменности может быть приравнена к функции денежной системы, которая

играет роль посредника в товарообмене. Если мы будем настаивать на упразднении китайских писем, то как же мы будем подходить к старинному образу мышления и изучать его?

Кроме того, с тех пор, как существует история, эти китайские письма повествовали о всех событиях, происходивших в течение этих четырех-пяти тысяч лет, точно и непрерывно. Это исключительная особенность китайского языка. Она должна была бы быть не только оценена учеными, но и использована ими. Если ее использовать надлежащим образом, если древние ученые будут нами использованы, они не поведут нас по неправому пути; если мы будем пользоваться ими и не будем поработаны ими, тогда старые летописи и документы помогут нам изучить древних ученых, которые будут служить для нас летописцами. И чем они многочисленнее, тем лучше. Европейские ученые не боятся даже мертвых писем Египта и Вавилона (хотя эти две страны уже давно погибли и их языки уже совсем вышли из употребления), не боятся изучения и собирания обрывков истории прошлого и реставрации их, так как они считают, что мысли древних времен могут быть очень полезны для нашего современного знания.

В Китае язык разговорный и язык письменный вовсе не тождественны. Конечно, китайская письменность берет начало из разговорного языка. Но язык подвергся изменениям в течение разных периодов. Что же касается китайской письменности, то хотя манера ее и изменялась в разные времена, но все же изменения ее нельзя сравнить с быстротой изменения разговорной речи. Так, в очень отдаленные времена, до наших первых «трех династий», когда письменность еще только слагалась и распространение китайской культуры ограничивалось только долиной Желтой реки, и речь, и письменность были одинаковы, — в этом нельзя сомневаться. Ко времени «династии Чжоу» культура уже распространилась во все стороны далеко за пределы долины Желтой реки; племена в Хубее, Хенане, Анхое, Фуцзяне и Цзянсу ¹⁾ находились под влиянием китайской письменности, но все же удержали каждое свой местный язык, откуда и произошло разделение между письменностью и разговорной речью.

Когда династия Чжоу пришла в упадок, разные дикие племена заполнили равнины Китая. Иноземные языки стали слышаться рядом с китайским языком. Через тысячу лет, ко времени «пяти династий», династии Лян, династии Юань, а двумя тысячами лет позже, т. е. ко времени последней маньчжурской династии, когда монголы, тибетцы и маньчжуры силились захватить Китай и повелевали китайцами, наречия этих племен более или менее оставили свои отпечатки на китайском языке.

Три тысячи лет тому назад, во время династии Хань, китайцы старались писать китайские иероглифы очень красиво, язык же

¹⁾ В оригинале эти места обозначены старыми именами, которые легко могут вызвать в уме китайца эквивалентные им названия на современном языке, но для иностранца удобнее заменить их современными названиями.

в своем развитии был предоставлен самому себе. В разговорной китайской речи были изменения, но не было прогресса; в письме же хотя буквы и были унаследованы от старины, но техника их начертания улучшалась, так же как и их обработка и изящество. Поэтому китайский язык — самый неуклюжий и странный язык на свете; часто нельзя было передать значения слова иначе, как через письмо.

Китайцы — недурные писатели, но очень неловкие (неуклюжие) собеседники. Это можно легко объяснить. Письменность может быть передана с самых отдаленнейших времен. Старинным классикам можно легко подражать. Что же касается речи, то она может отличаться способом составления и обработки красивых фраз, как в простом разговорном языке, так и для риторики; но, к сожалению, их нельзя передать за недостатком записей, и они теряются со временем. Отсюда происходит прогресс письма и регресс языка.

Кроме того, в европейских языках начертание слов основано на голосовых звуках, и сочинения пишутся на обычном языке; когда голосовой звук изменяется, изменяется язык, а соответственно с этим изменяется и письмо. Иначе дело обстоит с китайским языком. В китайском языке начертание слов основывается на двух началах. Первое заключается в том, что начертание должно носить сходство с вещью, которую оно изображает ¹⁾; второе условие — в том, что начертание должно быть составлено так, чтобы можно было угадать его значение, если проанализировать его составные части ²⁾. Если составление китайских букв так сложно, то неудивительно, что китайская письменность не подвержена влиянию изменений речи.

Творения даровитых писателей в китайской истории превосходят иностранных писателей, — это всеми признано. Так как китайская письменность является уже искусством и даровитые писатели являются своего рода художниками в своих тщательно обработанных изысканиях, то познания в китайской литературе не могут быть приобретены заурядным умом. Можно, конечно, порицать неожиданно широко распространившееся зло, заключающееся в том, что все устремились к одному роду искусства — изучению литературы и забросили все остальное.

В истории китайской литературы есть много первоклассных писателей; но все же я спрашиваю наших китайских писателей, знали ли они все правила китайской письменности, прежде чем они начали свою литературную карьеру. Ответ будет: «нет». У нас нет грамматики. Люди, изучающие китайскую письменность, часто посвящают себя изучению иероглифов постепенно, они дохо-

¹⁾ Напр., китайское слово, означающее солнце, походит на изображение солнца. Р е д.

²⁾ Напр., китайское слово «прекрасно — превосходно» составлено из двух слов, имеющих значения: «молодо» и «девушка». По их сравнению можно узнать значение слова, потому что, обыкновенно, молодые девушки прекрасны и превосходны. Р е д.

дят до понимания приемов письменности, их письмо бессознательно совпадает с правилами грамматики. Таких людей, которые могли бы анализировать сочинения, изыскивая, «как должно было бы быть» распределение слов и фраз, рассудить значение («отчего») употребления каждого слова, — таких писателей трудно найти. Когда их спрашивают о методе их мышления, они говорят в свое оправдание, что каждый человек должен постигать и развиваться сам по себе, никаких установленных правил или методов не может быть вам дано. Этот ответ показывает малую осведомленность наших ученых. Китайцы почитают ученых за людей, изучающих значение того, что «должно было бы быть», и «почему должно быть». Если они только знают, что надо поступать известным образом, но не могут объяснить этого, то такого рода ученые не могут быть уважаемыми учеными.

Когда мы хотим знать как «должно было бы быть» в сочинениях, мы должны приступить к изучению правил языка. Когда мы хотим знать, «почему должно быть» что-либо, мы должны изучать науку рассуждения. Изучение правил языка в западных странах зовется «грамматикой». Она учит анализировать фразы, как разделять слова на части речи, синтаксису составленной фразы, — для того, чтобы вы могли правильно выражать вашу мысль. Каждая страна на Западе имеет грамматику, построенную в соответствии с ее наречием (языком). Это элементарный урок для начинающих. Поэтому, когда дети достигают десятилетнего возраста, они уже обыкновенно знают свою грамматику и могут управляться со словами, которые им нужны для писания сочинений. Таким образом, несмотря на различные познания учеников, большие или малые, когда пишутся сочинения, ни один из них не пишет неправильно, редко случается даже, что они неправильно употребили слово. В Китае же до сих пор нет такой науки, как грамматика. Те, кто учится писать, если они только не придерживаются повторения или пересказа примерных и классических образцов, чтобы таким образом изучить их стиль, не могут правильно писать по-китайски. Поэтому те, кто уже трудится над этим очень усердно и уже вошел в курс дела, могут писать хорошо. Те же, кто не знают, как приступить к этому изучению, даже если они будут рыться по десяти лет в книжных лавках, не достигнут никакого результата и будут продолжать так же неправильно писать по-китайски.

Если мы будем давать детям учить по 10 знаков (иероглифов) в день и объяснять им их значение, они будут знать 3000 знаков в год, но если вы захотите, чтобы они составили из этих знаков сочинение самое простое, они будут не в состоянии этого сделать. Так как они, не зная грамматики, не могут найти кратчайшего способа для правильного письма, им приходится идти ощупью, в потемках в течение нескольких лет. Это то же, что переходить реку. Если нет моста или лодки под рукой, путешественник должен долгое время ходить кругом, прежде чем

найдет кратчайший путь для переправы на другой берег. Воистину несчастная судьба китайцев.

Со времени появления в свет книги под названием «Китайская грамматика», Китай в первый раз стал обладать этой отраслью знания. Что касается автора этой книги, то он провел десятки лет в изысканиях и изучениях для составления ее. Но если мы рассмотрим поближе значение этой книги, то увидим, что в ней заключается только доказательство бессознательного совпадения писания классиков с правилами грамматики и подтверждение того, что грамматика необходима китайским писателям для улучшения их творений. Хотя ее можно употребить, как справочную книгу для опытных писателей, но она не может служить руководством для начинающих. После большого труда г-на Ма, много печаталось книг по этому вопросу. Но хотя они и считаются пособиями для начинающих, все же очень печально, что их авторы не были знакомы с тайнами китайского языка, поэтому в них есть некоторые ошибки и простонародные обороты речи. Кроме того, для комментирования своих установленных правил они цитируют исключительно старые творения, совершенно не обращаясь к современному языку, и потому их сочинения не могут быть понимаемы людьми, мало знакомыми с классической литературой. Для того, кто уже владеет китайским языком, они не нужны, потому что он уже отыскал брод для перехода через реку и ему уже не надо искать моста.

Мы ценим мосты, пока мы еще не переправились через реку; так и дети десяти лет, не умеющие писать, нуждаются в помощи для того, чтобы научиться писать. Я искренно надеюсь, что большие китайские ученые займутся в обширных размерах изучением иностранных грамматик разных стран и будут затем применять их правила к современному китайскому языку, что даст им возможность составить китайскую грамматику, чтобы объяснить правила современного китайского языка, что, несомненно, требуется для улучшения его. Если будет китайская грамматика, и китайский народ будет ознакомлен с нею, и будут знать ее для правильного употребления выражений, то из этой грамматики китайцы почерпнут возможность понимать старинные произведения, — и тогда хорошо писать по-китайски будет так же легко, как «повернуть руку». Тогда единообразие между письмом и разговорной речью может быть восстановлено.

Что такое умение писать рассуждение? В западных странах это называется логикой. Автор употребляет выражение: «наука писать рассуждение», чтобы перевести слово «логика» не потому, что оно более подходяще, но потому, что думает, что логика, примененная к составлению сочинений, есть рассуждение. Современные писатели обыкновенно применяют эту науку для вывода правильных умозаключений, и потому они переводят это слово, как «наука рассуждения»; а другие — как «наука аргументации».

Разумеется, это отнюдь не самые точные переводы. Наука правильных умозаключений обнимает лишь одну часть логики,

в то время как аргументация — лишь одна часть умозаключений, и ее круг очень ограничен. Конечно, выражения не об'емлют всей логики и не могут выражать точного ее перевода. Те, которые переводят термин «логика», как «наука рассуждения» или как «наука аргументации», видят только частичку правды. Это все равно, как китайцы, живущие в чужих землях, называют Испанией Маниллу. Это историческая ошибка. Манилла — остров Океании, близ Китая. Тысячи лет назад китайские мореплаватели часто посещали эти места, поэтому китайцы привыкли к этому названию. В позднейшие времена Манилла была занята Испанией. С той поры, побывавшие там китайцы называли испанцев манильцами. Потом, когда они бывали в Американских Соединенных Штатах, в Мексике, Чили, Перу, видели там испанцев, господствующих над разными территориями, они тоже стали называть этих испанцев манильцами. Еще позднее, когда они узнали, что так называемые «манильцы» имеют свое отечество, они стали называть Испанию Большой Маниллой, а острова — Малой Маниллой. Так оно осталось и по сие время. С точки зрения научной правильности мы можем только называть Испанию, включая в нее Маниллу, и, называя Маниллу, включать в то же понятие и Испанию. Но китайцы за границей не знают другой Испании, кроме Маниллы, они все же зовут ее этим именем, наравне с ее настоящим названием. Китайские логики, переведшие логику частичным наименованием, аналогичны этим китайцам за границей.

Но что такое логика, и как лучше всего перевести это слово? Автору хочется этот вопрос обсудить. Те, кто знакомы с логикой, знают, что это наука всех наук, открывающая путь к правильному мышлению и правильным поступкам. Есть бесчисленное количество людей, бессознательно мыслящих логически, хотя они никогда и не изучали логики. В Китае эта наука названия не имеет. По мнению автора, эта наука должна быть переведена, как «ли-чieh»¹⁾. Эта отрасль науки еще не вполне развита. Те, кто посвящает себя этой науке, не могут быть одинакового о ней мнения. Здесь очень много противоречивых суждений. Те, кто не посвящает себя этой науке, относятся к ней равнодушно, так как среди природных человеческих способностей уже имеется сила логического рассуждения. Когда искусные писатели погружаются в глубокие думы и рождают бессмертные произведения, они делают это бессознательно. Если мы спрашиваем их, каким путем достигли они этих вершин, они не могут сказать нам этого. Больше того: они совершенно не знают путей, которыми они шли. Не зная грамматики, они не знают и того, «как должно было бы быть».

Позвольте привести пример для большей наглядности. Г-н Чен-Куо-Фан был, как мы знаем, величайшим ученым во время па-

¹⁾ Эти два иероглифа Сунь-Ят-Сена вряд ли можно перевести на русский язык, но читатель должен принять их за точный перевод логики, как сказал автор. Ред.

дения династии Чинг. Когда он обсуждал с другими литературные произведения, он цитировал известные старинные выражения, как «весенние зефиры дуют, летние дожди идут» ¹⁾, «развязать одежду, чтобы вдеть меня», «дать пищу, чтобы напитать меня», в доказательство того, что однозвучные слова: зефиры — зефирят, дожди — дождят, одежда — одеть, пища — питать — употреблены здесь в разном значении. Он говорит, что первые слова (зефиры, дожди, одежда, пища) являются именами существительными собственными, а вторые слова — «существительные, употребленные виртуально» ²⁾. Это открытие г. Чен считал не имеющим предшественников, и он, дав ему объяснение, считал, что он нашел ключ к разгадке тайн старых рукописей. Но с грамматической точки зрения первые слова имена существительные, а вторые — глаголы, это естественно и очень просто. Но самый даровитый древний писатель не знал этого, а объяснял, как «существительные, употребленные виртуально».

Те, кто не знают логики, не знают и цели («для чего») кигайских сочинений. В новейшем труде под названием «Краткий перечень китайской грамматики», между прочим, в третьей главе, сказано следующее: «Имена собственные служат исключительно для наименования людей и вещей» и ничего более. Например, г-н Ф. И. Хоу в своем очерке о Ванг-Хенге, канцлере в царствование династии Чин, говорит: «Как около 2000 лет тому назад Чин-Куо-Лианг был верен и честен по отношению к династии Хан до конца, Ванг-Хенг был таким же лицом для династии Чин». Г-н Кунг-Чи-Куей в своем «Воззвании к горам севера» говорит: «В прекрасных занавесах пустота, соловей жалуется, человек в горах ушел, обезьяна удивлена». В приведенных здесь примерах, хотя Чин-Куо-Лианг и Ванг-Хенг — человеческие существа, а соловей и обезьяна принадлежат к миру животных, все четыре существительных являются именами собственными, потому что не все человеческие существа зовутся Чин-Куо-Лианг или Ванг-Хенг, не каждое животное бывает птицей или обезьяной. Такого рода существительные называются именами собственными». В этом примере автор книги смотрит на Чин-Куо-Лианга, Ванг-Хенга, соловья и обезьяну, как на имена однородные. Это, конечно, совершенно неверно не только для глаз пробежавшего учебник, но даже для необразованного человека, умеющего логически рассуждать.

¹⁾ Для большей понятности того, что хотел сказать автор, пришлось бы по-русски выразиться: «весенние зефиры — зефирят, летние дожди — дождят».
Р е д.

²⁾ В китайском языке нет, как в английском или ином западном языке, изменений и окончаний для глаголов, имен существительных и прилагательных, так что там часто попадаетеся одно слово, имеющее разные значения, но произносимое одинаково. Слова (зефир), (дует), (дождь), (идет), и т. д., хотя и получают некоторые изменения от добавленного (с), все же сохраняют ту же окраску, как и в китайском языке. Р е д.

Но почему же автор сделал эту ошибку? Потому что в Китае нет такой науки, как логика, а люди редко пользуются заложённой в них логической силой мышления.

Китайские писатели талантливны и многочисленны, их творения прекрасны и изящны. То, что пишут они, может вдохновить небо и землю, как однажды заметил г-н Юан-Хсийон. Но в течение нескольких тысяч лет китайцы могут только писать, но не могут знать, как они пишут. У китайцев не было никого, кто изобрёл бы грамматику или логику, — пока иностранцы не ввели этой науки в нашу страну. Разве это не пример того, что действия легки, а знание трудно?..

Г Л А В А II.

«ТРУДНО ПОЗНАТЬ, ОСУЩЕСТВИТЬ ЛЕГКО».

(Еще семь доказательств.)

Нам кажется, что теория лёгкости действий и трудности знаний могла бы считаться достаточно доказанной тремя приведенными выше примерами. Но говорят, что хотя это и верно, но всё же это оставляет ещё не заполненный пробел тем, что в других случаях это может быть иначе.

Поэтому мы попытаемся доказать правильность нашей теории семью другими примерами, а именно: постройкой домов, судостроением, возведением стен — укреплений, проведением каналов, электричеством, химией и эволюцией, и посмотрим, будет ли права наша теория и во всех этих случаях.

Лишь спустя тысячу лет после того, как человечество стало строить себе жилища с большими для себя удобствами, появилась наука архитектуры. Китай до сих пор ещё не имеет своей архитектуры. Китайские дома строятся не по планам архитектурной науки. Совсем иначе дело обстоит с иностранными постройками. Все они основаны на архитектурной науке. Прежде набрасывается эскиз, затем разрабатывается план, а потом уже приступают к постройке. Это — действие, выполненное прежде всего знанием. Планы зданий в Шанхае выработаны иностранными архитекторами, а работы по постройке выполняются китайскими кули. В этом случае люди, обладающие знанием, — иностранные архитекторы, а люди, принимающие на себя работу по выполнению этих построек, — китайские рабочие. Постройка выполняется усилиями и совместной работой знания и действия.

Если мы посмотрим поверхностно на вещи, то нам будет казаться, что архитекторы взяли себе более легкую работу, потому что они работают только пером. Но если мы ближе посмотрим на дело, то убедимся в громадной разнице, существующей между трудностью рисунка и лёгкостью работы, — так же далеко отстоящих круг от друга, как небо от земли. Представьте себе, что кто-нибудь желает построить дом в 10000 долларов;

он прежде всего идет к архитектору и просит сделать ему план, спрашивает о вместимости дома и о материалах, требующихся на это. Архитектор, берясь за это дело, должен вычислить разные материалы, которые нужно будет приобрести, и их различные качества, не выходя из пределов 10000 долларов. Это должно быть изучено на практической экономии. Во-вторых, архитектор должен принять во внимание площадь земли, на которой должен стоять дом. Вычислить его вместимость в кубических саженьях, давление этого здания, вес, который может выдержать фундамент или еван. Все это архитектор должен аккуратно вычислить, все это изучается согласно данным прикладной физики. Далее, как построить его, — по-модному ли, сделать ли его удобным и красивым? Это уже почерпывается из практической эстетики. Что же касается знания того, как должны поглощаться световые лучи, как должен воздух двигаться свободно в помещении, как предохранить дом от холода и жары, как избежать грязи и нечистоты, — это уже знания из области домашней санитарии. В заключение нужно знать, как убрать гостиную, как надлежащим образом устроить кабинет, как сделать комнаты уютными и удобными, что принадлежит уже к области социальной психологии. Архитектор должен сделать рисунок сообразно с знаниями, почерпнутыми из вышеуказанных отраслей знания, — если он хочет быть известным архитектором.

Высокие дома в несколько этажей и частные дома (особняки) иностранцев в Шанхае построены по планам очень знающих архитекторов. Но строили их китайские кули. Если судить по этому опыту, то что более легко — знание или действие? Таким образом архитектурное дело может служить четвертым доказательством правильности теории о легкости действий и трудности знания.

В октябре, в 7-й год нашей республики (1918 г.) один китайский судостроительный завод в Шанхае построил корабль в 3000 тонн. Когда его спустили на воду, иностранная пресса громко приветствовала это. Печать говорила, что это самый большой корабль, когда-либо построенный в Китае и стоящий того, чтобы на него обратили внимание. Но корабль был построен по образцу кораблей западных стран, его соорудили применяя к нему знание современных наук и посредством иностранных машин. Говорят, что за последнее время все рабочие на иностранных судостроительных заводах в Шанхае, Гонконге и на островах Океании — китайцы. Только несколько инженеров и директоров обычно принадлежат к иностранным племенам. Сейчас есть уже много судов водоизмещением более 10000 тонн, построенных такими заводами. Одним словом, мы можем сказать без преувеличения, что на Востоке, на иностранных судостроительных заводах, суда все построены китайцами, потому что строительная работа проходит через руки китайцев.

Автор посетил несколько судостроительных заводов, чтобы ознакомиться с работой на этих заводах. Спрашивая китайских

рабочих о технике судостроения, я заметил, что процесс постройки совершенно не труден, но трудность заключается в начертании планов и рисунков. Если последние сделаны, то строительная работа будет идти сообразно с этими рисунками и скоро может быть закончена.

В прошлом году, когда Соед. Штаты об'явили Германии войну, самое могущественное снаряжение, которое было нужно во что бы то ни стало, состояло в сооружении флота. Америке пришлось принять неслыханные меры к увеличению судостроительных заводов. Они наметили один год для постройки кораблей в 4 милл. тонн. Когда этот план был Америкой обнародован, весь мир встревожился. Если бы такой план был бы предложен в обычное время, мир посмотрел бы на него, как на безумное и смешное предприятие. Но Америка работала интенсивно.

На судостроительных заводах суда более чем в 10000 тонн заканчивались в течение нескольких десятков дней. В Америке было сто с лишним судостроительных заводов. Большие заводы взялись изготовить десятки судов; меньшие заводы взяли меньшее количество. Они приступили к работе одновременно и вели работу так интенсивно, что к назначенному времени они выполнили всю намеченную программу.

За последнее время японский судостроительный завод построил судно в 10000 тонн в 23-дневный срок. Это был мировой рекорд. Но это выполнение является следствием современной науки. Основываясь на знании, человечество обсуждает планы, прежде чем приступает к их выполнению. Выполнение этих планов необычайно и поразительно. Стоит сравнить это с трудностями задач в судостроении, бывшими до приложения современной науки. На этом сравнении мы можем самым ярким образом убедиться в незыблемости теории «о легкости действий и трудности знаний».

В начале династии Мин (1398 г.) император Ченг-Чу семь раз приказывал евнуху Чиен-Хо отправиться в морское путешествие для разыскания и ареста отказавшегося от престола императора Чиен-Вен. Первый раз этот евнух пустился в плавание в шестом месяце третьего лунного года Юиен-Ло. Он вернулся в 9-м месяце 5-го лунного года того же императора. В продолжение этих месяцев он объездил все острова океана и даже доходил до Сан-Франциско. Когда мы вычислим длину пути, пройденного им, и время, на которое он был задержан в пути, мы увидим, что его путешествие не могло быть закончено менее чем в двадцать восемь месяцев. Разделим 28 месяцев на двое; первая часть — подготовительный период и вторая — период путешествия. Положим, что первый период, по меньшей мере, продолжался 14 месяцев. В этот период, со дня получения приказания до дня отплытия, Чиен-Хо должен был запастись провиантом на 28000 человек, оружием для них и всем, что им было необходимо. Но самая тяжелая работа была достать шестьдесят четыре больших корабля, могущих идти в открытое море.

Это была гигантская работа. Согласно хроникам династии Мин, все корабли дальнего плавания имели 440 футов в длину и 180 в ширину. Хотя мы не знаем, как глубоко они сидели в воде, мы можем предположить, что 10 футов уходили под воду. Поэтому общее количество тонн может равняться 4000 или 5000 тоннам. Если мы представим себе условия того времени, мы сможем оценить вполне эту замечательную работу. Тогда не было научного знания, как теперь для облегчения задачи; не было машин, могущих заменить ручной труд. Кроме того, Чиен-Хо не был судостроителем. Тогда даже не было кораблей такого размера. Но Чиен-Хо в четырнадцать месяцев смог выстроить 64 корабля для дальнего плавания, на которых могли разместиться 28000 человек и на которых он обехал все острова океана, чтобы показать за границей внушающую страх славу Китая, заставив находящиеся там варварские племена вспоминать великие подвиги Чиен-Хо и восхищаться китайцами до настоящих дней. Это действительно величайшее дело. Если теперь китайцы могут строить корабли в три тысячи тонн с помощью современной науки и иностранных машин, и это заслуживает больших похвал, то что это значит в сравнении с выстроенным одним кораблем Чиен-Хо? Таким образом кораблестроение, как пятый пример, тоже подтверждает нашу теорию.

Самое известное архитектурное произведение в Китае — это так называемая Великая стена. Император Ших-Хуанг-Ти, из династии Чин (в 240 г. до р. х.), приказал генералу Монг-Тиенгу выстроить стену, могущую выдержать нападения татар. Эта работа началась от Мукдена на восток и кончилась в Шанси. Она пересекала горы и долины на протяжении 5000 ли. Подобной работы не было в старые годы, — это было единственное чудо мира. Ведь, во время династии Чин наука еще не была открыта, машин еще не существовало, ручной труд еще не был так разнообразен, сырые материалы еще не были обильны, и наука архитектуры еще была в зачаточных формах и не была так разнообразна, как теперь. Как могли китайцы достигнуть подобного успеха?

Говорят, что китайцы сделали это, движимые необходимостью. Западные поговорки говорят, что нужда — мать всех изобретений. Хотя император из династии Чин геройской храбростью покорил весь тогда разделенный Китрай, т.-е. все шесть независимых маленьких государств внутри страны, но ему не представлялось возможности пройти через пустыню, чтобы разбить татар. Организовать регулярные войска для предотвращения неожиданных нападений было тяжело и трудно. Поэтому для того времени и для последующих лет было целесообразнее возвести большую стену, сделать ее неприступной для татар. Хотя император Ших-Хуанг-Ти был жесток и безжалостен к своим подчиненным, но постройка им стены дала человечеству такое же великое дело, как оказанная услуга Великим Ю, избавившим нас от потопа. Теперь мы можем видеть и представить себе,

что если бы нас не охраняла Великая стена, мы были бы раздавлены татарами. Раса наша была бы уничтожена совершенно в начале династии Хан (206 до р. х. — 220 после р. х.). Если бы не было стены, китайский народ не процветал бы в дальнейшем и не был бы так силен во времена династий Хан и Тонг, не был бы в состоянии соединить (слить, впитать в себя) южные народы Китая.

Китайский народ достиг зрелого возраста, развиваясь одновременно и физически и духовно, под охраной Великой стены и хотя Китай потом пал под нашествием монголов, все же монголы смешались с нами и были поглощены нами, а не наоборот, как иногда это можно наблюдать в истории народов.

Хотя позднее китайцы и были покорены манчжурами, последние не могли избежать все же той же участи, что и монголы. Но прежде чем эта сила китайского народа должна была еще развиваться и окрепнуть, Великая китайская стена сделала свое дело, оградив наш народ от нашествия и порабощения со стороны варварских народов — северных татар. Император думал постройкой этой стены укрепить власть своих потомков, сделать ее незыблемой навсегда, оградив Китай от нашествия татар. Он не знал и даже не мечтал о том, что она даст такие огромные результаты, ограждая нашу молодую и не созревшую еще китайскую цивилизацию от разгрома ее северными татарами. Его вынуждала необходимость построить стену во что бы то ни стало, поставив все на карту, и он совершенно не обращал внимания на ту гигантскую работу, которая ему предстояла, и на те огромные усилия, которые ему пришлось употребить на это дело. Историки говорят также, что он совершил это, не зная заранее, каким путем он выполнит свое намерение.

В наши дни господства науки и совершенства механики человеческие силы и силы машин превзошли возможности прошлого и наука архитектуры очень быстро двинулась вперед. И сейчас если пойти к опытному гражданскому инженеру и попросить его составить план постройки большой стены, вычислить, сколько пойдет на нее материалов, сколько потребуется времени для выполнения работы, какая сумма для этого понадобится, и сколько будет нужно затратить труда, — я думаю, он ответит: «Это очень трудно знать». Но если найдется инженер, который не смутится этой работой и сделает подробное обследование, на которое потребуется несколько лет труда, исследует все, начертит план, представит его на обсуждение народа, то последний вряд ли скажет, что выполнение (действие) трудно, а знание легко.

Позвольте мне привести еще один наглядный пример. Я попрошу моих читателей последить за полями сражений в Европе в великую войну. Когда попытка немецких войск захватить Париж не удалась в первый раз и они были принуждены подойти от наступления к обороне, то армия вырыла очень длинную траншею, начинающуюся от берега Северного моря до подножия

швейцарских гор, в несколько месяцев. Ее измеряют в 1500 миль. В ней были три линии укреплений. В каждой линии были подземные окопы, земляные стены (валы), укрепленные переходы и склады. Что же касается сложности и неприступности этого сооружения, то одна миля его в каждой линии значила больше, чем вся работа Великой китайской стены. Общая длина этих трех линий была не меньше 5000 миль. Такой же длины траншея была вырыта со стороны Антанты, чтобы иметь возможность сопротивляться германцам. Длина этой работы с обеих сторон, таким образом, достигает 10000 миль, т.-е. в два раза больше длины Великой стены.

Эти траншеи заранее не обдумывали, а выполнили их в срочном порядке. Но величина этой работы и быстрота ее выполнения даже до некоторой степени, могли бы мы сказать, таинственны. Но этого еще не достаточно. Линия военных действий в Восточной Европе, идущая от Балтийского моря через весь материк до Черного моря, была в три раза длиннее западного поля сражений. Враги стояли друг против друга за траншеями одинаковой длины, точно так же, как это происходило в Западной Европе. Время, потребовавшееся на эту работу, было такое же. Такого рода гигантская работа могла казаться нам невыполнимой, если бы эти траншеи не были фактом. Но поля сражений как в Западной, так и в Восточной Европе стали теперь исторической землей, на которой не осталось никаких следов. Даже военные инженеры-специалисты с трудом могли бы отыскать их; тем не менее, это — факт. Так, из всего вышесказанного явствует, что наша китайская Великая стена и великие европейские поля сражений могут служить шестым доказательством (подтверждением) теории о легкости действий и трудности знания.

Было еще одно гигантское сооружение в Китае, второе после Великой стены: это — императорский канал. Он начинался от Хан-Чоу и проходил через провинции Кянсу, Шаньдун и Чжили. Он пересекался р. Янцзы, Большой рекой, Белой рекой и заканчивался у северного Тенг-Чоу. Его длина определяется в 1000 миль; это самый первый и самый длинный канал на свете. Этот канал служил важной системой внутреннего водного сообщения между севером и югом Китая, доставляя бесчисленные преимущества нашей стране и нашему народу. С тех пор, как Китай вступил в товарообмен с чужеземными странами, стало употребляться пароходное сообщение в широких размерах. Открылось морское сообщение, и каналом стали все меньше пользоваться, его затянуло илом, во многих местах он теперь почти запружен и грозит разливом. За последнее время было немало людей предлагавших понизить ту или другую часть канала между рекою Янцзы и р. Хвай, чтобы использовать далее пользу от этой воды.

Инженеры, приглашенные для обследования, пришли к выводу, что работа эта не легкая и затраты будут настолько велики,

что нужно подумать о выпуске иностранного займа, чтобы выполнить эту работу. Само собой разумеется, что работа по углублению канала легче, чем работа по проведению канала, и дело улучшения части реки легче, чем создание всей реки. Но люди настоящего времени, прежде чем они приступят к разработке какого-либо плана, уже чувствуют трудность своей работы; тогда как люди старого времени могли блестяще выполнить прорытие канала в 1000 миль, как будто не совершив ничего особенного. Почему это так? Потому, что действительная трудность работы заключается не в периоде выполнения ее, а скорее в начале, в периоде обсуждения и планировки. Люди старого времени не были такие ученые, как люди наших дней; когда они собирались что-нибудь выполнить, они не отлагали своей работы из-за долгих разговоров и обсуждений с самого начала. Они прежде приступали к делу, так, как к тому их вынуждала насущная необходимость. Их успех и совершенство в работе достигались бессознательно. Так обстояло дело, когда сооружался Великий канал, т.е. китайцы выполнили эту работу без предварительного плана.

Есть много на свете каналов. Самые замечательные из них — каналы Суэцкий и Панамский. Суэцкий канал находится в конце Средиземного моря и соединяет его с Красным морем. Он сократил сообщение между Атлантическим и Индийским океанами. С самых древних времен существовало намерение прорыть этот канал. В 1789 г., когда Наполеон завоевал Египет, он уже решил проложить этот канал между двумя морями. Он приказал инженеру исследовать перешеек для предварительных работ. Инженер пришел к заключению, что разница в уровне Красного и Средиземного морей доходит до 29 футов. План Наполеона был заброшен. Только уже в 50-х годах прошлого столетия некоторые французы снова взялись за него, они нашли прежние вычисления неправильными, и что разница в уровне не была так велика. Только в 1854 г. Фердинанд Лессепс начал агитировать в пользу идеи организовать компанию для прорытия судоходного канала через перешеек. Его подняли на смех и вышучивали в особенности в Англии, где весь народ отказался от этого плана, как совершенно невыполнимого, и считал, что его постигнет неизбежная неудача. Но Лессепс приложил все старания, чтобы завоевать сочувствие своего народа, несмотря на упорное сопротивление, которое оказывал весь мир предлагаемому им плану. Наконец, ему удалось убедить народ, и с поддержкой французских капиталистов и египетского наместника (вице-короля), компания Суэцкого канала была основана в 1858 г. На следующий год работа по постройке началась официально. В 1869 г. Суэцкий канал был официально открыт.

После этого английский премьер-министр Дизраэли начал всеми силами стараться приобрести в пользование английского правительства акций компании Суэцкого канала, имевшиеся у египетских хедивов. Впоследствии он даже присоединил Еги-

пет к британским владениям, основываясь на том, что Англия должна охранять канал, чтобы иметь право контроля над проходом между Средиземным и Красным морями и связать водное сообщение с Индией.

После своей удачной попытки прорыть Суэцкий канал Лессепс сделался всемирно известным и всеми уважаемым человеком. Тогда он стал уделять большое внимание плану постройки Панамского канала, чтобы дать возможность сообщения между Атлантическим и Тихим океанами. Вскоре начал заполняться подписной лист на акции, и они были немедленно разобраны. Работа по постройке началась в 1882 году. В 1889 году общество совершенно обанкротилось, оказавшись не в состоянии продолжать эту работу; Лессепс тоже понес за это кару. Крах способствовали две причины: во-первых, отчасти крах произошел от недостатка средств, во-вторых, от господствовавшей там эпидемии (малярии). Эпидемия унесла слишком много людей в этом предприятии, и из-за этого оно не могло продолжаться.

Недостаток денег можно, конечно, было пополнить, значительно хуже обстояло с эпидемией. Если бы она продолжалась, то вряд ли было бы возможным приступить к дальнейшим работам. Наука того времени не в состоянии была справиться с проблемой оздоровления Панамского перешейка. Поэтому работы были временно прекращены. Однако позднее современной наукой было установлено, что все болезни происходят от бактерий, и эпидемия в Панаме, т.-е. малярия, распространялась через насекомых (комаров). Когда правительство Соединенных Штатов решило продолжать постройку Панамского канала, оно, прежде всего, начало работу с истребления насекомых и ряда мер к оздоровлению местности. Когда это было закончено, работы по постройке начались и успешно закончились в 1918 году. И с тех пор сообщение между Атлантическим и Тихим океаном стало реальным фактом.

Из этого мы видим, что главная причина неудачи Лессепса заключалась в том, что он не знал губительного действия насекомых, а причина успеха правительства Соединенных Штатов заключалась всецело в том, что оно, опасаясь опасности заболевания от этих насекомых, приняло меры к их истреблению. Таким образом это является одним из доказательств моей теории.

С давних пор Китай всегда гордился, что он является первой страной в деле изготовления инструментов и кораблей. Много других вещей, которые создал Китай, сильно способствовали развитию мировой цивилизации. К числу последних надо отнести книгопечатание, порох, фарфор, шелк и чай, в которых нуждается человечество. Но есть еще одна вещь, которая способствовала открытию мировых сношений и более тесному сближению народов между собой. Это — китайский компас. Историки говорят, что компас был изобретен императором Хвангти (легендарным монархом, в 2698 году до р. х.), но другие доказывают, что компас открыт Чое-Кунг, герцогом и премьер-министром в начале династии

Чоу (1125—255 до р. х.). Однако, если оставить в стороне вопрос об имени изобретателя компаса, то, несомненно, что китайцы давно открыли природу магнита и изобрели компас. Впоследствии западные страны применили его для плавания по морям, что способствовало развитию дела морского сообщения.

Если бы не было компаса для указания направления, то вряд ли кто-либо отважился бы отправиться в далекое, безбрежное море. Если бы не было компаса, то морские путешествия не развились бы, и цивилизация не достигла бы такого уровня, на котором она находится в настоящее время. Таким образом польза от компаса огромна. Но что такое компас? Это простая электрическая машина. Люди начали пользоваться электричеством, употребляя компас. С тех пор, как компас вошел в употребление, человечество начало изучать причины, по которым стрелка компаса всегда указывает одним концом на юг, а другим — на север. Отчего же магнит притягивает железо? Лишь после тысячи лет усилий и изысканий человечество открыло электричество. Оно узнало, что электричество невещественно, что его сущность может изменяться в тепло и свет. Оно проникает всюду и разлито во всей атмосфере. Когда оно проходит вдоль земли, оно имеет определенное направление, с юга на север. Когда магнит находится под действием электричества, он имеет тяготение указывать на север и юг, совсем так же, как флюгер под влиянием ветра идет в сторону, куда направляется ветер.

Прежде, когда человеческие познания об электричестве были еще слабы, человечество смотрело на молнию и гром, как на божества, и поклонялось им; теперь оно употребляет их для своих домашних нужд. Теперь мы зовем наш век веком электричества. Сейчас человечество не может обойтись без электричества. Если мы посмотрим в городах и портах, то мы увидим, что употребление электричества увеличивается с каждым днем. Мы зажигаем электрические лампы. Мы пользуемся электричеством в путешествиях, мы можем разговаривать при посредстве электричества, мы можем сообщаться один с другим посредством электричества, мы работаем с электричеством, мы лечим болезни с помощью электричества, мы готовим пищу на электричестве, мы употребляем его для тепла и т. д. Но мы спрашиваем: много людей употребляет электричество, но сколько из них знают, что это такое?

Когда появляется новое изобретение, положим, динамо, мир постепенно привыкает пользоваться этим изобретением. Например, великое изобретение последних дней — беспроволочный телеграф, в течение нескольких лет распространившийся по всему свету. Открытие же это поглотило столетия усилий, истощило знание многих ученых, ибо каждый из них включил свою долю знаний, пока вполне было охвачено понятие о беспроволочном телеграфе. Опираясь на научную истину и точное знание, конечно, не очень трудно изобретать машины. Сейчас каждый может вести свою корреспонденцию по беспроволочному телеграфу. Место работаю-

щего на беспривольном телеграфе может занять тоже каждый. Ремесленники, изготовляющие машины беспривольного телеграфа, уже не стоят перед трудными задачами. Самая трудная задача лежит на плечах ученых, и если эта трудность превзойдена, то все остальное уже идет хорошо. Из применения электричества мы видим, что когда человечество не знало электричества, оно уже имело магнит, употребляло его для компаса, нужного для мореплавания. Таким образом электричество составляет восьмое доказательство теории о легкости действий и трудности знания.

Развитие современной науки достигается не прогрессом одной отрасли знания, вернее, оно достигается соединенными усилиями разных наук и их взаимопомощью в этом стремлении вперед. Одна отрасль науки, ближе всего подходящая к электричеству, — химия.

Если химия не прогрессирует, то и электричество вряд ли может одно идти вперед. И обратно, прогресс химии может иметь место лишь при условии новых изобретений в науке об электричестве. Предтечей химии является тавистическая ¹⁾ алхимия. В старые годы люди изыскивали всеми способами электричество в надежде достигнуть своей цели. Хотя лекарство не было найдено, но этими попытками развитию химии был дан толчок. Самые выдающиеся открытия химии — выделка киновари, пороха, фарфора и бобового масла. В Китае это химическое производство существует в течение нескольких тысяч лет, но китайцы лишь продолжали свое дело в этой отрасли, не зная сущности; даже не зная, что такого рода производство зовется химией.

Сейчас современные китайские ученые имеют необыкновенное тяготение к западным наукам, и самая чудодейственная отрасль, интересующая их — химия. Самая трудная часть для изучения в химии — это химия органическая, самая важная часть которой — пищевые вещества. Западные физиологи последнего времени путем исследований пришли к заключению, что в животной (мясной) пище есть много вредных вещей. Поэтому люди, употребляющие мясную пищу, умирают раньше. Но тут является другая задача: то, в чем нуждается, главным образом, человек для своего питания, большей частью имеется в мясной пище. Если мы перестанем есть мясо и будем искать в чем-нибудь другом эквивалентные питательные вещества, найдем ли мы какие-нибудь пути для достижения этого? Вот почему вопрос гигиены питания — вопрос старый, который ученые очень стараются разрешить.

За последнее время биология развивается очень быстро. Много великих открытий было сделано французскими химиками. Они создали органическую химию. Пользуясь методом соединения для добывания органического вещества, они даже задались целью изготовления пищевых веществ посредством химии. Г-н Пастёр

¹⁾ Тавизм — китайское учение, ищущее пути к бессмертию на земле.

основал бактериологию, чем способствовал появлению биохимии. Его последователи применили биохимию к изучению пищи и таким образом пришли к заключению, что мясо содержит ядовитые вещества, и что овощи — самая лучшая пища.

Мой друг г-н Ли-Ши-Чен, учившийся во Франции, ученик Пастёра, изучал агрокультуру и уделял большое внимание бобам. Он основал «Международное общество изготовления бобового молока» и утверждал, что бобовое молоко вполне может заменить коровье, а бобовая пища — мясную. Он основывал свои выводы на теориях многих химиков и на опытах употребления вегетарианской пищи. Он тоже основал «Патихисское общество бобового молока». Разумеется, китайцы едят бобовую кашу (отвар) с давних времен, и нечего говорить о том, что многие китайцы умеют ее готовить. Даже в очень глухих деревнях с многочисленным населением имеются фабрики бобового экстракта. Мы презирали эту пищу, как самую низкую. Но, по странной иронии судьбы, пища эта оказалась как раз одним из самых чудеснейших произведений органической химии. Самая экономная и полезная пища. Более того: это как раз самая полезная пища, которую самые знаменитые ученые этого времени стараются достичь и не могут этого сделать.

Приведем другой пример: изготовление глиняной посуды. Оно ведется почти с доисторических времен. В Вавилоне и Египте люди употребляли глиняные доски для составления из них книг и делали глиняные кирпичи до того, как западные люди открыли этот строительный материал. Все предки современных цивилизованных народов занимались самостоятельно глиняными изделиями. Мы видим, что, обжигая глину, мы можем получить посуду (утварь) и этим может заниматься всякий народ, достигший века огня. Но вот изготовление фарфора — это особое своеобразное изобретение Китая. До сих пор считается, что китайский фарфор — самый изысканный из изделий этого рода. В 1540 г. один француз г-н Б. увидел в одной аристократической семье китайский фарфор. Он счел это за самую драгоценную вещь и решил подражать способу его изготовления для того, чтобы и простой народ мог тоже наслаждаться употреблением этой драгоценной вещи. Он изучал технику его изготовления в продолжение 16 лет и устроил своего рода мастерскую глиняных вещей. Это и было начало подражания европейцев китайской манере приготовления фарфора.

За последнее время химия в западных странах развилась до необычайно обширных размеров и ведет за собой промышленное развитие. Изготовление фарфора тоже основывается на знании химии, и его производство на Западе в настоящее время почти достигает уровня изготовления фарфора китайцами. Но если сравнить его с артистически изготовленным фарфором времен Уоен-Ло-Чинг-Тай, из династии Мин, и фарфором времен Киа-Хси и Чиен-Лун, из династии Чин, то обнаружится, что краски и качество его гораздо ниже китайских произведений, которые

положительно неподражаемы. Сейчас развитие химии достигает высших пределов, совершенные ею чудеса, конечно, далеко опередили чудеса алхимии прошлого.

Прежде существовала разница между органической и неорганической химией, теперь больше не может быть разграничений, так как идущая вперед техника химии может превратить неорганическую химию в органическую. Кроме того, так называемая теория элементов и атомов тоже разрушена, так как открытие радия разбивает теорию атомов и доказывает неправильность утверждения, что атомы и элементы неделимы; напротив, эти атомы состоят из еще более мелких атомов, называемых электронами. Таким образом с этого времени в химии зарождается новая эра.

Западные народы, подражая китайцам в изготовлении фарфора, основывают свою работу на анализе вещества. Что касается качества и красок фарфора, то их исследовали химически самым тщательным образом; но техника обжига фарфора принадлежит исключительно к области человеческого таланта. Этого рода техника перестала распространяться, и развитие ее было прервано, в силу чего подражать ей сейчас не представляется возможным. Вот почему европейцы больше всего восхищаются фарфором династий Мин и Чинг и очень часто для приобретения его не жалеют тысячей долларов. И то, что они могли собрать в музеях своих стран, считается у них одними из самых редких художественных произведений. Но китайские ремесленники, изготавлившие этого рода фарфор, не знали, что такое химия и физика. Таким образом химия является девятым доказательством моей теории.

Посмотрим теперь на теорию эволюции. Открытие ее принадлежит Дарвину, который написал большой труд «Происхождение видов». С этого времени миру известно, что все породы обязаны своим существованием эволюции. Умнейшие философы древности и нового времени, изучавшие происхождение видов, не могли обосновать этот вывод. 2000 лет назад греческий философ Демокрит уже прозрел, что все существа происходят путем эволюции. Но у него не было последователей, и теория эволюции не получила обоснования. Во время европейского возрождения свобода мысли воцарилась снова. Философ Спиноза изучил мир с внешней его стороны и высказался в пользу теории эволюции. Духовным отцом, вдохновившим Дарвина, и был Спиноза. Позже, после возрождения, развитие науки пошло быстрыми шагами. В то время было сделано много открытий. Самые замечательные из них были открытия Лапласа в области астрономии, Лайеля в геологии и Ламарка в зоологии. Все эти великие люди путем умозаключений, выведенных ими из наук, пришли к теории эволюции и могут называться ее пионерами.

Дарвин же изучил ее путем наблюдения над животными. После 20 лет исследований он опубликовал книгу «Происхождение видов» для объяснения теории естественного отбора и борьбы

за существование (взаимного соревнования, соперничества). С опубликованием этой книги теория эволюции произвела переворот в науке. Мысли и идеалы резко изменились и подпали под влияние этой новой философии. С тех пор все науки основывались на этой теории. Теория эволюции — это естественное объяснение мирового прогресса существ. Взаимная борьба за существование, естественный отбор и то, что жить остается более приспособленный к жизни, являются основными правилами эволюции видов. Эти начала со времен каменного века применялись для улучшения семян растений. Этим путем человечество изменяло дикие травы в культурные растения, превратило диких зверей в домашних животных. Люди применяли на практике эту теорию в течение тысячелетий, не понимая ее значения. Только в век научного просвещения Дарвин, проработав неослабно в течение 20 лет над этими вопросами, начал, наконец, познавать ее.

По этому мы можем судить о трудности знания. Открытие Дарвина сравнивали с открытием Исааком Ньютоном закона притяжения. Люди считали эти две вещи величайшими открытиями: первое считали за открытие, господствующее в области времени, а второе — за открытие, господствующее в области пространства. Автор считает, что существуют три ступени (периода) эволюции. Первая — эволюция вещества, вторая — эволюция видов (пород) и третья — эволюция человечества.

Во время периода туманностей эфир приводит в движение электроны, элементы — вещество, и, наконец, вещество (материя) образует землю. Это первая стадия мировой эволюции. Но есть еще другие небесные тела, находящиеся в этом периоде эволюции. Эволюция материи предназначается для формирования земли. Сколько потребовалось миллионов лет для формирования нашей земли? Со времени формирования земли до настоящего времени, согласно вычислениям, основанным на исследовании геологических явлений, уже прошло 20 миллионов лет.

Время от возникновения клеточек до появления человека составляет второй период эволюции наслоений.

Все виды, от самого маленького до самого большого, от простого до сложного, согласно закону взаимного соревнования (борьбы за существование) и естественного отбора и переживания наиболее приспособившихся к жизни, уже существовали, когда, наконец, появился на земле человек. Прошли тысячи лет, пока человечество приобрело природу людскую, ибо в первый период своего существования оно ничем не отличалось от животных. Тогда началась эволюция человечества.

Основы эволюции человечества были совершенно различны от руководящих основ эволюции других существ. В последней борьба за существование была законом, тогда как у людей проводился принцип взаимопомощи. Общество и науки являются конкретными проявлениями этой взаимопомощи. Нравственность, любовь, дружба и справедливость, — все это формы проявления взаимопомощи. Человечество развивается и прогрессирует только

при том условии, что оно следует этим основным законам, иначе оно погибнет. То же, что человечество все еще не применяет на деле в широком размере этих законов, и некоторые люди нарушают их, зависит от того, что человек произошел из животного, и третья стадия, в которую вступает человечество, как «человек», еще очень коротка, так что животная наследственность (инстинкт) его еще не угасла и не исчезла вполне.

Но раз человечество вступило в период цивилизации, его существо самопроизвольно устремилось к началам взаимопомощи и смогло достигнуть основной цели человеческой эволюции. Что такое предел человеческой эволюции? Это цель, указанная Конфуцием, который сказал: «Когда ваша цель достигнута вами, вы можете жить на земле, как на небесах» ¹⁾. Это надежды человечества, желающего обратить настоящий болезненный период своего существования в счастливый рай на земле. Современная цивилизация идет вперед гигантскими шагами, прогресс последнего столетия можно сравнить с прогрессом последних тысячелетий, а так как в будущем развитие последних 10 лет можно будет сравнивать с дорогой, пройденной прогрессом за последние 100 лет, то, вычислив быстроту прогресса, мы увидим, что времена, о которых мы мечтаем, уже недалеки от нас. С тех пор, как Дарвин открыл принципы эволюции, соревнование животных, естественный отбор и сохранение в живых более приспособленных к жизни, ученые стали всегда почитать нравственность, любовь, справедливость, дружбу за мираж и смотреть на закон борьбы за существование, как на действительность. Они даже хотят применить эти законы животного царства к человечеству, но они совершенно не знают, что это лишь переходный период для человечества, — эволюция человека уже переросла этот принцип, правящий миром животных. Таким образом теория эволюции может послужить десятым доказательством моей теории о легкости действий и трудности знаний.

Если читатель все еще не верит моим словам, то прошу его обратить внимание на слова, сказанные Конфуцием: «Если народ способен к действию, пусть он следует по стезе его, если же нет, то для начала заставьте его понять эту истину». Из этого изречения мы можем видеть, что древний мудрец тоже предвосхитил эту теорию.

¹⁾ Точный перевод с китайского. Ред.

ГЛАВА III.

КИТАЙЦАМ НУЖНЫ ЗНАНИЕ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ.

Так как десяти доказательств теории «легкости действий и трудности знания», изложенных в предшествующих главах, достаточно, чтобы показать справедливость этой теории, то традиционная китайская фраза: «знание легко, действие трудно» и учение «о единстве действий знания и поступков» Ван-Юан-Мина должны потерять свое могущество над человеческим разумом. Может быть, многие из моих читателей думают, что эти доказательства могут быть применены только к материальным факторам. Мне хочется воспользоваться этим случаем и процитировать отрывок «сочинения Мен-Син» из «Четырех книг», чтобы доказать, что это сомнение напрасно. Там сказано: «Действовать, не понимая, поступать обычно без рассмотрения и продолжать свой путь в течение всей жизни, не понимая его сущности, — это удел толпы». Таким образом наша теория и здесь находит себе подтверждение; поэтому при всех обстоятельствах мы можем сказать, что наша теория безусловно верна.

Изучая труды Ван-Юан-Мина, мы можем прийти к заключению, что он очень хорошо знал закон «легкости действий и трудности знания», но так как он имел в виду сосредоточить общее внимание более на «действиях» (фактах), чем на «знании», чтобы заставить китайский народ заниматься больше делом, чем речами, то он и выразил свою мысль в «функциональном единстве действия и знания» и пояснил своим ученикам: «Делайте то, что вы должны делать; ибо если не будете так поступать, то какая польза в вашем знании? Ваше знание будет утрачивать свое значение, и больше того: то, что кажется, что вы знаете, вам будет совершенно неизвестно». Вне всякого сомнения, его мысль — поощрять людей творить добро имеет большое значение, но все же он сделал одну ошибку, принимая «трудное» за «легкое», и наоборот, это привело его к искажению истины. Это подобно тому, как если бы заставить человека трудиться над тем, что идет против человеческой природы. Вместо того, чтобы исхо-

дить от привычки «поступать без рассуждения, действуя по привычке, не рассуждая, и продолжать так поступать в продолжение всей жизни, не зная ее сущности...», люди становятся нерешительными и поддаются под влияние учения Ван-Юан-Мина. Таким образом оказывается, что учение Ван-Юан-Мина мало помогает человеку, хотя оно и имело большое влияние на умы китайских ученых.

Может быть, кто-нибудь спросит меня: «Разве Япония не получила пользы от учения Ван-Юан-Мина во время своего преобразования?» Для того, чтобы ответить на это, нужно будет познаться с историей Японии. До начала реформ в Японии господствовал феодализм. Но по мере того, как иностранцы вторгались в Японию и феодалы не смогли предотвратить это вторжение иностранцев, среди японского народа возникло патриотическое движение в пользу изгнания «чужестранцев», что очень похоже на лозунги боксерского движения. В условиях различного времени и пространства это патриотическое реакционное движение у двух соседних наций, Японии и Китая, дало совершенно различные результаты.

Япония, после первых неудач в попытке сопротивления, последовала за западными странами и восприняла их государственное устройство. В то же время мы видим, что успех Японии в деле своего преобразования много зависел от предприимчивой натуры японцев. Они много не знали из того, что им надлежало сделать, но работали, не обращая на это внимания, т.е. действовали, как раз «поступая без рассуждения, идя по своей жизненной стезе в продолжение всей жизни, не зная ее сущности»...

Однако, если предположить, что учение Ван-Юан-Мина благотворно повлияло на реформацию Японии, то спрашивается, почему же оно не спасет Китай от бедности и слабости, хотя среди китайцев есть много последователей Ван-Юан-Мина? Ответ был бы такой: «Вероятнее всего потому, что китайцы некоторым образом слишком любят откладывать тяжелую работу и стараются освободиться от нее». Без сомнения, китайский народ обладает этим недостатком, но может ли это служить главной причиной того, что учение Ван-Юан-Мина утрачивает свое влияние на Китай?

Японцы начали проводить свои реформы, не будучи ознакомленными с их значением, китайцы же привыкли, прежде чем они начинают какое-либо дело, обычно спрашивать самих себя, знают ли они его, и в случае утвердительного ответа опять будут терзаться сомнениями, могут ли они постигнуть его и справиться с работой, которую они начинают. Это, конечно, правильно с точки зрения науки. Таким образом Китай все еще сидит, развалившись по обыкновению на кушетке. Почему? Потому, что сыны его смущены и обмануты традиционной фразой: «знание легко, действие трудно». И потому они не смеют приступить к работе по проведению реформы, ибо они думают, что у них нехватает знания, а «действия трудны».

Большинство реформаторов Японии, вероятно, не имели понятия о тех задачах, которые стояли перед ними, но реформа Японии прекрасно удалась, благодаря предприимчивости японцев. С Китаем дело обстоит иначе: когда китайский народ чувствует необходимость реформы, он прежде должен постигнуть значение этой реформы, и если он в течение всей жизни не сможет охватить ее смысла, то работа по проведению реформы так и не начнется до самой смерти. Если же они хорошо ознакомятся с ее значением, то они не будут проводить ее в жизнь оттого, что «действия трудны». Таким образом учение Ван-Юан-Мина если не помогло, то не могло воспрепятствовать предприимчивым проводить дело реформирования своей страны, но нерешительным китайцам оно, конечно, помешало сделать это и причинило им, несомненно, вред.

Кроме того, учение Ван-Юан-Мина может быть применимо только к известному периоду времени и к известной работе, но отнюдь не может быть применено ко всем случаям. Так как современная наука с каждым днем все больше и больше развивается, то и соприкосновение действия и знания становится все более отдаленным. Современное разделение труда делает ненужным для человека быть одновременно лицом, владеющим знанием, и исполнителем определенного задания. Разделение труда диктует разделение функций знания и исполнения. В таком случае как может учение Ван-Юан-Мина, не соответствующее современным данным опытных наук, господствовать в умах китайцев?

С другой стороны, почему в китайской литературе так много пишут об этой теории? Потому, что в открытии этой теории видят спасение Китая. Китай был беден и слаб в течение более четырех столетий. Причина этого лежит в «легкости знания и трудности действия». Эта теория владела умами китайских ученых, а они влияли на массы китайского населения. Принятие «тяжелого» за «легкое» и «легкого» за «тяжелое» заставляет нерешительных китайцев бояться неправильного решения. Поэтому китайцы никогда не получают хороших результатов от начатой ими работы. Причина заключается в том, что они откладывают в сторону задачи выполнения и обычно посвящают себя изучению этих задач. Многие из них не достигают цели. В результате, если кто-нибудь из китайцев после 20—30 лет упорного труда и достигает известного знания своего предмета, то он уже не может приложить его на деле потому, что «действие трудно».

Таким образом никакая работа не может быть выполнена одним достижением знания, и никакой работы не будет извлечено из отсутствия «знания». Вот почему Китай опускается все ниже и ниже, и, как вода, идет вниз по течению.

Если мы оглянемся на историю Китая, то найдем там много следов былого расцвета. Самые отдаленные времена, времена династии Тан и Юань, были своего рода младенческим возрастом

китайской цивилизации. Времена же династии Чоу могут быть названы периодом зрелого возраста китайской цивилизации. Именно тогда политическая, экономическая, воспитательная системы, литература и искусство в Китае имели такое же, примерно, развитие, как они имеют сейчас в современных западных странах. Это был золотой век китайской цивилизации. Это дает нам основание разделить историю Китая на два периода: до династии Чоу и после династии Чоу. Так как цивилизация периода династии Чоу была на высокой ступени развития, мы можем сказать, что от веков китайского примитивизма до династии Чоу был первый период — прогресса, и от времен династии Чоу до наших дней был второй период — регресса.

Законы человеческой эволюции обычно идут вперед, но бывают моменты, как это было в истории Китая, когда они совершают обратный путь. Почему это так? Мне кажется, что это происходит от традиционной формулы китайцев: «знание легко, а действие трудно». Люди древних времен были очень просты и непосредственны, они работали, не анализируя, и мало думали о необходимости знания того, на чем основывается сущность их труда. Они, главным образом, заботились о результатах и последствиях своей работы. Таким образом они не обращали внимания на методы, на процесс труда, при помощи которых та или иная вещь производилась, они заботились только о результате своего дела. Поэтому они никогда и не смотрели на то, что легко, и что трудно; это и было причиной того, что цивилизация времен династии Чоу ушла далеко вперед, почти до пределов своего возможного развития. Это дает нам право назвать этот период — периодом «выполнения (действием) без понимания (без анализа)».

С ростом умственного развития и прогресса мысли и опыта китайцы начали задаваться вопросами сомнения. Со времени династии Чоу китайцы стали задавать себе вопросы: «почему?» и «как» и т. п. Если им предстояло какое-нибудь дело, они спрашивали себя, знакомы ли они с ним, или нет. Поэтому мы называем этот период периодом «действия с рассуждением (пониманием)». Как раз в это время и применительно к этому идеалу и получила свое развитие теория о «легкости знания и трудности действия». Так как люди этого времени сомневались во всем, что они делали, то их легко можно было уловить фразой: «действие трудно, знание легко»; они забывали, что их предки достигли своего знания благодаря своему пытливому и смелому уму.

В свое время китайцы находились в стадии «действия без понимания» и затем «действия с пониманием», потом — «действия после понимания», и, наконец, — «понимания до действия». Очень часто люди древности после столетий и тысячелетий упорного труда могли достигнуть лишь одной какой-нибудь отрасли знания. Это знание они передавали своим потомкам, и те, получив его без труда, начали приходить к заключению, что «знание легко». Так как идея «понимания до действия» шла рука об руку

с формулой «действие трудно, а знание легко», то люди переставали желать осуществления чего-нибудь на деле и больше заботились о предварительном знании. Это дает нам ключ к пониманию, почему после династии Чоу в истории Китая наступил период регресса.

С точки зрения науки мы видим, что эволюция человечества может быть разделена на три периода: первый период (от доисторических времен до первой стадии цивилизации) — «действия без понимания»; второй период (от первой стадии цивилизации до зрелого ее возраста) — «понимания после действия»; третий период (после открытия и развития науки) — «понимания до действия». Ничего не зная об этих стадиях (периодах) и в особенности о традиционной фразе: «действие трудно, а знание легко», европейские народы благополучно миновали все три периода, дошли до высшей ступени цивилизации и сейчас идут вперед, не зная предела.

Марко Поло, итальянец, занимавший официальный пост при Чингиз-хане, из династии Юнан, покинув свою должность и возвратившись на родину, написал книгу о Китае. Как только эта книга появилась в Европе, европейцы страшно удивились и не поверили, что может существовать в мире такая страна, как Китай. Некоторые из европейцев заявили, что Китай был измышленной страной Марко Поло, так как все сообщенные Марко Поло сведения о Китае того времени говорили о том, что Китай ушел гораздо дальше вперед в сравнении с европейскими странами того времени и даже имел многое такое, о чем они не имели ни малейшего представления. Это было, примерно, то же, что для китайцев 20 лет тому назад представляла книга «Сус-Шу-Чи», написанная Чан-Тахом о Европе.

Из вышеизложенного мы видим, что европейская цивилизация 600 лет тому назад была слишком молода по сравнению с цивилизацией Китая. Еще ярче мы увидим это из японской реформы. Прошло лишь 50 лет со времени реформы в Японии, и она обратилась уже в страну с прекрасными развитыми торговлей и промышленностью, искусствами, хорошо обученной армией и флотом, хорошо организованным правительством и воспитательной, экономической и политической системами. Короче говоря, ее современная цивилизация не только превосходит ее собственную цивилизацию, какая была у нее 1000 лет тому назад, но и культуру многих европейских стран. Произошло все это благодаря науке. Со времени открытий науки люди начали употреблять инструменты, т.-е. прежде накапливали знание, а затем уже применяли его на деле. Этот период мы называем периодом «понимания до выполнения действия». Это третий период эволюции.

Так как наука есть систематическое знание правил и фактов, то всякое знание может быть обманом, если оно не освящено научными методами. Китайский народ в старые годы думал, что «небо круглое и движется, тогда как земля квадратная и стоит неподвижно». Видите, какая ирония. С помощью науки мы видим,

что все это ложно. В Китае есть обычай звать приемного сына «сыном гусеницы», так как полагают, что оса не имеет собственных детенышей, но, как сказано в одной народной истории, всегда имеет гусеницу в своей ячейке. В действительности это не так: оса берет сначала гусеницу в свою ячейку, затем, впуская некоторый ядовитый раствор в голову гусеницы, делает ее неподвижной, но оставляет живой. Затем кладет яйца в тело гусеницы. Таким образом гусеница не может уползти, так как ее сделали неподвижной, и не может разложиться, так как она жива, и может стать только пищей для детенышей осы, вылупляющихся из яиц в теле гусеницы. Это — то же, что анестезирующее средство, данное доктором больному, но в данном случае мы имеем дело с осой и гусеницей.

Мы видим, что оса изобрела это анестезирующее средство на много тысячелетий раньше, чем наши доктора. Это нужно было для осы, чтобы не дать гусенице уползти, и чтобы не разложилось тело, нужное для блага ее детенышей. Это обстоятельство может также помочь нам увериться в том, что «действие легко, а знание трудно», ибо оса совершенно не знает, но делает; кроме того, мы видим, что эта теория оправдывается не только на людях, но и на насекомых.

Как мы уже говорили выше, эволюция человечества разделяется на три периода: «действия без понимания», «понимания после действия» и «понимания до действия». Если мы разделим людей по индивидуальностям, то мы получим три группы: первая — кто создает и изобретает (их называют пионерами и вдохновителями), вторая — кто передает или распространяет новые идеи и изобретения (их называют последователями), и третья — кто выполняет приобретенное от людей двух первых групп, не сомневаясь и не колеблясь (их называют несознательными исполнителями и людьми дела). Все эти три группы взаимно зависят друг от друга и тесно связаны между собою.

После династий Хан и Чиев китайцы не могут сравниться со своими предками, бывшими людьми «Великой стены» и «прокрытых рек». Это очень грустно.

После нашей китайской революции настало время крупного строительства. Сейчас время для проведения нами в жизнь того, что мы знаем, что мы можем выполнить, то, что мы обязаны сделать. Страна, имеющая более 400 миллионов населения, обладающая более, чем 429 тысячами квадратных миль территории с обширными природными богатствами, какие мало кто имеет, без сомнения, имеет много данных для развития. Если мои современники искренно будут бороться с вредными мыслями, в особенности с теми, которые сковывают энергию китайского народа в продолжение тысячи лет, т.-е. с формулой: «знание легко, а действие трудно», и вместе с тем посвятят свои силы агитации за основные лозунги нашей революции (национализм, демократизм, основы китайской конституции), то Китай быстро станет сильной и могущественной республикой.

В доказательство моих слов и чтобы заставить китайцев отказаться от вредных идей, я познакомлю своих читателей здесь с революцией в Американских Соединенных Штатах и реформой Японии.

Революция в Американских Соединенных Штатах была осуществлена тремя миллионами людей, рассеянных по 13-ти областям, вдоль Атлантического океана. Они были поставлены в неблагоприятные условия борьбы внутри страны, ибо им приходилось бороться, с одной стороны, с дикими индейскими племенами, и с другой — с сильным врагом, который блокировал извне. Все же американцы боролись насмерть с англичанами в продолжение 8-ми лет и, наконец, добились от Великобритании признания независимости Америки, которая из колонии превратилась в республику. Если мы сравним те обстоятельства, при которых американцам пришлось начинать свою революцию, с условиями китайской революции, то мы убедимся, что их путь был тяжелее нашего. Наука в то время не была так развита, как в настоящее время, население Америки представляло лишь одну сотую часть нашего, и, естественно, что американцам представлялось меньше возможностей для создания нового государства, чем это имеем мы. Но они боролись с Великобританией и победили. Это было 100 с лишним лет. Теперь Соединенные Штаты одна из первых могущественных держав в мире.

Теперь о преобразовании Японии в современное государство. Когда Япония начала свою реформу, это была очень слабая страна с населением не более одной десятой части нашего и территорией, равной одной из наших провинций. Если принять во внимание степень ее цивилизации того времени, то нужно сказать, что она была много моложе современной китайской. И что же? Теперь Япония — одна из самых сильных держав в мире. Ее народ отказался от своих старых предрассудков, он принял уроки Запада, реформировал государственное устройство, создал армию и флот, организовал финансы, проделав эту работу в течение 50-ти лет. Для того, чтобы стать могущественной державой, Япония употребила лишь 50 лет, вместо 100, понадобившихся на это Американским Соединенным Штатам. Следовательно, если мы будем исходить из этих норм и соотношений, то Китай может стать очень сильным государством, если он потрудится над работой своего преобразования в течение, примерно, 10-ти лет. Я думаю, что этого срока довольно. Это, несомненно, так. Если читатель сомневается в этом, мы иллюстрируем также пример с реформой Сиам.

Сиам был первоначально одной из подвластных Китаю стран. В эпоху преобразований в нем было лишь 8 миллионов жителей, и он занимал пространство не более нашей провинции Сычуань. Китайцев в составе его населения было всего около трех пятых, остальное же население было большей частью полудикие племена. Почти вся промышленная и торговая деятельность в Сиаме сосредоточивалась в руках китайцев. Но Сиам находился между

английской Бирмой и французским Индо-Китаем. Это ставило его в тяжелое положение. Если бы 20 лет тому назад Сиам не предпринял великих реформ, он никогда не мог бы существовать, как независимое государство. Сиамский король и его двор решили последовать примеру Японии. Реформы, предпринятые во-время, успели спасти страну от раздела и сохранили ей независимость. Лишь после 20-ти лет преобразований Сиам сделался цивилизованной и независимой страной. Его современное международное положение гораздо лучше нашего. В Азии есть только две независимых страны — Япония и Сиам. Китай именуется лишь полунезависимой державой. Почему? Потому, что подданные западных государств все еще имеют в Китае особые договорные преимущества (привилегии). Например, они имеют право проживать в своих специальных частях города, па так называемых концессиях в договорных портах и управляться законами своей страны. А главное, что наше (суверенное) право на морские пошлины все еще находится в руках иностранцев, тогда как Япония и Сиам свободны от этих невыгодных обязательств.

Сиам стал сильной страной в более короткий срок, чем Япония; Япония — в более короткое время, чем Американские Соединенные Штаты. Мы можем предполагать, что Китай сделается сильной страной в еще более короткое время, чем Япония и Сиам, так как он находится для этого в более благоприятных условиях. Я возвращаюсь к своей теории о «легкости действия и трудности знания». Предположим, что вы, читатель, поверили этой теории, но все же естественно, если вы спросите меня, каким образом привести ее в исполнение, т.-е. как нужно действовать, работать. Ответ на этот вопрос будет очень короткий. Это будет вполне зависеть от веры последователей и преемников своих предшественников, — пионеров, и от одобрения их современников.

Ниже я указал, что три группы людей вдохновляют и развивают цивилизацию: пионеры и предшественники, — изобретатели и мыслители, делающие великие открытия, последователи и преемники, — люди, распространяющие и агитирующие, и люди дела, — исполнители, осуществляющие на деле то, что было открыто и изобретено. Последние могут совершенно не быть знакомы со знанием. Глупо говорить: «нет исполнителей», нет, их много. У многих наших товарищей по партии (Гоминдан) принято говорить: такой-то человек — теоретик, а такой-то — человек дела. Это неправильно: каждый может быть теоретиком, и каждый может быть практиком. Сказать, что только двое или один человек — практический, исполнитель революционных движений, — величайшая ошибка. Если мы посмотрим на многие прекрасные дома, принадлежащие иностранцам в Шанхае, мы сразу же видим, что их строили наши рабочие, совершенно ничего не знающие в планах и искусстве постройки, планы же эти разрабатывались иностранцами. Последние делали работу планировки, — их можно назвать изобретателями и изыскателями. Так и в строительстве страны исполнителей найти легко, а людей, вырабаты-

вающих план строительства, найти очень трудно. Современные китайцы, скажем, большая их часть, относятся с пренебрежением к основам знания и высоко ценят выполнение. Это не совсем верно. В наш век науки мы должны уметь ценить знание так же, как и выполнение. Исполнителям совершенно не требуется быть осведомленным в знании, достаточно уметь выполнить требуемое. Если эта мысль современных китайцев проживет еще некоторое время, она испортит много подающего надежды юношества. С другой стороны, это так же бессмысленно, как химику почитать изготовителя бобового студня, вместо того, чтобы обратить внимание на изобретателя принципов изготовления этого препарата, или доктору презирать изобретшего усыпляющие средства, а ценить осу.

Мне очень грустно констатировать факт, что вся китайская молодежь страдает этим дефектом мысли, и, следовательно, нет общественного мнения, ведущего цивилизацию по пути прогресса, а замечается явление как раз обратное. Так мы вряд ли можем найти истинный путь для политического и социального развития Китая. Это настоящая причина, почему не процветает Китайская республика, и Китай не выходит из застоя, хотя мы и установили республиканский образ правления после нашей демократической революции. Поэтому я и считаю себя обязанным обратить умы моих соотечественников и соотечественниц от предубеждения, вкоренившегося в них, что «знание легко, а действие трудно», к мысли, что «действие легко, а знание трудно», путем повторных объяснений и доказательств. Я надеюсь, что все они откажутся от своей предвзятой мысли и догматической фразы, кажущейся до известной степени правильной людям с поверхностным умом, но которая в действительности безусловно ложна. Если мой труд будет удачен, то будущее Китая будет светло, и страна в скором времени займет свое место среди современных могущественных мировых держав.

ГЛАВА IV.

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ.

В настоящее время, в эпоху расцвета науки, каждый творец сперва должен осмыслить свою работу, а потом уже приступать к ее выполнению. Его последователи, во избежание ошибок и для сбережения времени, во имя успеха в начатом деле, должны усвоить выводы своего руководителя и из этих выводов создавать тезисы и планы, по которым должна производиться работа. Только при таких условиях работа, несмотря на всю ее сложность или колоссальность, может быть с успехом выполнена.

Так, например, в настоящее время строятся весьма тонкой и сложной работы аэропланы, беспроволочный телеграф или в Америке, например, железная дорога в тысячи верст. Или, наконец, прорытие каналов Суэцкого и Панамского также представляют собой работу колоссального масштаба. Но, владея научными методами, ознакомившись со всеми привходящими условиями по плану, выработанному инженерами, выполнение этих работ не является делом весьма трудным. Все это вполне точно установлено опытом, и мои соотечественники должны признать это. Я думаю, что революционное творчество должно идти по пути современного прогресса, пользуясь прошлым опытом других государств, избегать их ошибок и пользоваться их достижениями; только зрело продумав и всесторонне обсудив опыт революций других стран и народов, можно подойти к созданию революционной тактики.

Я определяю три фазы революционного развития: первая фаза — военное управление, вторая фаза — подготовительная, и, наконец, третья фаза — конституционное строительство.

Первая фаза захватывает эпоху разрушения. В этот период предполагается введение законов военного времени. Революционные войска должны были уничтожить окончательно самодержавие Дайцинской династии, смести гнилую бюрократию, искоренить дурные обычаи, избавиться от несправедливого рабства, смыть с себя яд опиума, уничтожить суеверие гаданий и заклин-

наний, уничтожить ликин (таможенный налог при провозе товаров из одной провинции в другую). Во вторую фазу, подготовительную, установить местное самоуправление и способствовать утверждению прав народа, сделать уезд самоуправляющейся единицей, подразделить его на сельские и волостные районы.

Каждый уезд, освободившись от врагов на своей территории, после прекращения военных действий, обнародовывает временную конституцию для определения прав граждан и их обязанностей, равно как и прав революционного правительства. Через три года граждане избирают уездную власть. Если этому уезду удастся искоренить все зло, как было выше указано, и половина всех граждан будет разбираться и понимать трехпринципную демократическую идею и будет верной республике, то уездные власти смогут выяснить количество населения уезда, определить подворный налог, упорядочить полицейское дело, гигиену, пути сообщения, — все согласно нормам, установленным конституцией. Проведя избрание своих уездных властей и становясь, таким-образом, истинной самоуправляющейся единицей, уезд может рассчитывать, что революционное правительство по отношению к этому самоуправляющемуся коллективу должно занять благоприятную позицию и предоставить ему все конституционные права, согласно временной конституции. Когда по истечении шести лет во всей стране наступит спокойствие, тогда все уезды, уже имеющие полное самоуправление, должны будут избрать по одному депутату для создания великого народного собрания в духе конституции «Пяти видов», установить систему следующих пяти палат для организации правительства: первую — административную, вторую — законодательную, третью — судебную, четвертую — экзаменационную, пятую — контрольно-инспекционную.

После утверждения конституции граждане уездов баллотированием избирают президента для организации административной палаты, а также избирают депутатов для организации законодательной палаты; остальные три палаты создаются по назначению президента, с согласия законодательных палат. Все палаты ответственны не перед президентом, а перед народным собранием. Уход в отставку членов палат может иметь место только после обвинения их инспекционно-контрольной палатой перед народным собранием, а увольнение в отставку членов контрольно-инспекционной палаты возможно после обвинения их народным собранием. Полномочия и обязанности народного собрания состоят в том, чтобы специально ведать преобразованием конституции и устранением негодных общественных работников. Квалификация членов народного собрания, членов палат устанавливается через посредство экзаменационной палаты.

После утверждения конституции, избрания президента и членов палат революционное правительство должно передать власть избранному президенту, и подготовительная фаза с этого момента считается оконченной.

Третья фаза — это период завершения революции. В этот период предполагается осуществить конституционное правление. В это время самоуправляющиеся организации уездов должны осуществлять свои прямые гражданские права: граждане в управлении своим уездом пользуются всеобщим избирательным правом, правом решения политических вопросов, а также правом увольнения представителей власти.

Это — конституционная фаза, т.-е. период завершения строительства революции. Такова в общих чертах рекомендуемая мною схема революционной тактики.

С момента начала установления республики я всеми силами стоял за проведение этой революционной тактики для достижения конечных целей китайской революции и осуществления трех принципов демократизма. Но сколько я ни разъяснял, сколько я ни защищал это, мои сопартийцы находили, что это неосуществимо. Мои идеи были слишком высоки для понимания моих однопартийцев, уровень сознательности которых для того времени был слишком низок, и я невольно страдал от этого. Революционное созидание и революционное разрушение строго согласуются и идут рука об руку. Если после революционного разрушения не начать революционного строительства, то все пойдет на смарку. Задача революционного строительства должна быть возложена на президента. Поэтому я предполагал, что после создания нанкинского правительства нужно было продолжить перемирие и открыть мирную конференцию.

В настоящее время, когда после всех происшедших событий обстоятельства изменились, находится много людей, критикующих меня и находящихся, что я не должен в первом году республики вступать в мирные переговоры и добровольно уступать свой президентский пост. Однако, если бы даже я продолжал оставаться президентом, а мои сопартийцы после периода революционного разрушения в большинстве своем не придерживались революционной присяги и не подчинялись руководству своего вождя, могущему объединить всех революционеров Китая, тогда все же нельзя было бы осуществить задач революции, и в результате было бы лишь то, что новые чиновники заменили бы старых, что вряд ли могло дать новое Китаю в смысле реформы управления или укрепления народного хозяйства Китая. Если же дело обстоит так, то вряд ли для меня была необходимость сохранять за собою пост президента.

Некоторые, не разбирающиеся в условиях китайской революции, полагают, что мое могущество в то время было слабее Юань-Ши-Кая, поэтому я не мог не пойти по пути примирения. А некоторые клеветники утверждали даже, что я получил миллионную взятку от Юань-Ши-Кая и потому уступил ему президентство. В настоящее время мне нет надобности защищаться, так как клевета ясна и без этого. Действительно, если я был бы корыстен, то, несомненно, не за миллион я бы уступил свой президентский пост; разве вы не видите, сколько откладывает в один

год дупцзюнь, или сколько проглатывает начальник дивизии? Относительно того, что в первый год республики мое могущество было меньше могущества Юань-Ши-Кая, — об этом тоже не стоило бы говорить, так как республика к этому времени владела уже 15-ю провинциями, шаньдунские и хэнаньские гоминданцы уже тоже восстали, а присоединение Чжили из-за военных обстоятельств запоздало на 3 месяца; но в том, что все государство, как один человек, должно освободиться от монархии, для нас нет сомнений.

Но если даже не учитывать этого и взять одни только факты прошедшего и оценить их, то будет ясно, что я пошел по пути примирения отнюдь не из боязни могущества Юань-Ши-Кая. До победы революции я терпел 10 раз поражение, но мой революционный дух нисколько не был этим ослаблен. На втором году республики Юань-Ши-Кай объединил всю страну, и я продолжал работать, не занимаясь политикой, но когда Юань-Ши-Кай зверским покушением отнял жизнь у Сунь-Цзяо-Женя, как же мне было не трепетать? Не имея ни одного солдата в своем распоряжении, я заявил о необходимости борьбы против Юань-Ши-Кая. К сожалению, товарищи на юге не поддерживали меня серьезно и в свое время не послали помощь, поэтому я потерпел поражение. После поражения моего выступления против Юань-Ши-Кая все мои соратники пришли в уныние, не осмеливаясь поднять снова знамя революции. Я же, зная, что помыслы Юань-Ши-Кая направлены к тому, чтобы стать императором, привел тогда гоминданскую партию в полную готовность и разослал членов ее по всем провинциям агитировать против реставрации самодержавия.

Дух возмущения был мною посеян в народе так, что достаточно было реставрации показать свое лицо, как она немедленно получила отпор усилиями всего народа. Из всего этого можно видеть, что я отказался от президентства не из боязни могущества Юань-Ши-Кая, а потому, что не смог осуществить задач революционного строительства. Только таким образом можно будет понять мою волю и устремления к задачам революционного строительства.

Что значат задачи революционного строительства? Революционное строительство — это чрезвычайное строительство. Чрезвычайное строительство, — это спешное строительство, и поэтому оно должно искать постоянства и следовать естественным социальным тенденциям, ибо руководимое выгодами момента строительство не всегда совпадает с задачами революции. Революция имеет и чрезвычайные задачи разрушения, как это было с свержением монархии и с уничтожением императорского режима. Но при существовании этого чрезвычайного разрушения не может не быть и чрезвычайного строительства, так как оба они сопутствуют друг другу, как пара ног или пара крыльев в движении. С момента образования республики мы уже прошли через чрезвычайное разрушение, но не имели следующего за ним периода чрезвычайного строительства, и в этом — бедствия, которые посыпались на нас:

свирепое хозяйничание чиновников, междоусобия политических деятелей и т. п. У китайцев не было никаких средств для устранения всего этого. В чрезвычайное время нужно и чрезвычайное строительство, и только тогда можно приучить народ к новым задачам.

Это весьма важно для революционной тактики. Для того, чтобы понять это, я обращаю ваше внимание на революции, предшествовавшие китайской. Из них наиболее грандиозными были американская и французская революции. Америка свой установленный после революции государственный строй не изменила до настоящего времени, по прошествии более ста лет, и, за исключением борьбы Севера с Югом, у нее не было крупных смут, так что можно сказать, что после революции установившаяся государственная структура за все время не изменялась, и что во время долголетнего существования республики существовал постоянный мир, культура прогрессировала, и экономика получила необычайное развитие.

Но после французской революции последовали великие смуты, и государственная структура Франции менялась пять раз, а именно: во Франции была дважды монархия и трижды республика, и только уже восемьдесят пять лет спустя после первой революции утвердилась республика. Чем объясняется это? Многие говорят, что Вашингтон обладал характером добродетельным и уступчивым, и поэтому при создании республики американцам удалось избавиться от опасностей. Наполеон I имел дерзкую мысль подчинить себе всю вселенную, и поэтому его самодержавие потерпело поражение, восторжествовала идея республики.

Впрочем, революции отнюдь не создаются в интересах выгоды отдельных лиц, — они есть результат революционного действия масс. Вашингтон и Наполеон отнюдь не являются главными факторами американской и французской революций, однако, когда американцам стало невозможно терпеть английский гнет, они пригласили Вашингтона в руководители и подняли восстание. Во Франции уже после революции Бонапарт вышел из рядов войск, чтобы взять власть в свои руки. Обоих этих людей подняла вверх волна революции.

Америка в прошлом представляла из себя огромный степной материк. Англичане колонизировали эту территорию всего двести лет тому назад. Они всегда обладали духом бесстрашия и презрения к опасностям и способностями к самоуправлению. Когда они прибыли в Америку, они немедленно организовали свои органы самоуправления, впоследствии вылившиеся в организацию тринадцати штатов, хотя и подчинившихся Англии, по, по пословице: «Плетка на дальнее расстояние не бьет», находившихся в номинальном подчинении Англии; они скоро почувствовали, что налоги, накладываемые на них метрополией, тяжелы. Это заставило все тринадцать штатов объединиться для противодействия, вследствие чего и произошла американская революция. После кровавой восьмилетней войны американцы добыли свою

независимость и создали республику — Американские Соединенные Штаты.

Еще до завоевания независимости американские тринадцать штатов имели весьма развитое местное самоуправление, и поэтому после завоевания независимости их политическое устройство получило свое завершение, ибо фундаментом их управления было сильно развитое местное самоуправление. Другие части Америки, как Южная и Центральная Америка, в течение ста лет пытались следовать примеру Соединенных Штатов — освободиться от своей метрополии и учреждали республики. Они подвергались воздействию иностранных государств и очень часто находились под угрозой реставрации.

Однако в Новом Свете нет ни единой монархии. Америка смыла с себя всю старую грязь и навсегда избавилась от монархизма.

Во Франции дело обстояло не так. Франция была одним из передовых европейских государств, с очень храбрым и развитым народом. Кроме того, до революции французский народ прошел через столетнюю пропаганду прав народа и философских учений. Следуя урокам Америки, Франция все же не смогла притти сразу через революцию к республиканско-демократическому строю. Почему? В чем же кроются причины этого? Дело в том, что государственной структурой на Западе издавна была монархия, и государственной политикой издавна был централизм. У Франции не было нетронутой почвы Нового Света с его фундаментом местного самоуправления.

В нашем Китае — недостатки, общие с Францией, но сознательность наших граждан неизмеримо ниже Франции времен французской революции, так же, как и способности к самоуправлению. Отсюда возникает вопрос, как же я стремлюсь в Китае через революцию притти сразу к республиканскому конституционному строю? Но ведь для этого-то я и создаю подготовительный период, именно для того, чтобы выйти из этого затруднительного положения. Во время этого подготовительного периода предполагается осуществление временного конституционного правления, а также для введения местного самоуправления.

К сожалению, мои товарищи в то время не понимали этих причин и не работали для осуществления моих планов, а только воспользовались именем моей временной конституции для утверждения временной конституции республики, полагая, что к цели можно подойти и другим путем. Все они, несомненно, в то время очень жестоко ошибались, противясь моему тактическому плану, как трудно осуществимому, не продумав предварительно хорошенько этого вопроса.

В то время, как я проповедывал революцию, мысль создание Китайской республики, европейские и американские ученые в большинстве своем стояли за невозможность этого для Китая, подтверждая свои взгляды ссылками на столетнюю историю.

В первом году Китайской республики при проезде своем че-

рез Лондон мне пришлось встретиться с одним знаменитым англичанином, об'ехавшим Китай вдоль и поперек и хорошо знакомым с положением и обычаями нашей страны, много к тому же писавшими о Китае. Его книга «Изменяющийся Китай» очень хороша. Этот англичанин услышав, что я проповедую преобразование Китая в республику, отнесся к этому с весьма большим сомнением и пришел ко мне в отель, чтобы специально поговорить со мною по этому вопросу. Мы спорили с ним несколько дней, никак не умея договориться до чего-нибудь. Но когда я изложил ему свою теорию о трех периодах своей революционной тактики, то он немедленно согласился со мной, сказав: «Да, при таком плане можно будет избежать произвола самодержавия, военщины и политиканов и нарушения ими прав народа. Я считаю своим долгом теперь и в будущем в своих статьях поддерживать вас». Действительно, как только вспыхнула революция в Учане, вся восточно-европейская пресса писала, что мой план установления республики в ближайшем будущем должен осуществиться, и каждый друг Китая должен с нетерпением ожидать этого момента. Все это явилось, конечно, откликом кампании, проведенной упомянутым выше англичанином в лондонской печати.

Очень много говорят, что Китай с его невежественным населением не сможет осуществить республиканского управления. Один известный американский ученый Гудено, основываясь на этом, побуждал Юань-Ши-Кая восстановить монархию. В свое время китайцы сильно удивлялись этому, недоумевая, как это может республиканский ученый поддерживать монархию, но я знал, что американцы, имея республиканский опыт, испытали, что значат несознательные, неразвитые граждане. Всякий эмигрант после некоторого проживания в пределах Америки может пользоваться правами гражданства. После освобождения негров последним также были предоставлены права гражданства в Америке. Но американские политиканы воспользовались этим, творили безобразные дела в течение ряда лет, пока в Америке не прошел закон о том, что неграмотные не пользуются рядом гражданских прав. Поэтому-то американские ученые, услышав о предполагаемом образовании республики темным, несознательным китайским народом, горько покачивая головой, говорили, что это — невозможная вещь.

По гуденовской психологии они, конечно, не могли не отметить низкий уровень сознательности китайцев, пропитанных, кроме того, ядом тысячелетней монархии, стоящих на уровне развития низшем, чем бывшие американские черные рабы. Последователи Юань-Ши-Кая тоже кричали о невозможности для Китая установления республики.

Вола можно выучить пахать, лошадь ходить под седлом, ну, а что же можно сказать про человека? Разве можно сказать отцу, посылающему свое дитя в школу, что ребенок не знает иероглифов, и поэтому он не должен вступать в школу и учиться? Разве это логично? Потому что он не знает иероглифов, он должен

немедленно приступить к их изучению. Кроме того, современное человечество уже достигло отроческих лет своего прогресса, и поэтому в нем весьма развиты идеи свободы и равенства. Мировые идеи не могли не дойти до Китая, поэтому Китаю в настоящее время нужна республика так же, как ребенку школа. Но Китай тоже нуждается в хороших учителях и добрых друзьях для учения. Китайский народ, только что получивший республиканское правление, должен иметь дальновидное революционное правительство для своего обучения. Это относится именно к подготовительно-воспитательному периоду, который явится своего рода переходным этапом от монархии к республике, которого для Китая нельзя будет избежать.

В начале создания нашей «союзной лиги» один из членов ее, убежденный в трудности осуществления моего революционного плана, заявил следующее: «Дайцинская династия давала лживую конституцию и подготовительный период в девять лет, а теперь в планах нашей партии тоже значатся девять лет. Но мы отдавали нашу жизнь революции, надеясь, что власть народа восстановится немедленно; если же после победы революции еще придется ждать три года, то это уж слишком долго». Я ответил, что без этого нет надежд на утверждение истинной республики. Теперь уже прошло 8 лет с основания Китайской республики, но не только не наступил период конституционного правления, но, к сожалению, нельзя еще сказать, что Дайцинская династия вырвана с корнем.

Некоторые находят, что выдвигаемые нами шесть лет подготовительно-воспитательного периода сильно смахивают на просвещенный абсолютизм, проповедуемый некоторыми лже-учеными. На это я скажу, что просвещенный абсолютизм имеет своей целью абсолютную монархию, а наш подготовительно-воспитательный период имеет своей целью создание республики. В этом заключается колоссальная разница между ними. Во время великой войны, например, все вступившие в войну государства как монархии так и республики, все как один человек, приостановили действие конституции и ввели военный режим, при котором все свободы граждан были отняты. Распределение предметов продовольствия было передано государству, и в тех государствах, где продовольствия было недостаточно, жители жертвовали своей жизнью, для родины и для победы. А ведь эти люди уже имели конституционное правление, между тем конституция была ограничена. Нам, еще не имеющим конституции и добывающимся конституционных гарантий через революционную борьбу, можно только удивляться, как европейские народы согласились на подобное ограничение.

Теперь прошло 8 лет после образования Китайской республики, и члены нашей партии должны в течение этих 8 лет приобрести колоссальный запас опыта и знаний. Сейчас они могут вспомнить о моей платформе в вопросе о подготовке и воспитании масс и уяснить себе ее значение, не накладывая на мои идеи ярлыка утопичности и неосуществимости. Китай, бывший под тысяче-

летним регрессивным игом монархии, воспитал народ угнетенным и утратившим свою государственность. На заре революции он пожелал создать свое конституционно-республиканское государство. Поэтому он должен пройти подготовительно-воспитательный курс, иначе он и не сможет достигнуть поставленной себе цели.

Америка, идя на помощь независимости Филиппин, тоже пошла по пути установления для филиппинцев воспитательного периода, имеющего в своей основе развитие и укрепление местного самоуправления. Прошло двадцать лет, и филиппинцы, бывшие в полудиком состоянии, превратились в культурный народ. Местное самоуправление в Филиппинах сейчас весьма развито, и большинство местных представителей власти, за исключением губернаторов, туземцы, и, вероятно, в недалеком будущем филиппинцы смогут добиться полной независимости. В будущем можно надеяться, что они в культурном отношении не будут отличаться от передовых европейских государств. Все это явится результатом подготовительно-воспитательной политики.

Почему Америка не дала сразу филиппинцам независимости, а заставила их проходить через подготовительно-воспитательный период? Потому, что Америка имела уже подобный опыт с беспорядками после освобождения негров, и поэтому на основании своего опыта проводила подобную политику.

Наш китайский народ долго находился под владычеством монархии. Рабская психология глубоко отпечаталась в его душе, ее нельзя уничтожить, не пройдя предварительно через подготовительно-воспитательный период. Для того, чтобы смыть с себя эту старую грязь прошлого и приобщиться к современному пониманию свободы и равенства, китайцам нужно много над собою поработать.

Китайская республика — народное государство: ее императором является 400-миллионное население. Государственные чиновники, начиная с президента и кончая простым караульным, все являются общественными работниками. Четырехсотмиллионный китайский народ с давних пор был рабом самодержавия и в прошлом не знал, что он является господином. Узнав, он долгое время не осмеливался быть господином, но рано или поздно он должен сделать это. Что же дало ему такую возможность? Разве не революция, уничтожившая монархию? Вследствие того, что Китай веками не изменял своего государственного строя, народ, подойдя вплотную к созидательной работе, оказался новорожденным младенцем. Партия Гоминдан родила этого младенца, и она обязана, как мать, нянчить его, воспитывать, и, только воспитавши, она выполнит свой родительский долг. А для этого нужен воспитательно-подготовительный период, для того, чтобы выпестовать, воспитать этого младенца до зрелого возраста, до того момента, когда он мог бы сам принять власть.

В древности некий Чжоу-Гун подготовлял и политически воспитывал своего малолетнего императора до вступления его на трон. Наша партия должна видеть, что при монархическом

строе чиновник-слуга подготавливает своего господина к принятию власти, и понятно, что то же и мы должны сделать в отношении нашего господина — народа, до его совершеннолетия. К сожалению, наша партия в то время не достаточно ясно сознавала необходимость этого, она сложила с себя ответственность за воспитание китайского народа и не выполнила своей революционной задачи. Китайцы в деле революции осуществили только дело разрушения и не смогли осуществить дело созидания; поэтому в результате нашей борьбы мы имеем сейчас название «Китайская республика» и больше ничего.

В чем кроются причины того, что разрушительная часть китайской революции увенчалась успехом, а созидательная часть ее потерпела неудачу? Дело заключается в двух вещах, а именно: в сознательности и несознательности. Китайцы долго не сознавали, что они покорены манчжурской династией, и находились в состоянии не то сна, не то опьянения, смотря на революцию, как на какую-то возмутительную несправедливость. Но потом, когда прокатились волны китайской революции, китайский народ стал гораздо сознательнее и понял необходимость свержения манчжурской династии и возвращения к власти китайского народа. И если бы к власти сейчас вернулась старая династия манчжуров, то она встретила бы с противодействием со стороны самого народа. Но о сознательной революции у нас очень и очень многие ничего не знают, и даже среди гоминданцев мало лиц, в тонкости разбирающихся в этом. Поэтому неудивительно, что в деле революции мы встретили не столько трудностей, сколько их встретилось в тот момент, когда мы вплотную подошли к задачам созидания.

Теперь трудное осуществлено, а легкое, наоборот, потерпело поражение. В чем причины этого? В том, что оно легко, и люди в большинстве своем не знали, что его необходимо немедленно проводить в жизнь. Поэтому-то мой план строительства революции потерпел неудачу. Почему же я это называю легким? Потому, что после завершения разрушения силы сопротивления были уничтожены, а раз силы сопротивления были уничтожены, то для нас не стало ничего невозможного, — во всем была полнейшая свобода по сравнению с эпохой до периода разрушения. Но китайцы, к сожалению, не думали о следующем периоде. Я знал, что революция против Дайцинской династии необходима во имя спасения государства, и поэтому пошел на нее, пренебрегая опасностями и не замечая ее трудностей. Поэтому, когда период разрушения закончился, революционное строительство мне казалось легким. Но большинство моих соратников не владело революционными методами и думало иначе; поэтому дело революционного строительства провалилось.

Когда создавали нашу «Союзную лигу» для организации китайской революции, мы сперва пропагандировали ее идеи, а потом, собрав всех устремивших свою волю на служение китайскому народу, дали клятву осуществить идею трехпринципного демократизма (сань-минь-чжу) для достижения нашей общей

цели.— установления Китайской республики. Лиц, не верящих в эту публично приносимую присягу, я не признаю за революционеров. Некоторые смотрят на принесение этой революционной присяги, как на простую формальность. Однако влияние и могущество партии Гоминдан необыкновенно возросло. И организация ее укрепилась вследствие того, что мы присягой создали единое сердце партии. Если же так обстоит дело с партией, то то же самое может быть и с государством.

Очень часто говорят, что китайский народ похож на рассеянные песчинки. Если мы желаем собрать эти 400 миллионов рассеянных отдельных людей-песчинок и создать из них цельное и крепкое своим единством государство, то мы не можем отвергнуть присягу для них. Ведь, при переходе из подданства одного государства в другое во всех культурных передовых странах необходимо через присягу выразить свою верность, уважение к той государственной организации, в состав которой вступаешь, а равно признание ее конституции и выразить готовность нести все вытекающие отсюда обязанности. Только после этого можно быть признанным гражданином. Без этого можно жить всю жизнь в стране, и тебя будут рассматривать, как иностранца, который не может пользоваться правами гражданства.

Я полагаю, что чиновники и члены палат могут вступить в исполнение своих обязанностей только после принесения присяги. При смене государственного строя новое правительство, несомненно, потребует присяги всех граждан государства в верности ему, в противном случае оно будет рассматривать их, как врагов, которых следует изгнать из пределов страны. Я беру примеры у передовых европейских стран. Если же мы взглянем на европейские государства, образовавшиеся после войны, то мы можем сказать, что из них жизнеспособны те, которые сумели осуществить свою государственную присягу на базе признания правительства большинством населения. В государствах, не сумевших провести государственную присягу, беспорядок и смуты не прекращаются. В Китае в настоящее время происходит то же самое. Именно потому при организации нашей партии я выдвигал присягу и партийную дисциплину на первый план, а когда партия Гоминдан создала республику, в первом году республики я, ее первый президент, первым принес присягу и приказал всем гражданским и военным чинам немедленно принести присягу в знак выражения преданности республике. К сожалению, в нашей партии не смотрели на это, как на дело большой спешности и важности и протестовали против немедленного проведения присяги в жизнь. Это была большая ошибка.

Впоследствии Юань-Ши-Кай, заместив меня на президентском посту, не уделил этому вопросу особенно большого внимания и оставил мою старую присягу с ее формулировкой «навек долей монархию и да здравствует республика!» Когда впоследствии он изменил революции и провозгласил себя императором, эта формула присяги была направлена против него. Не только мы, ки-

тайские революционеры, но и иностранные государства выступили с нотой протеста против восстановления монархии, что послужило одной из главнейших причин гибели монархии Юань-Ши-Кая. Монархия Юань-Ши-Кая не могла не пошатнуться после ноты держав, которые принуждены были ее написать после выступления партии Гоминдан с весьма мотивированным протестом против действий Юань-Ши-Кая. Главнейшие же наши аргументы сводились к тому, что Юань-Ши-Кай нарушил присягу.

Юань-Ши-Кай в прошлом был слугой монархии и не разделял республиканских идей. Как же случилось, что партия гоминдан уступила ему президентский пост и сама принесла в жертву республику, добровольно уступив ее вначале, и лишь впоследствии вступила в борьбу из-за нее. Все это, несомненно, было бы очень легкомысленно, если бы не было присяги, из-за которой и державы, поддерживавшие справедливость, вступились за республику и поддерживали ее. Мы спрашиваем: разве присяга не важна?

Однако мои сопартийцы считали выдвинутую мною присягу вещью второстепенною, а меня называли фантазером. Со времени создания нашей партии я всегда стоял за присягу. Прекращение обряда присяги, — этой основы законности, явилось одной из главнейших причин неудачи нашего революционного строительства. Если бы мои сопартийцы не пренебрегли моими словами, то в будущем развитии республики мы имели бы, точно так же как и при организации нашей партии, то, что всякий чиновник непременно должен был бы принести присягу перед республикой в том, что он будет поддерживать республику, стоять на страже прав народа и улучшать народное хозяйство. Только после принесения этой присяги он сможет пользоваться всеми правами гражданства, в противном же случае он должен был бы рассматриваться, как слуга Дайцинской династии.

После принесения присяги всякое преступление против республики должно караться по законам. Сейчас преступниками против республики являются только Юань-Ши-Кай и немногие гоминданцы, принесшие присягу и нарушившие ее, а все остальные 400 миллионов граждан не несут никакой моральной и законной ответственности перед Китайской республикой. Государство есть сосуд, собирающий в себя человеческие сердца, а государственная политика есть отражение психологических факторов. Чтобы иметь возможность подданных императора превратить в подданных республики, нужно сначала непременно потребовать с них присягу. Гоминданская партия при создании республиканской государственности не сумела провести ее, поэтому-то вначале партия владела колоссальным запасом душевных сил и энергии и достигла успеха в деле разрушения, а после создания республики потеряла все эти качества и не смогла завершить задач революционного строительства. Это явилось результатом заблуждения. Не творили и не создавали не потому, что не умели это совершить, а потому, что не знали, как это совершить.

Поэтому я говорю: «Если познаешь, то, несомненно, сумеешь и осуществить на деле». Многие считали мои идеалы слишком высокими, а мой план создания республики — слишком идеализированным, но сами они не имели планов и не знали, как им самим поступать. Поэтому-то Китай и оказался в настоящем положении анархии и разрухи. Именно вследствие этого китайский народ оказался ввергнутым в восьмилетний период тяжких страданий, которые отнюдь не приближают его к завершению революционного строительства, а только усугубляют его страдания.

Ответственность за неудачу китайской революции должна пасть не только на революционеров, но и на всех сознательных китайских граждан, не проливающих свою кровь на передовых позициях революции. Они были тылом революции, задача которого была поддерживать борющихся революционеров. Народ, народ! Восстань с единым сердцем, с любовью к своей родной земле для изгнания старого и создания нового, произнеси искренно и правдиво произнесенную мной присягу китайской республике!

«Я (Сунь-Ят-Сен) правдиво и искренно приношу сию публичную присягу в том, что с сего момента я буду уничтожать старое и строить новое и добиваться самоопределения народа и все свои силы приложу к тому, чтобы поддерживать Китайскую республику, осуществить трехпринципный демократизм и провести в жизнь «конституцию пяти видов» для процветания государственного управления и народного счастья и спокойствия навеки, для того, чтобы укрепить государственные устои во имя мира во всем мире».

Сунь-Ят-Сен.

12 января 8-го года Китайской республики.

Я принес свою присягу. Эта присяга собственно должна проводиться правительством, но теперь, пока республиканское правительство еще не ввело ее, невозможно осуществлять этот обряд. Но я надеюсь, что сознательные граждане в каждом организованном уездном самоуправлении совместными силами принесут присягу сразу после создания органов самоуправления, и текст присяги непременно скрепят своей подписью, а самую присягу прочтут, подняв правую руку вверх и обратившись лицом к толпе. После приведения к присяге граждан одного уезда этому уезду следует позаботиться о помощи соседнему уезду в этом же деле, и только после принятия присяги можно считать граждан Китая Китайской республикой как с правовой точки зрения, так и с точки зрения морали, ибо в ином случае человека, не принесшего присягу, нужно считать приверженцем монархии.

Возможно ли будет создание республики, или нет, — это всецело зависит от того, охотно или нет, наши соотечественники совершат обряд присяги в верности Китайской республике.

Китайские патриоты, следуйте за мною!

ГЛАВА V.

КТО БЫЛ ПРАВ?

(Письмо гоминданца Чень-Ип-Шина к Хуань-Кэ-Цяну ¹⁾).

Брат Хуань-Кэ-Цян!

Со своими скромными талантами я принимал участие в государственных делах в течение ряда лет и все время встречал наилучшее отношение с вашей стороны. Прошлым летом я лежал в госпитале, когда вы уезжали в Японию и, несмотря на свое страстное желание, не мог повидаться с вами и на прощанье пожать вашу руку, чтобы этим хотя бы немного утешиться. Но срок вашего отъезда был уже назначен, и вы отправились в путь. Теперь мы уже лишены возможности лично толковать обо всех делах с вами и высказывать наши мысли. Как печально все это сложилось!

На днях я видел своего японского друга Миязаки, который мне рассказывал, что вы опять ушли с головой в государственные дела, и я снова сильно-сильно стал думать о вас.

Еще до 1911 года товарищи ²⁾ Сунь-Цзяо-Жен и Тан-И-Кай во время своего пребывания в Шанхае говорили, что в нашей партии одним из выдающихся работников считают вас, как революционера-практика, а Сунь-Ят-Сена, как теоретика-идеолога. Этим было выражено бесспорное мнение всей страны. Но существует также мнение, что Сунь-Ят-Сен — большой идеалист, и это предвзятое мнение во многом помешало проведению его идей в жизнь, это ставится в упрек Сунь-Ят-Сену, этим пользуются его противники для нападок на него. Но все факты прошедшего говорят за то, что крупнейшие поражения нашей партии происходили от того, что мы ошибочно разумели суньятсеновские идеи, от того, что мы признали их недостижимыми идеалами и выступили против них, поэтому-то мы и подготовили себе поражение.

¹⁾ Сунь-Ят-Сен приводит это письмо, принадлежащее одному из выдающихся лидеров партии гоминдан, к другому. Ред.

²⁾ Так наз. великие гоминданцы. Ред.

В настоящее время мы не должны с той же нетерпимостью относиться к суньятсеновским идеям, чтобы опять не повторить ошибок прошлого. Лично я желаю смыть свои старые грехи и изложить всю историю наших выпадов против Сунь-Ят-Сена, приведших к нашему поражению. Я желаю говорить о некоторых выпадах против Сунь-Ят-Сена. Не угодно ли будет вам выслушать это?

В то время, когда Сунь-Ят-Сен вступил на президентский пост, общее положение в нашей стране было весьма смутным и беспорядочным, и он не осуществил своих политических планов, тем более, что экономическое состояние Китая было ужасным. Русский заем встретил сильную оппозицию со стороны временного сената, а население страны, считая его гибельным для своих интересов, смотрело на него, как на чуму или холеру. Но в действительности этот заем нисколько не шел в разрез с нашими интересами, так как мы получали 97% займа на руки из 5% годовых, а если обратиться к последующему займу, заключенному Юань-Ши-Каем у банковского консорциума, то там мы получали реальных сумм на руки всего 82% из 5% годовых и, кроме того, заем обеспечивался соляной монополией и землей в четырех провинциях, а равно давал контроль над нашими финансами. Спрашивается: какой же из этих займов выгоден, и какой из них губителен, какой из них прибылен и какой убыточен?

Но китайская общественность не разбиралась в этом, и вследствие этого погубила экономическую политику правительства. Сунь-Ят-Сена поставили в положение человека со связанными руками, не могущего уже проводить свои планы, а государство в чрезвычайно опасное положение. И все это оттого, что мы упорно придерживались ложной точки зрения и с недоверием отнеслись к основным положениям Сунь-Ят-Сена. Это первое. Затем после Нанкинской мирной конференции, когда Юань-Ши-Кай должен был быть избранным в президенты, Сунь-Ят-Сен в то время выдвигал три своих главных положения, именно: первое — это то, что Юань-Ши-Кай должен вступить в президентство в городе Нанкине, так как он опасался и предвидел многие недоразумения между неокончательно примирившимися Севером и Югом, и во имя сохранения единства страны он полагал необходимым вступление Юань-Ши-Кая на президентский пост именно в городе Нанкине, для единения Севера с Югом и для укрепления доверия к Юань-Ши-Каю со стороны нашей партии (Гоминдан), а также с целью вызвать и верность с его стороны.

Во-вторых, республика должна перенести свою столицу в Нанкин вследствие того, что Пекин является городом, погруженным в монархическую летаргию, которую и звук революционных колоколов не в силах будет рассеять, городом гнилой преступной бюрократии, которой не смыть и волнами рек, — этот город должен утратить свои привилегии, и только тогда можно будет с корнем вырвать все преступные корни монархии, когда мы перенесем местопребывание столицы.

В-третьих, нельзя доверить организацию республиканского правительства Юань-Ши-Каю, основываясь только на акте отречения Дайцинской династии от престола, так как, согласно временной конституции, оно могло иметь место только после решения, последовавшего со стороны народных представителей, а не по соглашению представителей бывшей Дайцинской династии с Юань-Ши-Каем.

Все эти три положения, выдвинутые Сунь-Ят-Сеном, весьма закономерны, и он не жалел ни сил, ни здоровья в отстаивании их. И если впоследствии Юань-Ши-Кай отказался от своих прежних слов о намерении вступить в президентство в Ханкине и дать полное самоопределение народу, а сделал попытку свержения республики, то здесь нет вины Сунь-Ят-Сена, так как Китай к этому пришел благодаря отказу от его основных политических планов.

Приходится признать, что политические планы Сунь-Ят-Сена мы отвергли в силу чрезвычайно разнообразных причин. Но важнейшими из этих причин я считаю недостаточную сознательность членов нашей партии. В силу этого мы не поддерживали его программы и политических планов. Вот наше второе прегрешение против Сунь-Ят-Сена.

После ухода Сунь-Ят-Сена с поста президента он стоял за то, что наша партия должна всецело находиться вне политики, а должна специально заниматься развитием народного образования, улучшением нашей промышленности, для укрепления твердого, долговечного фундамента для республики, и уступить полностью политическую власть Юань-Ши-Каю. Мы в то время, считая это пустыми бреднями, выступили против этого и, кроме того, вмешивались в административные и другие дела правительства и стали в сильнейшую оппозицию к правительству, чем вызвали ярость Юань-Ши-Кая и подозрение со стороны нашей страны. Мы не сумели осуществить на деле идеи, взлелеянные в душе преданного нации Сунь-Ят-Сена, и в этом наше третье прегрешение против Сунь-Ят-Сена.

Обо всем этом можно сказать, что все произошло от недостатка сознательности членов нашей партии и далеко не являлось только нашей с вами ошибкой. Когда началось дело об убийстве Сунь-Цзяо-Женя, Сунь-Ят-Сен в то время как раз вернулся в Шанхай и, узнав, что Юань-Ши-Кай реставрирует монархию и нарушает доверие республики, поклялся убрать его. План его был таков: во-первых, союз с Японией. Этот союз с Японией должен был ослабить силы Юань-Ши-Кая и укрепить силы нашей партии, так как Япония — восточное, соседнее нам государство и добрососедские отношения с ней будут счастьем для нашего государства. «Если Япония поможет мне, то на моей стороне будет победа, а если она поможет Юань-Ши-Каю, то он победит», — вот подлинные слова Сунь-Ят-Сена. Признавая союз с Японией вопросом чрезвычайной важности, Сунь-Ят-Сен решил лично отправиться в Японию. Но я и еще некоторые из то-

варищей очень холодно отнеслись к этому и изю всех сил старались воспрепятствовать его отъезду, а некоторые упрекали Сунь-Ят-Сена в том, что он слишком легкомысленно играет своим престижем. Юань-Ши-Кай же тем временем через своих приверженцев, посланных в Токио, Сунь-Бао-Цзи и Ли-Шен-То, уже осуществил все то, что предполагал Сунь-Ят-Сен, и наш план союза с Японией потерпел поражение.

Сунь-Ят-Сен полагал, что партия Гоминдан должна стремиться к союзу с Японией, так как она одна из азиатских государств сумела превратиться в могущественную и великую страну, чтобы сблизиться с ней и поучиться у нее.

Второе — это идея немедленной войны. Ввиду того, что Юань-Ши-Кай захватил чрезвычайно большую власть в свои руки, он передвигал армии, свободно их перебрасывал. Сунь-Ят-Сен выдвинул план, что мы должны с молниеносной быстротой нанести ему удар и неожиданно поразить его, ибо в случае промедления момент уже будет упущен. Это были слова Сунь-Ят-Сена. Но мы медлили и, не веря ему, настаивали на разрешении этого вопроса на законном основании, высказываясь против объявления войны.

В этом наша четвертая вина перед Сунь-Ят-Сеном. Дело об убийстве Сунь-Цзяо-Женя было оттянуто, ибо Юань-Ши-Кай не желал считаться с законом. Заем у консорциума пяти государств был утвержден без санкции парламента. По всей стране раздавались бешено протестующие голоса. И мы надеялись, что под напором этих протестов Юань-Ши-Кай должен будет склониться к требованию населения и уничтожить заем.

Сунь-Ят-Сен же находил, что парламент занимается болтовней, что закон бессилён, что провинциальные власти, в большинстве своем прислуживающиеся к Юань-Ши-Каю, недолго удержатся на занятых ими позициях, и что для разрешения вопроса необходимо прибегнуть к вооруженной силе, так как только ее аргументы могут быть понятны предателю, окружившему себя войсками. Предлагаемые Сунь-Ят-Сеном меры заключались в том, чтобы, с одной стороны, возбудить немедленно внимание прокуратуры к замятым процессам, а с другой — выявить перед банковским консорциумом, что весь народ не признает займа. Консорциум, получив такого рода обращение от Сунь-Ят-Сена, прекратил выдачу сумм по займу. Далее Сунь-Ят-Сен по телеграфу приказал провинции Гуандун объявить независимость. Но провинция Гуандун не повиновалась. Он приказал мне объявить независимость Шанхая, но я воспротивился этому, находя, что место слишком незначительно по занимаемому им пространству, и что оно неудобно для оказания сопротивления. К этому времени подошел флот, заявляя о своей независимости. Сунь-Ят-Сен первый приветствовал это. Впоследствии, когда стало известно, что северные войска приближаются к Шанхаю, я выдвинул план внезапной атаки с моря, который был поддержан и Сунь-Ят-Сеном, но мы нашли этот план неблагоприятным.

Впоследствии, когда флот, по приказанию Юань-Ши-Каю, отправился в порт Янтай (пров. Шандуна) Сунь-Ят-Сен хотел воспрепятствовать этому, говоря: «Если флот будет помогать мне, то я одержу победу, а если он будет помогать Юань-Ши-Каю, то победит он; я же желаю опереться на его помощь и всеми силами буду стараться оставить его здесь, так как если он отправится в Янтай, то, несомненно, перейдет на сторону Юань-Ши-Каю». Я и вы полагали, что флот, выразивший свою лояльность к нам в прошлом, останется верным нам и в будущем, и флот отправился в Янтай, где попал в юаньшикайскую ловушку: его обстреляли из батарей, и он перешел на сторону Юань-Ши-Каю.

Стоя за объявление независимости пров. Гуандуна, Сунь-Ят-Сен решил немедленно отправиться на юг для руководства всеми операциями, назначив нас, нескольких товарищей, знакомых с военным делом, в ваше распоряжение. Но нужный момент уже был упущен. Все планы Сунь-Ят-Сена о провале займа и свержении Юань-Ши-Каю вследствие того, что было совершено промедление, не имели успеха. Общественное мнение было подавлено, расчеты на победу были побеждены силой денег, доверие к нам со стороны держав было подорвано, закон не обращался против Юань-Ши-Каю, 2-миллиардный заем, взятый для упорядочения государственных издержек, Юань-Ши-Каю употребил на покупку оружия, военного снаряжения и продовольствия, а равно на подкуп членов парламента и вознаграждение предателей за подавление Юга и казни членов нашей партии. Если бы в то время, когда он уничтожил свое президентское звание, мы последовали плану Сунь-Ят-Сена и объявили независимость ряда провинций, то тогда еще неизвестно, на чьей стороне была бы победа, так как в то время армии союзных провинций достигали численности 100 тысяч, и Ли-Тунь (командующий северными войсками) еще не достиг Цзянси и о Дуань-Ци-Жуе еще ничего не было слышно на юге. Мы должны были с свежими и бодрыми силами устремиться на государственных бандитов и смести их с лица земли. К сожалению, пров. Гуандун не объявила независимости в то время, когда заключался заем, тогда не представлялось большой трудности к уничтожению системы дупцуната (должность управляющего провинцией учреждена после первой революции в Китае). С заключением же займа иностранцы стали оказывать помощь Юань-Ши-Каю, и после этого северные войска развернутым строем стали наступать на Юг. Таким образом идея «покорения Севера» оказалась запоздалой. В этом наша пятая погрешность против Сунь-Ят-Сена.

Суньятсеновская мысль шла далеко вперед, пронизывая будущее. Я слепо всегда шел против него, а вы, хотя и признавали суньятсеновские идеи, но всегда выражали опасение в возможности их осуществления. Я же со своим убогим сознанием стоял посредине между вами, но всегда с предвзятой мыслью, что Сунь-Ят-Сен — идеалист, и посему, что бы он ни выдвигал, мне казалось далеким от нашей действительности, почему я всегда

присоединялся к вам и вашей оппозиции. Но кто мог знать, что китайскую поговорку: «Оставивши на вершок, потеряешь в дальнейшем движении целую сажень» можно будет также с успехом применить и к государственным делам, или «не забывай дел прошлого, это будет тебе служить в качестве учителя в будущем». К сожалению, я не знаю, что вы думаете по этому вопросу?

Я же, в свою очередь, могу сказать, что с настоящего времени я желал бы работать совместно с вами и посему хотел бы обменяться с вами некоторыми мыслями. По-моему, человеческий разум совершенствуется с течением времени, и если сознавать свои старые ошибки, то в будущем их можно и не повторять, и если можешь от другого почерпнуть хорошее, то не позорно ему и повиноваться. Далее я полагаю, что идея является матерью действительности, так как, например, когда двадцать лет тому назад Сунь-Ят-Сен пропагандировал идеи революции, в то время против него были почти все граждане нашей страны, но, спустя двадцать лет, его идеи получили признание. Если бы мы признали его идеи двадцать лет тому назад, то они не запоздали бы на этот срок своим претворением в жизнь, а если бы мы действовали дружными усилиями, то, вероятно, мы смогли бы достигнуть успеха. Я считаю суньятсеновские идеи осуществимыми в зависимости от занятой нами позиции.

Сунь-Ят-Сен говорил, что, «вглядываясь в прошлое, мы можем понимать будущее», а мы «потерянное в восточном углу земли искали возле западной ее стороны» ¹⁾).

Вы, конечно, превосходите меня в отношении разума во много раз, так что мои слова вам могут показаться детским лепетом, и поэтому я для того, чтобы высказаться полностью, должен сделать над собой усилие.

Сунь-Ят-Сен говорил, что дело революции может осуществиться в течение ближайших пяти лет. Действительно, при настоящем положении страны, когда страдания народа дошли до своего предела, когда волнения не прекращаются, и войска свирепствуют, когда продажность и развратность стоящих у власти воистину приводят страну в состояние смуты, все же можно сказать, что законы окружности остаются неизменными ²⁾ и необходимо нужно воспользоваться моментом и восстать и в стремительном движении уничтожить смуту и восстановить справедливость ³⁾. Поэтому я говорю, что почти все идеи Сунь-Ят-Сена должны быть осуществлены, уже не ожидая двадцати лет, пока обстоятельства вынудят привести их к осуществлению, как было, например, после свержения манчжурской династии. Организация китайских революционеров в единую партию является очередной задачей настоящего времени.

¹⁾ Китайское изречение, означающее, что члены партии Гоминдан слишком поздно спохватывались и признавали свои ошибки. Ред.

²⁾ Дословно: если при движении по кругу отправляешься из точки а, то рано или поздно достигнешь ее. Ред.

³⁾ Китайское изречение. Ред.

Наши враги не знали, что созданный нами тайный союз после 1900 года превратился в партию гоминдан, и что хотя с внешней стороны партия и расширила сферу своего влияния и весьма укрепила свои силы, но, говоря по существу, она все же не имела определенного лица и была чрезвычайно разнообразна по своему составу, что было весьма и весьма существенно, так как и китайская пословица говорит: «Если поместить в одном сосуде ароматное растение «сюнь» и вонючую водоросль «ю», то аромата никакого не услышишь».

Несколько наших товарищей хорошо поняли организационные планы и задачи Сунь-Ят-Сена. Он правильно наметил пути к изменению аппарата нашей партийной организации, а равно выдвинул вопросы, касающиеся значения присяги и партийной дисциплины. Он правильно полагал, что нарушение их привело нас к поражению революции, так как некоторые члены партии неосознанно извратили идею истинной свободы, и поэтому-то со времени революции народ не вкусил благ равноправия, ибо эти лица в своем беспорядочном поведении и борьбе за привилегии забыли про свой долг перед революцией и не подчинялись установленным порядкам. А когда никто не подчиняется другому, то крайне трудно бывает достигнуть единства стремлений в партии. Поэтому Сунь-Ят-Сен был глубоко прав, когда предполагал, что мы должны подчиняться единому руководству для достижения единства действий и распределения обязанностей. Это нужно было не для того, чтобы притеснять, а для того, чтобы пресечь самовольные действия многих товарищей.

Я полагаю, что всякий желающий достигнуть целей революции, должен уважать взгляды Сунь-Ят-Сена, как «созвездия почитают Полярную звезду». Мы так же, как судно, должны иметь своего рулевого для определения своего курса. В противном случае, если найдутся товарищи, которые будут противодействовать Сунь-Ят-Сену в будущем так же, как противодействовали в прошедшем, то, несомненно, и в будущем все планы Сунь-Ят-Сена потерпят тот же крах. Посему я полагаю, что придерживаться присяги революции и повиноваться приказам Сунь-Ят-Сена является нашим прямым долгом.

В заключение скажу, что многие наши разногласия происходят от того, что нас отделяло большое расстояние, и наши мысли искажались другими лицами при передаче, но так как наши цели едины, то я желал бы пожать вашу руку и объединиться вместе с вами для борьбы против нашего общего врага, — против страшного удава, захватившего в свои сметельные объятия горло нашей многострадальной родины.

Но довольно. Я чувствую, что слова мои не исчерпывают собой моих мыслей, бросаю кисть.

Весна четвертого года Китайской республики (1915 год).

Чень-Ин-Шин.

ГЛАВА VI.

ПРИЧИНЫ БЕДНОСТИ КИТАЯ.

Некто сказал мне: «Если дело обстоит так, как вы говорите, то в настоящее время, когда современная культура основана на науке, для осуществления чего-нибудь нужно сперва изучить предмет, а потом уже приступать к выполнению задуманного. Китай невозможно преобразовать в современное государство до тех пор, пока весь китайский народ не получит образования. Это следует из ваших слов, когда вы заявляете, что не само по себе действие и осуществление трудно, а трудно знание, или, по словам древних мужей, «для распространения всеобщего образования нужны десятки, а может, и сотни лет». Вы же предполагаете, что Китай немедленно, одним прыжком, достигнет положения могущественного и богатого государства среди мировых держав. Где логика в ваших утверждениях?».

На это я отвечаю: ученик сперва познает, а потом уже может действовать, но, не познав, он также может действовать. Ведь в те времена, когда наука еще не процветала, почти все сперва делалось, а потом уже познавалось, и вследствие того, что всего тогда не осознавали, оно считалось имеющим связь с «небесными числами» и «судьбой» и осуществление не приписывалось человеческим силам. Но когда человечество постепенно выросло до сознания и многое начало познавать, то оно постепенно начало освобождаться от суеверия. Теперь же, с расцветом науки, стало ясно, что дело человеческих рук превосходит все так называемые сверхъестественные силы и предопределения, «небесные числа» являются не больше, как созданием человеческой психологии. Но хотя наука и доказала нам все это, но все же во всех делах у людей преобладает пока сперва действие, а затем уже осознание. Человеческое развитие идет больше по рельсам неосознанного действия, — это закон природы.

И никакой расцвет науки пока не может внести в него каких-либо изменений. Поэтому-то в человеческом развитии неосознанное действие является весьма важным фактором, а именно: практика, опыты, расследование и риск являются его главнейшими

пружинами. Ученик упражняется и практикует, он совершает действия для того, чтобы достичь знания. Ученый производит свои опыты, он также производит изыскания для того, чтобы уяснить и познать истину. Исследователь-путешественник производит свои исследования в незнакомой ему области и совершает там свои открытия. Храбрец, рискуя своей жизнью, также устремляется в неведомое ему для завершения своего дела. Из этого можно видеть, что в совершении неосознанного заключается стимул к развитию культуры и к прогрессу.

В приложении к государственному строительству нужно сказать, что если добиваешься реорганизации государства, да еще путем революции, то действовать ранее, чем действия будут осознаны, является делом не только возможным, но и необходимым. Большинство государств, достигших расцвета своего могущества, как, например, великие державы, сперва приобретали свое могущество, а потом уже приступали к организации просвещения своего народа. Говоря о Китае, можно сказать, что нашей сознательности вполне достаточно для того, чтобы нам можно было одним прыжком встать в ряды могущественных держав. Невозможность этого заключается не в том, что, не познавши, не сумеешь и действовать, а в том, что причины его кроются в негодности его правительства и чиновников. Они творят безобразия, и главнейшее из них — то, что они добиваются осуществления только своих корыстных личных интересов и совершенно не считаются с интересами государства и нации. Дуцзюны в короткое время путем грабежа составляют миллионные богатства, и никто из них не заботится о том, что он подрывает жизненные силы своего государства. В современных европейских государствах политика ведет обычно к благоденствию и охране интересов народа. Граждане европейских государств прилагают свои силы к организации земледелия и промышленности, к развитию торговли и вообще к укреплению могущества своего государства. У нас в Китае дело обстоит как раз наоборот.

Если бы наши правительственные чиновники не добивались власти из-за корыстных целей и не творили безобразий во вред всему нашему народу, то и Китай скоро достиг бы могущества.

Некоторые говорят, что бедность и слабость государства имеет свои определенные причины, которых насчитывают четыре, а именно: 1) малая территория, занимаемая государством; 2) скудность почв; 3) слабая населенность и, наконец, 4) таланты и способности народа.

Но в Китае площадь земли достигает более четырех миллионов квадратных километров, т.-е. превосходит в четыре раза площадь, занимаемую Америкой. По богатствам, скрытым в недрах земли, Китай, несомненно, занимает первое место в мире. По населению Китай также первый во всем мире. Способности китайского народа и его таланты также с древних времен не имеют себе равных. А созданная китайцами пятитысячелетняя культура является единственной во всем мире, и в течение тысячелетий

является памятником способностей китайского народа. Итак, из четырех главных причин бедности и слабости государства у нас их нет ни одной. Спрашивается, почему же мы так бедны и слабы?

На это можно сказать, что только негодное правление корыстного правительства и чиновников является причиной этого. И если эту злокачественную язву удалить с тела китайского народа, то, несомненно, Китай займет свое место на-ряду с другими мировыми государствами.

В старое время, в эпоху самодержавия, чиновник являлся слугой и собакой монарха, но был поставлен в положение гораздо высшее, чем весь остальной народ, и против всех его безобразий народ ничего не мог поделать. Но теперь, после революции, когда народ сам стал своим хозяином и господином, чиновники должны являться слугами народа и подлежать народному контролю. Хорошие элементы из них следует оставить, а негодные вычистить. Для народа самым важным является устранение всех препятствий, которые стоят на пути к его развитию. Повторяю, что как только мы избавимся от вредных элементов для государства, то это поведет к улучшению благосостояния государства, и Китай станет могущественным и цветущим государством.

Китай — одно из древнейших государств в мире. Его культура насчитывает за собой пять тысяч лет, и до начала сношений с иностранными державами он занимал первое место среди государств Востока. Нашествия иностранных племен не могли стереть китайских обычаев и обрядов. Соседние государства или выражали свою верноподданность Китаю, или заискивали в его дружбе и заимствовали китайскую культуру. Но вследствие того, что Китай стал первым государством, у китайцев, не имевших перед своими глазами примеров другого, равного ему государства, народилось чванство, самодовольство и гордость. Все это вошло нам в плоть и кровь, и мы превратились в обособленное государство. Мы являлись своими же учителями, так как во всех перестройках пользовались только своими средствами и силами, не прибегая к иностранной помощи.

Когда одинокий человек попадает на необитаемый остров, все предметы потребления он добывает сам. Он сам пашет и потребляет в пищу плоды, им взращенные. Он сам прядет и сам носит свою же пряжу и т. д. Вообще он выполняет самые разнообразные трудовые процессы и из-за перегруженности работой не может углубиться в свои мысли. Он утрачивает понимание значения общественного сотрудничества. Когда же с течением времени в силу различных обстоятельств этот необитаемый остров окажется на мировом судоходном пути и его будут посещать заморские гости-купцы, они, обратив свое внимание на тягостный труд этого человека, скажут ему: «Мило-

стивый государь, совершенно напрасно вы выполняете сразу все дела, вам бы было достаточно взять одно из них. Это сэкономит ваше время и сделает вас господином над трудом». Человек, несомненно, не поверит сразу, так как его развитие не позволит ему этого. Он будет считать это невозможным. Китайцы в настоящее время также не верят, что Китай одним скачком может подняться до высокой степени могущества и благосостояния. Точно так же, как и одинокий человек в предыдущем примере.

Поэтому обособленность Китая и его чванное самомнение и наблюдается издавна. Большинство китайцев не могут понять выгод международного сотрудничества и потому не допускают мысли о главенстве над собою, равно как и исправления своих недочетов другими. Это замкнуло Китай и, несомненно, повредило его развитию.

Теперь прошло уже около шестидесяти или семидесяти лет после того, как иностранные державы, сломав великую китайскую стену, пришли в Китай, но китайское мышление попрежнему остается мышлением одинокого человека, заброшенного на необитаемый остров. Поэтому он еще не может воспользоваться иностранными знаниями и средствами для укрепления своей собственной государственности.

Китай, как государство, обладает колоссальными земельными площадями, неисчислимыми богатствами, громадными количествами человеческой силы, и все же он похож на богатого старика, владеющего обширными садами, землями и сокровищами, имеющего многочисленное семейство, но не умеющего управлять домом. Земли пустуют и поросли сорными травами, все богатства заперты на замок и не используются, а дети и внуки праздно шатаются, во всем доме царит голод и холод. Дом этого старика дает нам картину современного Китая.

Наши соотечественники знают, что наша страна идет к гибели. И если даже животные имеют чувство долга перед своей семьей и домом, то человек должен, несомненно, глубоко чувствовать свою обязанность помочь своей стране. Китайские граждане, населяющие нашу страну, стремящиеся к могуществу и процветанию Китая, имеют очень много путей осуществить это. Я хочу изложить один из этих возможных путей.

Я думаю, что нужно нам воспользоваться тем обстоятельством, что во время великой войны многие иностранные государства выстроили много фабрик и вообще развили мировую промышленность для переработки своего сырья. Эта промышленность работала почти исключительно на военные нужды, и теперь, с прекращением войны, работа на многих фабриках должна прекратиться. Миллионы рабочих будут выброшены на улицу, и громадные капиталы, вложенные в военную промышленность, не будут приносить никакой прибыли. Вопрос использования военной промышленности является одним из самых серьезных.

для Европы, над разрешением которого трудятся сейчас лучшие умы Европы и Америки.

Если мы сумеем воспользоваться этим случаем и использовать работу этих предприятий для разработки естественных богатств Китая, то это, я думаю, не вызовет противодействия со стороны других государств. Для Китая же это будет тем, что китайская поговорка называет «небесным случаем, который грешно упускать, так как это грозит несчастьем». Если мы упустим этот случай и не используем его в интересах Китая, то через два или три года европейские и американские предприятия вернутся к своему прежнему довоенному состоянию, и их развитие пойдет удесятеренным темпом. Снова развернется мировая торговая война, в которой наша кустарно-ремесленная промышленность, конечно, не сможет конкурировать с их усовершенствованными машинами, с их колоссальным размахом работ, и естественно, наша промышленность и торговля понесут тяжчайшие поражения. Но если в течение ближайших десяти лет провести план развития нашей собственной промышленности, то с развитием в Китае тяжелой механизированной индустрии мы сможем избежать этого тяжелого поражения нашей промышленности. Вот путь спасения Китая!

Мои соотечественники знают, что одним из богатейших и могущественных государств в мире сейчас является Америка; первопричиной ее богатства является развитие ее промышленности. Мы должны вспомнить, что в начале развития своей промышленности Америка брала капиталы в Европе. Все ее действия того времени носили характер скорее рискованного опыта, чем следования тщательно разработанному плану. Кроме того, в первый момент своего развития она не встретилась со счастливым случаем приостановки предприятий в Европе, с которым сталкиваемся мы теперь. Ее природные богатства незначительнее наших, и несмотря на все это, она развернула свою промышленность до необычайных размеров. Сейчас она заняла первое место в мировом хозяйстве.

Возьмем, например, ее годовую добычу железа и нефти: в 1916 году добыто железа 40 миллионов тонн, стали — 43 с лишним миллиона тонн, в то время как Китай добывает стали и железа всего-навсего около 200 тысяч тонн в год, т.-е. $\frac{1}{4}\%$ американской добычи. В Америке добыто нефти 58 миллионов тонн, разных горючих масел 29 миллионов тонн, горючих газов в количестве, могущем развить силу в 3 миллиона лошадиных сил. При общем подсчете ее естественных сил можно сказать, что они равняются приблизительно 166 с лишним миллионам лошадиных сил. Если мы будем считать, что одна лошадиная сила равна 8 людским, то тогда мы сможем считать, что американская индустрия обладает запасом в 1 миллиард людских сил. Население Америки равно 110 миллионам. Получается, что каждый человек, кроме своей собственной рабочей силы, получает в помощь еще тринадцать лошадиных сил, и эти тринадцать лошадиных сил с их 24-часовой непрерывной работой равны 39 люд-

скими силам (так как в сутки должны работать три смены людей). В этом причины богатства Америки.

В Китае население равно 400 миллионам, работоспособных, исключая женщин и детей, насчитывается около 200 миллионов; но вследствие того, что промышленность у нас не развита, и не все могут найти для себя работу, число занятых работой наберется не больше 100 миллионов, и из них половина занята непроизводительным трудом. Следовательно, занятых производительным трудом в Китае найдется всего около 50 миллионов человек. Выходит, что у нас в Китае на восемь человек всего один человек занимается производительным трудом. Неудивительно поэтому, что государство наше бедно. Китайская пословица говорит, что «один крестьянин пашет землю, шесть едят рис» или «рабочий работает один, а пользуются его продуктами шесть человек».

Сравните наше положение с положением Америки, где на сто миллионов жителей 50 миллионов занимаются производительным трудом, кроме того, каждый из них имеет еще себе в помощь 39 лошадиных сил. Поэтому там государство богатеет, там производительные силы в своем росте превосходят рост потребностей, что дает возможность Америке вывозить излишки за границу, снабжая весь мир своими фабрикатами. В этом заключаются причины богатства и бедности народа, в этом и заключаются причины побед и поражений в мировой торговой войне.

Ища пути к скорейшему развитию естественных богатств Китая, чтобы вывести его из состояния бедности в возможно кратчайший срок путем развития китайской промышленности, мы, китайцы, не представляем себе, как это осуществить. Человек на необитаемом острове не сумеет разработать все богатые земли своего острова, ему не построить дорог, не упорядочить гаваней, не отстроить зданий, не организовать общественных садов, не создать благоустроенной жизни, даже если его век продлить до десяти тысяч лет. Ему никогда не удастся выполнить этих задач. Но если этот отшельник войдет в сношения с купцами и заезжими гостями, то богатства острова будут разработаны, и все дела его будут процветать, так как купцы уже сами будут заботиться о развитии промышленности, будут планировать, будут привлекать средства и концентрировать свои знания для того, чтобы добыть себе побольше из богатства острова, и будут содействовать его развитию.

Если одинокий человек, заброшенный на пустынный остров, может силою своего желания завершить дело, к которому он стремится, то Китай в своем стремлении развить свою промышленность должен пойти тем же путем, и вопрос заключается не в том, сумеешь ли все познать, или нет, сумеешь ли осуществить желания, или нет, а в том, стремишься ли ты к поставленной цели, или нет.

Говоря о положении Китая и его естественных богатствах, можно сказать: если в настоящий момент наш народ сумеет,

как один человек, приветствовать привлечение иностранных капиталов и иностранных знаний для развития нашей промышленности, то наша цель, несомненно, будет достигнута в течение ближайших десяти лет. И тогда развитие нашей промышленности, несомненно, превзойдет развитие американской промышленности. Если найдутся люди, которые поверят мне в этом, я обращаю их внимание на некоторые данные развития американской промышленности.

Десять лет тому назад, когда Америка проектировала прорыть Панамский канал, было предположено, что работы будут завершены в двадцатилетний срок. Но впоследствии при осуществлении работ потребовалось всего восемь лет для их завершения. Причина заключалась в том, что техника прогрессировала с необыкновенной быстротой. Далее, в момент объявления войны Германии американская военная промышленность также чрезвычайно прогрессировала, и то, что до войны было рассчитано на десятки лет работы, то во время войны делалось в какой-нибудь год. Например, ранее требовалось год или два для постройки судна, теперь его можно построить в двадцать дней. Если бы сейчас со всей технической организацией военного времени приступить к прорытию Панамского канала, то для осуществления этого потребовалось бы всего один месяц. При таком развитии техники в европейских и американских странах наши соотечественники должны осознать всю выгоду и необходимость международной кооперации для того, чтобы, согласно китайской поговорке, «пользоваться превосходством другого человека для того, чтобы восполнить свои недостатки». Идя таким путем, в течение нескольких лет можно было бы надеяться на возможность развития китайской промышленности по примеру американской, что было бы выгодно не только для одного Китая, но, несомненно, отвечало бы и интересам всего мира. Поэтому среди иностранных ученых специалистов нет таких, которые бы не сочувствовали развитию производительных сил Китая.

Не особенно давно я представлял свою работу о «плане развития китайской промышленности при посредстве международной кооперации» (сотрудничество) всем правительствам. Со стороны американского правительства я встретил большое сочувствие, и надеюсь, что и все остальные государства в этой оценке моей работы последуют его примеру. Только тогда китайские стремления могут быть осуществлены, когда мы осознаем, что в деле возрождения государства и для спасения страны от гибели в критический момент мы должны приветствовать привлечение крупного иностранного капитала в возможно большем масштабе, равно как и поставить вопрос о привлечении иностранных ученых сил и высоко-квалифицированных специалистов для осуществления этих работ, для организации дела и для нашего обучения, для того, чтобы в течение ближайших десяти лет создалась наша собственная могучая крупная промышленность и накопились технические и научные знания.

После этих десяти лет можно будет постепенно погасить иностранные займы и приобрести полную независимость в своей работе, обладая уже полным багажом необходимых для этого знаний. Тогда наше народное образование можно будет сделать истинно общим достоянием всех китайцев. Это даст возможность развития дремлющих сил и способностей Китая. Вспомните китайские пословицы: «никогда не настанет тот день, когда река станет голубой» или «потеряешь удобный момент, — веччо будешь о нем жалеть», «при лечении всегда принимайся сперва за коренную болезнь», «при спасении от бедности нужна немедленная помощь», «только сытый и одетый может соблюдать все церемонии». При развитии промышленности возможно полное развитие экономических возможностей Китая, и только тогда можно провести всеобщее народное образование.

Мы должны воспользоваться моментом окончания европейской войны и использовать крупный размах европейской военной промышленности для того, чтобы развить нашу собственную промышленность. Это легко осуществить и посему я повторяю, что «не зная, также можно осуществлять».

ГЛАВА VII.

ПЛАН РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Считают, что в последний год мировой войны ежедневные расходы различных воюющих народов достигали примерно двухсот сорока миллионов долларов золотом. Предположим, что при самой большой бережливости лишь половина этой суммы была израсходована на военные укрепления и другие военные надобности. Получится расход около ста двадцати миллионов долларов золотом.

Если на эти военные расходы посмотреть с коммерческой точки зрения, то получится следующая картина. Поля сражения являются рынком для военной промышленности, потребителями были солдаты. Война поглощала все. Почти вся мирная промышленность была милитаризована. Для того, чтобы увеличить производство военных снарядов, жители воюющих и даже нейтральных стран должны были довольствоваться самыми ограниченными житейскими потребностями и отказываться не только от предметов роскоши, но и от привычных удобств.

Теперь война окончена, и рынок для военной промышленности оказался закрытым, — будем надеяться, что навсегда. Сейчас мир стоит перед проблемой, каким образом организовать послевоенное хозяйство Европы. Выше мы отмечали, что сто двадцать миллионов долларов ежедневно расходовались на военные снаряжения. Предположим, что восстановление хозяйства Европы возьмет половину этой суммы, т.-е. шестьдесят миллионов долларов; это все-таки оставит нам разность в шестьдесят миллионов долларов ежедневного расхода, которые можно использовать на другие нужды.

Кроме того, миллионы солдат, которые во время войны были только потребителями, сейчас станут вновь производящей силой. Далее, концентрация и национализация всей промышленности, которые я назвал бы второй промышленной революцией, достигнув гораздо большего размера, чем первая, в которую ручной труд был заменен машинным производством. Эта вторая промышленная революция увеличит производительность человека во много раз более, чем первая. Следовательно, эта

концентрация и национализация промышленности за счет мировой войны будет в дальнейшем усложнять восстановление послевоенной промышленности. Представьте себе: новая торговля, созданная войной, на шестьдесят миллионов долларов в день, или двадцать один миллиард и девятьсот миллионов долларов в год, должна будет прекратиться, как только заключат мир. Где в мире могут найти Европа и Америка рынок для сбыта этих огромных запасов, оставшихся после войны? Если эти миллиарды долларов, вложенные в военную промышленность, не могут найти себе места в условиях мирного времени, то мир окажется перед экономическим кризисом. Это только расстроит экономическое положение Европы и Америки, но будет также большим ущербом для мировой экономики.

Торговые страны всего мира смотрят на Китай, как на «место разгрузки» их перепроизводства. Довоенные условия торговли были неблагоприятны для Китая. Перевес импорта над экспортом равнялся приблизительно ста миллионам долларов золотом ежегодно. Рынок Китая не мог при этих условиях сильно расширяться, так как это повело бы к выкачиванию золота из Китая и было бы выгодно только для иностранных государств, ведущих торговлю с Китаем. К счастью, природные богатства Китая очень велики, их собственное развитие могло бы создать неограниченный рынок для всего мира и могло бы использовать большую часть, если не все, миллиардов долларов, оставшихся в промышленности военного времени.

Китай — страна, в которой все еще применяют ручной труд, и которая еще не вступила в первую стадию промышленной эволюции, тогда как Европа и Америка уже достигли этой второй стадии. Таким образом Китаю приходится начинать оба периода промышленной эволюции сразу, применяя механику вместе с принципом национализации производства. В этом случае Китаю потребуется механика для его обширного земледелия, техническое оборудование для его богатых копей, техника для его бесчисленных хозяйств, для его обширных транспортных систем и для всех его общественных нужд. Как этот новый спрос на современную технику может отразиться на реорганизации военной промышленности Европы и Америки? Заводы, выделяющие пушки, могут легко быть обращены в заводы, производящие паровые катки для устройства дорог в Китае. Заводы, выделяющие танки, могут производить платформы для перевозки сырых материалов, находящихся повсюду в Китае. Все виды военных машин могут быть обращены в орудия мирного времени для общего развития естественных богатств Китая. Китайский народ будет приветствовать развитие богатств нашей страны, если только Китай будет сохранен от растлевающего влияния мандаринов и обеспечит себе нормальные взаимоотношения с иностранными государствами.

Некоторые народы Европы и Америки могут опасаться, что развитие военной техники Китая, его военной организации и общего промышленного развития может создать неблагоприятную

конкуренцию для иностранной промышленности. Я поэтому предлагаю план организации нового рынка в Китае, достаточно обширного как для развития его собственных производительных сил, так и для развития промышленности иностранных держав. План, предлагаемый мною, следующий.

1. Развитие системы путей сообщения:
 - а) 100.000 миль железнодорожных путей;
 - б) 1.000.000 миль шоссейных дорог;
 - в) улучшение ныне имеющихся каналов:
 - 1) канала Хан-Чжоу — Тяньцзинь;
 - 2) канала Синцзян-Янцзы;
 - г) сооружение новых каналов:
 - 1) канала Ляохе — Сеньквакиан;
 - 2) каналов, подлежащих проектированию;
 - д) организация речной системы Китая:
 - 1) приведение в порядок насыпей (плотин) и русла реки Янцзы от Ханькоу до моря, для облегчения океанским пароходам навигации до порта Ханькоу;
 - 2) приведение в порядок насыпей (плотин) и русла Хуанхе для предотвращения наводнений;
 - 3) приведение в порядок Синцзяна;
 - 4) приведение в порядок Хвайхе;
 - 5) приведение в порядок других рек;
 - е) проведение больших телеграфных и телефонных линий, а также организация радио-телеграфной сети.
2. Организация и развитие коммерческих гаваней:
 - а) организация трех обширнейших океанских портов, могущих в будущем быть равными нью-йоркской гавани; они должны быть построены на севере, в центре и на юге Китая;
 - б) устройство коммерческих и рыболовных гаваней вдоль всего китайского побережья;
 - в) устройство коммерческих доков вдоль всех судоходных рек Китая.
3. Постройка современных городов, с общественными удобствами, близ всех железнодорожных центров, главных станций и гаваней.
4. Использование водной силы Китая.
5. Организация в самом широком объеме железо- и сталелитейных заводов, а равно цементных заводов для обслуживания строительных нужд Китая.
6. Развитие горных богатств Китая.
7. Развитие земледелия в Китае.
8. Работы по орошению в Монголии и Китайском Туркестане.
9. Лесоразведение в центральном и северном Китае.
10. Колонизация Манчжурии, Монголии, Синцзяна, Гоконора и Тибета.

Если вышеуказанная программа сможет быть осуществлена постепенно, то Китай станет не только «разгрузочным местом»

для иностранных товаров, но действительно обратиться в «экономический океан», способный поглотить весь излишний мировой капитал так же быстро, как промышленные страны смогут производить при грядущей промышленной революции национализированного машинного производства. Это сведет на-нет конкуренцию и коммерческую борьбу как в Китае, так и во всем мире.

Мировая война доказала человечеству, что война разорительна как для победителя, так и для побежденного, но наиболее тяжела она для наступающего. Это приложимо как к войне оружием, так и к экономической борьбе.

Президент Америки, Вильсон, предложил образовать Лигу Наций для прекращения в будущем войн, я хочу предложить прекратить торговую войну путем совместной работы и взаимной помощи в деле развития Китая. Это устранил главнейшую причину всех будущих войн.

Если мое предложение приемлемо для владеющих капиталами держав, то я представляю дальнейшие детали.

Развитие Америки, как промышленной и торговой нации, принесло много выгод всему миру. Развитие Китая с его четырьмястами миллионами населения создаст другой Новый Свет в экономическом отношении. Нации, принявшие участие в развитии Китая, пожнут огромные выгоды. Кроме того, интернациональная совместная экономическая работа сможет лишь способствовать укреплению братства среди людей. Наконец, я уверен, что, в конце концов, Китай будет краеугольным камнем в союзе Лиги Наций.

Для успешного выполнения этого проекта я предлагаю предпринять три следующих необходимых шага. Первый — организовать управление снабжающих капиталами держав, которые должны войти между собой в соглашение для совместных действий и создания международной организации, со своими организаторами военного дела, администраторами и экспертами по разным отраслям для выработки планов и нормализации материалов, в предотвращение ущерба и для облегчения предполагаемых работ. Второй — необходимо, чтобы доверие китайского народа было обеспечено, чтобы оно послужило базой для сотрудничества и всесторонней поддержки с его стороны. Если вышеуказанные два шага будут выполнены, то третьим шагом будет открытие официальных переговоров для заключения окончательного договора относительно выдвинутого нами проекта с китайским правительством.

Наконец, последнее, но и самое главное, — нужно предупредить, чтобы прежние ошибки не повторились. В 1913 году иностранные банкиры отнеслись с пренебрежением к желаниям китайского народа, они думали, что смогут все сделать с одним китайским правительством. Но оказалось, что договоры, которые они заключили с правительством путем больших подкупов, впоследствии не были признаны китайским народом. Если бы иностранные банки пошли более верной дорогой и заручились прежде доверием китайского народа, а затем уже приступили к заключению договоров, то они преуспели бы больше.

ГЛАВА VIII.

РЕВОЛЮЦИЯ — ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ КИТАЯ.

Как гоминданцы готовили китайскую революцию.

Мой призыв к осуществлению революции в Китае имел успех, и разрушительная часть революции в виде свержения монархии Манчжурии уже осуществлена, но созидательная ее часть еще далеко не начиналась. Все же я не теряю надежд на успешное завершение китайской революции. Поэтому я отдал все свои силы делу китайской революции.

В первом году республики, когда европейские литераторы и ученые посвящали тысячи статей китайской революции и подходили к фактам китайской революции больше с точки зрения морали, не касаясь их сущности, я выпустил первую главу своих «Записок о китайской революции», в которой излагал весьма сжато и кратко, как двадцать лет тому назад успех революции в Китае являлся вопросом очень спорным.

Находясь тогда в Лондоне, я все-таки не мог назвать себя одним из основателей общества «Возрождения Китая». Это тогда было связано с угрозой преследования. В настоящее время я возобновляю по памяти содержание этой главы своих воспоминаний, пополняя ее фактами прошедших тридцати лет, которые я раньше опускал в силу понятных соображений конспирации.

Со времени зарождения во мне идеи революционной борьбы до момента создания «Союзной лиги» (основное ядро партии гоминдан) я был человеком, который делал революцию и посему все мои революционные дела были весьма несложны. Я мог бы по пальцам перечест фамилии лиц, признававших в то время мои идеи. Со времени создания «Союзной лиги» работа значительно усложнилась, и мне, конечно, не перечест имена всех патриотов-эмигрантов, равно как и революционеров-героев на нашей родине. Я пишу свои записки, как материалы для будущего историка партии гоминдан.

С 1885 года, т.-е. со времени нашего поражения в войне с Францией, я поставил себе задачу — свержение Дайцинской

династии и учреждение на ее развалинах Китайской республики. С самого начала для своей пропаганды я избрал училище, в котором я учился и докторское искусство в виде тетушки, которая вывела бы меня на широкий свет общественности.

Десять лет прошли, как один день. В кантонской медицинской школе я подружился с Чжень-Ши-Лянем, у которого был очень обширный круг знакомств среди бывалых людей, знающих Китай. Когда я заговорил о революции, пропагандируя ее идеи, он с радостью согласился со мною и заявил, что согласен немедленно вступить в партию, если я соглашусь руководить ими в революционном деле. Пробыв год в кантонской школе, я узнал, что в Гонконге открылась английская медицинская школа с более обширной программой, чем кантонская; тогда, соблазненный еще тем обстоятельством, что там мне представлялось большое поле для развития моей революционной пропаганды, я направился в Гонконг продолжать свое образование и в течение четырех лет все свободное от учебных занятий время я отдавал делу революционной пропаганды, переезжая взад и вперед из Гонконга в Амой. В то время я почти не имел сторонников, исключая трех лиц, проживавших в Гонконге: Чень-Шао-Бо, Ю-Шао-Чжи и Ян-Хо-Линь, а также одного из шанхайцев, а именно Лу-Ко-Дун. Остальные же избегали меня, как мятежника, сторонясь как зачумленного.

Живя вместе с тремя своими друзьями: Ченем, Ю и Яном в Гонконге, мы все время вели споры о революции. Наши мысли были устремлены в сторону задач китайской революции. Мы, главным образом, изучали историю революций. Когда бывало мы соберемся и не поговорим о революции, то не чувствуем и радости. Так прошло несколько лет, и мы получили у своих знакомых прозвище «четырех великих и неразлучных разбойников». Для меня это был период революционных споров и подготовки.

По окончании школы я остановил свое внимание на двух местах: Амои и Янчене, как будто для практики, а в действительности для того, чтобы приступить к делу революционной пропаганды. В то же время Чжень-Ши-Лянь начал вербовку членов партии. Я и Лу-Ко-Дун отправились на север в Нэкин и Тяньцзинь для того, чтобы изучить, насколько прочно положение династии Дайцинов, а оттуда мы отправились в Учан для изучения тамошнего положения.

В 1894 году мы решили, что настал подходящий момент и отправились на Филиппины для организации «Общества возрождения Китая», имея своей целью войти в связь с проживавшими там поселенцами из Китая в целях получения от них помощи. Однако мы не учли, что момент для революции еще не созрел: результатом нашей пропаганды на Филиппинах явилось всего десять человек сочувствующих, из которых только двое братьев Дэнь-Инь-Нань и Дэнь-Дэ-Чжан соглашались идти на большие жертвы в пользу нашего общего дела.

Это было как раз в то время, когда императорские армии терпели одно за другим поражения ¹⁾. После потери Кореи монархия утратила обаяние своего могущества, так как пред всеми китайцами ясно раскрылся распад и гниль манчжурской династии. Шанхайский товарищ Сунь-Юэ-Жо письменно потребовал нашего возвращения на родину. Я, Дэн-Инь-Нань и трое других товарищей вернулись на родину для дальнейшей работы, имея своей целью организовать восстание в Кантоне и захватить его.

Наш комитет находился в Гонконге, наше бюро находилось в Янчене. В то время в комитете работали Дэн-Инь-Нань, Ян-Цзюй-Юнь, Хаунь-Юн-Шань, Чень-Шао-Бо и др., а в нашем бюро в Янчене работали Лу-Ко-Дун, Чжень-Ши-Лянь и несколько американских инструкторов и генералов. Я часто ездил между Кантоном и Гонконгом. Наши задачи к тому времени вполне определились. Подготовления были в полном разгаре. Сил у нас было накоплено много, и можно было одним ударом уже достигнуть очень многого. Но как раз в это время власти обнаружили перевезенное нами оружие (500 штук револьверов), и один из достойнейших наших товарищей Лу-Ко-Дун был казнен. Это была первая жертва, принесенная нами на алтарь китайской революции. Одновременно с ним были арестованы и казнены Це-Сы и Чжу-Гуй. Арестовано было около семидесяти человек, среди них кантонский адмирал Цин-Куй-Гуан.

День 9-го сентября 1895 года я считаю днем своего первого революционного поражения. Три дня после поражения я все еще находился в Кантоне, а десять дней спустя я вынужден был проселочными дорогами пробраться в Гонконг и оттуда вместе с товарищами Чжень-Ши-Лянем и Чень-Шао-Бо отправился в Японию, предполагая высадиться в Йокогаме. Я снял свои волосы (косу) и надел европейскую одежду, ввиду того, что время моего возвращения на родину было неопределенно. Затем я поехал на Филиппинские острова, Чжень-Ши-Лянь отправился на родину восстанавливать прежнее положение, существовавшее до нашего разгрома, а Чень-Шао-Бо остался в Японии для изучения политического положения. Я был познакомлен в то время с японцем Сугавара, а затем мы познакомились и вошли в связь с Сонэи и Миязаки; это было началом дружеских связей китайских революционеров с японцами.

Прибыв на Филиппинские острова, я стал собирать товарищей для усиления нашего «Общества возрождения Китая», но даже старые товарищи вследствие поражения не скрывали своего отчаяния, а некоторые просто отреклись от наших идей. Вследствие того, что не было еще соответственных предпосылок для развития революционного движения, его развитие несколько замедлило темп. Мне нечего было долго оставаться на Филиппинах,

¹⁾ Это был момент японо-китайской войны, когда Япония наголову разгромила китайские армии. Ред.

и я решил поехать в Америку для того, чтобы связаться с организацией тамошних китайских эмигрантов.

День моего отъезда был назначен, я прогуливался за городом и встретил карету, едущую мне навстречу; оказывается, это ехал мой учитель Кандэли с супругой. Я вскочил на подножку. Оба они сильно удивились и даже испугались, приняв меня, очевидно, за злоумышленника. Они не узнали меня, так как я сильно изменил свою наружность. Когда же я сказал: «Я — Сунь-Ят-Сен», то они, смеясь, стали пожимать мне руку. Я спросил их, как это они попали сюда. Они отвечали, что держат путь на родину, а здесь гуляют, пользуясь остановкой судна. Я предложил свои услуги в качестве проводника, что было принято ими. После прогулки я сообщил им, что совершу в ближайшем будущем кругосветное путешествие и надеюсь быть также в Лондоне проездом через Америку. С этим мы расстались, дружески попрощавшись.

В Америке, в среде китайских эмигрантов, я нашел атмосферу еще более затхлую, чем на Филиппинах. Я пересек материк от С.-Франциско до Нью-Йорка. По пути я останавливался на несколько дней, самое большее на десять дней, и всюду проповедывал, что для спасения родины от грозящей ей гибели следует свергнуть Дайцинскую династию, и что долг каждого гражданина-китайца перестроить Китай на новых демократических началах.

Несмотря на то, что я напрягал все силы в этой пропаганде, объекты нашей пропаганды все же оставались безучастными и мало признающими идеи китайской революции. Однако все же среди китайских эмигрантов существовали в довольно большом количестве так наз. общества «Хун-мэнь», которые, впрочем, выродились к моему времени в общества взаимопомощи. История возникновения этих обществ такова: сторонники Минской династии поднимали несколько восстаний против Дайцинской династии и терпели всегда поражения от императорских войск, и когда в эру правления Кань-Си манчжурская династия достигла расцвета своего могущества, то все усилия сторонников Минской династии оказались обреченными на неудачу ¹⁾. Они частью поплатились жизнью за свои дерзновения, частью же успели спастись. Видя невозможность свержения Дайцинов, они ухватились тогда за идею национализма и стали проповедывать ее, передавая эту задачу из поколения в поколение. Главной их целью при организации общества «Хун-мэнь» было свержение Дайцинской династии и реставрация Минской династии. Самая же идея национализма была у них вспомогательной. Все свои дела они вели в большой тайне, остерегаясь правительственных чиновников, скрываясь также и от китайской интеллигенции, считая ее гла-

¹⁾ Цин (или Дайцин) последняя династия Китая вышла из Манчжурии во главе воинственного племени и в 1644 году захватила Китай, свергнув династию Мин. От 1644 до 1911 г. манчжурская династия имела 10 китайских императоров. Р е д.

зами и ушами китайского правительства. Зная психологию масс, общества «Хун-мэнь» распространяли свои националистические идеи путем постановки различных пьес, чем сильно действовали на китайскую толпу. В распространяемых ими идеях все зиждилось на пробуждении чувства недовольства своим положением, существующим неравенством и необходимости мести. Их паролем и лозунгами были грязные простонародные словечки, и интеллигенты-китайцы из чувства отвращения избегали их.

Партийная спайка, которая давала им помощь в беде, а равно некоторую согласованность в совместных действиях, оказалась весьма кстати для бродячего элемента и для различных блудных китайских сынов. Националистические же идеи давали им помощь в борьбе против ненавистной Дайцинской династии и, следовательно, питали надежды на реставрацию Минской династии.

Население Китая имело постоянные столкновения с чиновниками императорской власти и никогда не оставляло позиции противодействия Цинской династии. Лозунги «долой Цин!», «да здравствует Мин!» были дороги и близки многим китайцам. Но в отношении наших заморских эмигрантов нельзя сказать того же, так как они, находясь в свободном государстве за границей, утеряли необходимость организации обществ боевого характера. Поэтому немудрено, что в Америке общества «Хун-мэнь» утеряли свою политическую окраску и превратились в кассы взаимопомощи. Многие члены обществ «Хун-мэнь» не уяснили себе смысла и точных целей, которые преследовало их общество. Когда я во время своего пребывания в Америке обратился к ним и спросил, для чего им нужно свергнуть Цинскую династию и реставрировать Минскую династию, то очень многие не могли мне дать положительного ответа. Впоследствии, когда наши товарищи вели длительную революционную пропаганду в Америке в течение нескольких лет, только тогда члены общества «Хун-мэнь» уяснили себе, что они являлись старыми национал-революционерами.

Однако мое пребывание в Америке не имело большого значения для дальнейших судеб китайской революции, но все же оно вызвало страхи и опасения со стороны императорского правительства. Поэтому по прибытии моем в Лондон я едва не попался в лапы императорского посольства, но от беды меня спас мой учитель Кандэлл. Ему я обязан спасением от грозившей мне большой опасности.

Счастливо выбравшись из Лондона, я направился в Европу для изучения методов ее политического управления, а также для того, чтобы познакомиться с представителями оппозиционных партий. В Европе я понял, что хотя передовые европейские державы и достигли могущества и народоправия, но не могли дать полного счастья своим народам. Поэтому выдающиеся европейские революционеры стремятся к социальной революции, и я поставил задачу одновременного разрешения путем революции вопросов народной экономики, национальных задач и народоправ-

ства, откуда и родилась у меня так называемая «сань-минь-чжу», или трехпринципная демократическая идея.

Главной задачей в своей жизни я ставил себе революцию и поэтому я поспешил не задерживаться в Европе, чтобы не терять дорогого для революции времени. Я поехал в Японию, полагая, что там, ближе к Китаю, можно будет успешнее провести наши революционные планы. По прибытии в Японию меня в Иокогаме встретили два лидера японской народнической партии. Впоследствии, когда мы встретились в Токио, то были уже словно старые друзья и обо всех вопросах, касающихся Китая, беседовали с большой откровенностью. В то время как раз японская народническая партия пришла к власти, и Окума был назначен министром иностранных дел. С ним меня познакомили, равно как и с другими японскими политическими деятелями. Это было первое наше сношение с представителями японских правительственных кругов. Затем я познакомился с Соезима и др. представителями японской оппозиции.

Впоследствии все они много помогли делу китайской революции.

Китайских эмигрантов в Японии было до десяти тысяч, но атмосфера, царившая среди них, была затхлая. Они страшно боялись идей революции, так же, как и китайские эмигранты в других странах. Наши товарищи в течение нескольких лет вели работу среди них, но тем не менее примкнувших к революционному движению оказалось всего сто с чем-то человек, что не составляло и 1% общего количества наших эмигрантов в Японии. Если пропаганда революционных идей среди эмигрантов была так трудна и малоуспешна, то пропаганда революционных идей в Китае была делом еще более трудным. Китайцы не чуждались идеи свержения маньчжурской династии и охотно вступали в нашу партию, но сознательность их была весьма слаба, спайка среди них также отсутствовала, убежденности у них не было никакой; ими можно было пользоваться, как пассивной силой, но ни в коем случае они не были активной силой.

С 1895 года, т.-е. со времени нашего первого поражения, до 1900 года прошло пять лет, которые были периодом чрезвычайно трудным и мучительным для китайского революционного движения. Созданный нами революционный фундамент в течение десяти лет, как в смысле работы каждого из наших товарищей, так и в смысле занятых нами позиций, был разрушен. Пропаганда за границей также имела мало успеха. В это же время выросли монархические организации, выступившие на политическую арену с необыкновенной яркостью. Наши надежды были почти разбиты, но наши товарищи не приходили в уныние и бодро смотрели вперед.

Я послал Чень-Шао-Бо в Гонконг для издания там газеты для распространения революционных идей, а Ли-Цзянь-Жо приказал отправиться в провинцию Чен-цзянь для организации та-

мошных сил. Чжень-Ши-Ляню приказал отправиться в Гонконг для учреждения там нашего организационного бюро и привлечения в Гонконге новых членов в нашу партию.

Очень скоро произошло слияние «Общества возрождения Китая» с организациями, зародившимися в Гуандунской провинции и другими провинциальными организациями бассейна Янцзы.

К этому же времени подоспело движение, инспирированное манчжурской династией, так называемое «боксерское восстание». Восемь иностранных держав ввели в Китай свои войска и открыли военные действия. Я решил, что этот момент не следует упускать, и приказал Чжень-Ши-Ляню отправиться в Хучжоу для организации там выступления и с такими же заданиями отправил Ли-Цзянь-Жо в Янчен. Пока все эти приготовления велись весьма лихорадочно, я с несколькими иностранными офицерами поехал в Гонконг, рассчитывая оттуда водными путями пробраться на родину, там лично принять руководство над лучшими сынами родины и организовать дисциплинированную революционную армию для спасения Китая от гибели. Но совершенно неожиданно для меня я был предан каким-то негодяем, и гонконгские власти подвергли меня обыску и не позволили высадиться на берег. Таким образом я не смог осуществить свой первоначальный план. Поэтому все хучжоуское дело я возложил на Чжень-Ши-Ляня, послав в Гонконг для оказания ему помощи Ян-Цзюя, Юнь-Ли-Цзи, Чень-Шао-Бо и др., а сам вернулся в Японию, откуда пробрался на Формозу, предполагая снова придумать возможность пробраться внутрь Китая. Генерал-губернатор Формозы был тогда Кодاما, человек весьма сочувствовавший китайской революции, так как находил, что Север весь находится во власти анархии. Он поручил одному из своих помощников войти в переговоры со мной, обещая, в случае возникновения серьезного дела, оказать нам поддержку.

Я расширил наш первоначальный план, увеличив количество офицеров-специалистов, так как тогда наша партия располагала слишком незначительным количеством сознательных военных специалистов. С другой стороны, я приказал Чжень-Ши-Ляню изменить первоначальный план наступления на главный город провинции, а сперва захватить приморскую полосу в свои руки и сконцентрировать там наши силы, а потом уже повести наступление. Чжень-Ши-Лянь по получении моего приказа немедленно отправился к месту своего назначения. Предводительствуя, главным образом, крестьянскими отрядами, он атаковал цинских солдат, расположенных в Синьане и Шень-Чауне и разоружил их, а затем повел наступление на Лун-ган, Таншуй-Юнху и др. пункты и всюду имел успех, так что императорские войска стали разбегаться, как только приходили в соприкосновение с его авангардами. Вслед за этим он захватил последовательно всю приморскую полосу от Синь-Аня. Далина до Хучжоу и стал дожидаться моего прихода с нашими сторонниками, а также подвоза оружия и военного снаряжения. Однако совершенно неожиданно

для нас в десятый день после выступления наших революционных армий совершились перемены в японском правительстве, и новый премьер занял позицию в отношении Китая, совершенно противоположную позиции его предшественника. Он запретил всякого рода переговоры формозского генерал-губернатора с китайскими революционерами, а также воспретил вывозить оружие, равно как воспретил японским офицерам вступать в революционную китайскую армию. Этим нарушался весь мой план. Я послал Ямада и нескольких товарищей в лагери Чжень-Ши-Ляня известить его об этом, приказав ему поступать сообразно обстоятельствам момента. Когда Ямада и др. товарищи прибыли в место расположения войск Чжень-Ши-Ляня, то уже прошло тридцать дней после начала военных действий. Была собрана за это время армия в 10 тысяч человек, которая с нетерпением ожидала подкрепления оружием и командным составом.

Когда же ими было получено сообщение со стороны Ямада, то было немедленно решено распустить войска, и Чжень-Ши-Лянь с несколькими сотнями наших товарищей вернулся в Гонконг. Ямада заблудился, был схвачен императорскими войсками и казнен. Это был первый иностранец, принесший свою жизнь в жертву на алтарь китайской революции. В то время, как Чжень-Ши-Лянь яростно воевал, Ли-Цзянь-Жо в Кантоне пытался откликнуться и помочь ему, но неудачно. Тогда он решил бросить бомбу в помещение, где находилось управление делами губернатора двух провинций Гуан (Гуандун и Гуанси), но бомба не разорвалась, его же арестовали и казнили. Это был второй герой, погибший за республику. Он был человек с сильной волей, умен, искренен; в то же самое время его можно сравнить с Лу-Ко-Дуном, их храбрость и их таланты имели очень много сходства: они оба одинаково хорошо рисовали и писали стихи ¹⁾. Лу-Ко-Дун был храбр, а Ли-Цзянь-Жо неустрашим, и воистину жалко, что вследствие поражения мы потеряли достойнейших людей своего века. Воистину приходится сказать, что гибель этих двух героев была печальной для будущего китайской революции, но духовное богатство и храбрость двух погибших товарищей достойны подражания всех оставшихся в живых. Я всегда поминаю их, хотя они и умерли, но «их души все продолжают витать вокруг моей груди».

Дело 1900 года было вторым поражением китайской революции. Однако после этого поражения настроения китайского народа к нам значительно изменились. После первого нашего поражения все смотрели на нас, как на каких-то смутьянов, разбойников, творящих что-то весьма несправедливое. Нас осыпали проклятиями и бранью, на нас смотрели, как на ядовитых змей, и избегали знакомства с нами. После поражения 1900 года хотя и громко звучали прежние голоса, проклинаящие нас, но нашлось уже много сознательных китайцев, которые сожалели

¹⁾ Признаки большой образованности китайца. Ред.

о нашем поражении и выражали нам свое сочувствие. Если сравнить все это с прошедшим, то мы найдем здесь, конечно, колоссальную разницу, и наши товарищи, наблюдая эти обстоятельства, страшно радовались в душе этим признакам постепенного пробуждения Китая от сна. Обаяние могущества династии Дайцинов окончательно рассеялось, когда войска восьми государств вступили победителями в Пекин, а представители императорского дома бежали и после примирения согласились на 100-миллионную сумму возмещения убытков. Материальное благосостояние китайского народа ухудшалось, грозная опасность нависла над нашей родиной. Все сознательные китайцы стали понимать, что Китай на краю гибели. С этого момента начинает нарастать новая революционная волна.

В это же время почти все провинции начали посылать студентов в Японию для получения там образования. Среди приехавших в Токио учиться студентов оказалось много людей со свежими, молодыми головами. Они сразу ухватились за революционные идеи и вскоре вошли в революционное движение. Все споры студентов того времени, все их мысли вращались вокруг революционных вопросов. Лю-Чень-Юй на студенческом новогоднем собрании произнес большую речь о революции во имя свержения манчжурской династии. Он был исключен из университета по настоянию дайцинского посла в Токио. Другие студенты, как Цзи-Юань-Чен, Чен-Чжа-Чжай, Чжай-Бо-Цюань, издавали народные газеты для пропаганды идей революции.

Это революционное движение среди китайского студенчества перебросилось в Китай. В Шанхае студенты Чжань-Тай-Янь У-Вей-Хой, Чжо-Чжан и др. воспользовались христианскими газетами для революционной пропаганды. Действия последних были обжалованы представителями императорской власти, вследствие чего они были арестованы и заключены в тюрьму на территории иностранной концессии. Одному из них, впрочем, удалось бежать за границу. Затем последовал единственный в своем роде процесс, когда династия принесла жалобу на отдельного человека иностранному суду, и выиграла процесс. Чжо-Чжан был осужден всего на два года тюремного заключения.

Между тем, народное движение все усиливалось. Эмигранты сильно приветствовали появление в свет книги Чжо-Чжан «Революционная армия», в которой он с большой силой выступает против Дайцинской династии. И она сыграла большую роль в революционном движении китайских эмигрантов. Этот период я считаю началом эпохи широкого развития китайского революционного движения.

В 1900—1903 г.г. аннамский губернатор несколько раз поручал токийскому французскому консулу пригласить меня для личного свидания с ним, но я все как-то не мог выкроить свободное время для этого. Во время открытия выставки в Ханэи я поехал туда, но когда прибыл в Аннам, то узнал, что губер-

натор ушел в отставку и выехал на родину; велел своему старшему секретарю радужно принять меня.

Во время своего пребывания в Хэнэй я познакомился с Хуа-Лун-Шеном, Ва-Цей-Тином, Ва-Би-Яном и др. товарищами; все они впоследствии сделались нашими единомышленниками и принимали большое участие в деле под Цянь-Лянем. По окончании хэнэйской выставки я снова отправился в кругосветное путешествие через Японию в Америку.

При проезде через Японию меня встретили Ло-Чжун-Кай, Фу-Фу-Ма и др., выразившие свое полное сочувствие революции. Я поручил им создать организацию среди наиболее сознательных товарищей. Впоследствии при создании нашей «Союзной лиги» они привели с собой нам очень много сил. После поражения в Хучжоу, в период до создания «Союзной лиги», к нам присоединились граждане Ли-Цзи-Тань, Хун-Цюань-Фу в Кантоне и Хуан-Кэ-Цян и Ма-Фу-И в провинции Хунань. Революционное движение в Китае значительно укреплялось. Эмигранты, проживавшие за границей, под влиянием революционной пропаганды студентов и народного движения в Китае, постепенно склонялись в сторону революции и при моем проезде через Японию повсюду выражали мне свое сочувствие.

Весною 1905 года я снова приехал в Европу, и находившиеся там студенты в большинстве своем являлись сторонниками революции. Они только что прибыли в Европу из Японии или из Китая. Революционная волна охватила их, и они скоро от споров о революции стали переходить к непосредственному революционному действию. Я изложил тогда свои долго оберегаемые идеи трехпринципного демократизма и «конституции пяти видов», чтобы под их лозунгом создать революционную организацию.

Первое собрание мы имели в Брюсселе, и в наш союз вступило 30 человек. Второе собрание было организовано в Берлине, и там в наш союз вступило 20 с лишним человек. Третье собрание было в Париже, и там вступило в союз 10 человек, четвертое собрание в Токио дало нам несколько сот новых членов в наш союз. В нашем союзе находились представители всех провинций Китая, за исключением провинции Гансу, так как Гансу не дала еще своих студентов в Японию. Во время создания нашего союза слово «революция» являлось еще страшным, и поэтому наш союз просто назывался «Союзной лигой», каково же название он сохранял довольно долго. После создания «Союзной лиги» я стал верить, что перед нами открывается новая эра китайской революции. До этого я не раз встречался с большими трудностями, я подвергался оплевыванию и осмеянию со стороны всех. Я не раз терпел поражения, но я дерзновенно подвигался вперед, хотя, признаться, я и не мечтал, что дело свержения манчжурской династии будет совершено еще при моей жизни. Однако с осени 1905 года, после создания революционной «Союзной лиги», я уверовал, что великое дело китайской революции будет завершено еще при мне, именно тогда я решился выдвинуть лозунг

создания Китайской республики и выступить с ним перед всеми членами нашей партии, для того, чтобы они, возвращаясь по домам в свои провинции, широко пропагандировали необходимость революции, во имя создания Китайской республики. Прошло не более года, и число вступивших в нашу «Союзную лигу» уже достигало 10 тысяч человек. Отделы были организованы почти во всех провинциях, и с этого времени революционное движение сделало гигантский скачок вперед, и дальнейшее развитие революционного движения превзошло все мои ожидания.

Иностранные правительства в то время тоже стали благожелательно относиться к китайским революционерам. Однажды, когда я по пути в Японию, проезжал Усун, ко мне явился один французский офицер, по приказанию своего главного начальства, для свидания со мной и передал мне, что его правительство имеет намерение поддержать китайскую революцию, и затем спросил меня, в каком положении находятся революционные силы. Я рассказал ему об истинном положении дел. Тогда он снова спросил меня, как обстоит дело с организацией военных сил в провинциях и связью с местами, добавляя, что если в этом вопросе все обстоит благополучно, то его правительство немедленно окажет помощь. На это я ответил ему, что в этом отношении еще не все сделано, и просил послать агентов для оказания помощи, а также для того, чтобы расследовать положение дел и установить связь. Они тогда послали из тянцзинского штаба офицеров в мое распоряжение.

Я приказал Ло-Чжун-Каю создать бюро в Тяньцзине, приказал Ли-Чжун-Ша с некоторыми офицерами отправиться в провинции Гуандун и Гуанси для обследования положения дел, далее я приказал Ху-И-Шеню с несколькими офицерами отправиться в провинции Сычуань и Юньнан, также для ознакомления с тамошним положением, а также приказал Цяо-И-Чжаю с теми же целями отправиться с несколькими офицерами в Нанкин и Ухань. (Это — общее название трех городов: Учана, Ханькоу и Ханьяна.) В то время в Нанкине и Учане находились свежее мобилизованные войска, и они приветствовали наших товарищей по прибытии их в эти места. В Нанкине с ними имел предварительные переговоры некий товарищ Чжао-По. Он имел совещания и тайные заседания с их командным составом в чине до батальонного командира. В Учане вел переговоры Лю-Цзя-Юнь. Он с несколькими товарищами из военных созвал общее собрание в помещении церкви, куда пришло очень много народу; говорят даже, что там присутствовал и командующий войсками Чжан-Ху. На этом собрании все собравшиеся выступали с речами, становясь вполне на сторону революции, и французские офицеры также присоединились к этому. Все это стало широко известным, и вскоре после этого генерал-губернатор пров. Хубей и Гуандун Чжан-Чжи-Дун послал одного иностранца, служащего таможи, шпионить за французскими офицерами. Выражая преданность революции в Китае, этот шпион вошел в близкие сношения с французскими

офицерами. Они приняли его, как европейца, и все рассказывали ему. Чжан-Чжи-Дун тогда послал донесения в Пекин императорскому правительству, сообщая все планы китайских революционеров как истинные, так и вымышленные. Императорское правительство, получив это донесение, немедленно вошло в переговоры с французским посольством по этому вопросу. Французское посольство, не будучи знакомым со всеми обстоятельствами дела, запросило свое правительство о том, как поступить с указанным выше офицером, на что получило предписание замять это дело. Пекинские власти ничего не могли поделать. Спустя некоторое время сменилось французское правительство и новый кабинет стал на совершенно иную точку зрения в этом вопросе, он отозвал этого офицера и др., а впоследствии Лю-Цзя-Юнь в связи с этим делом был арестован и казнен.

С самого начала основания «Союзной лиги» нами издавались газеты, широко распространявшие идеи китайской революции, идеи трехпринципного демократизма и «конституции пяти видов». Волна революционной мысли прокатилась по всему Китаю, но наиболее сильным ее подъем был после того, как мы стали издавать журналы. В то время к нам присоединились доблестные герои, как, например, Сю-Си-Лин, Сюнь-Янь-Цзи, Цю-Цзин и другие.

Выступление в Пинли началось в 1907 году и проведено самостоятельно силами нашей «Союзной лиги», создавшей из своих членов революционную армию. В то время, когда в Пинли наша революционная армия сражалась с императорскими войсками не на жизнь, а на смерть, все наши токийские члены рвались в бой и осаждали наш комитет с просьбами отправить их на передовые позиции для принятия участия в боях. Я знаю случаи, когда некоторые товарищи, не имевшие возможности отправиться туда для принятия участия в бою, плакали, как дети.

К сожалению, о выступлении в Пинли, начатом членами нашей лиги, нам не было заблаговременно известно, и мы не успели подготовиться к нему, узнав о нем поздно.

Мы проиграли сражение под Пинли, и товарищи наши Лю-Дао-И, Нин-Дяо-И и Юань-Хун-Ин были захвачены в плен императорскими войсками и частью были казнены, частью подверглись тюремному заключению. Это было первое боевое крещение членов нашей «Союзной лиги». После этого можно было сказать, что революционное движение охватило уже все государство в небывалых до того времени размерах. Члены нашего союза в Токио, конечно, тоже не могли оставаться безучастными зрителями. Тогда императорское правительство обратилось к японскому правительству с предложением изгнания нас из пределов Японии.

Я отправился из Японии с Хань-Мином и Цзин-Веем в Аннам для того, чтобы организовать наше бюро в Хэнэе для организации нового выступления. Нами было поднято восстание в Чаочжоу; однако там войско Хуань-Гана потерпело поражение. Это было нашим третьим поражением. За этим последовало

выступление Мин-Дэна в Хучжоу, но оно также потерпело поражение. Это явилось моим четвертым поражением.

В округах Лянь и Цянь вспыхнуло восстание из-за нежелания уплачивать налоги. Императорское правительство послало четыре тысячи своих войск под предводительством Ко-Жень-Чжана и Чжао-По-Сяня для умирения восставших. И приказал Хуан-Кэ-Цяну отправиться в лагерь к Ко-Жень-Чжану, а Ху-И-Шену приказал отправиться в лагерь Чжао-По-Сяня и убедить их перейти на сторону революции. Оба генерала заявили, что если действительно настоящая революционная армия поднимется, то они тоже примкнут к ней.

После этого нами были посланы организаторы в округа Лянь и Цянь для поднятия всех групп сознательных граждан и согласования их действий. С другой стороны, нами были посланы Сюань-Е и Чуань-Чжи для покупки оружия в Японии. Кроме того, нами были собраны товарищи в Аннаме, и было приглашено много французских офицеров из демобилизованных для инструкторов. Мы полагали, что с прибытием оружия нам удастся захватить всю приморскую полосу от Фанчена до Дунсина. Дунсин чрезвычайно удобен для организации революционной армии, так как он граничит с французской концессией, и по реке, которой они отделяются друг от друга, можно с большим удобством перевозить разного рода военные снаряжения. С прибытием оружия мы рассчитывали снарядить и вооружить армию в две с лишним тысячи человек и только потом в округе Цянь собрать армию в 6 тысяч человек, а затем уже убедить Ко-Жень-Чжана перейти на нашу сторону, и тогда можно было бы составить сильную армию, которая после некоторого периода обучения легко могла бы занять провинции Гуандун и Гуанси и потом уже наступать в сторону Янцзы и соединиться с недавно мобилизованными войсками Нанкина и Учана, и тогда, наконец, обрести достаточные силы для успешного завершения революции. Однако совершенно непредвиденно для нас, в нашем токийском комитете разыгрались какие-то неурядицы, и план покупки оружия был разрушен. Фанчен в это время был атакован, но так как оружие не приходило, то я потерял доверие к товарищам, поехавшим получать его, а атаковавшие Фанчен товарищи, видя, что оружие все не приходит, отступили в Цянчжоу, надеясь, что войска Ко-Жень-Чжана придут к ним на помощь, но тот, видя, что наши силы слишком слабы, не решился выступить нам в помощь, опасаясь, что сам будет подавлен высланными подкреплениями со стороны императорских войск. Наши войска отступили к Линшаню, предполагая найти там помощь со стороны войск Чжао-По-Сяня, но тот, видя, что Ко-Жень-Чжан не выступает, тоже не осмелился выступить. Тогда наша армия ввиду своей слабости решила отступить к Ши-Вань-Дашаню, что и было сделано. Это было нашим пятым поражением.

После того, как наш план восстания потерпел поражение в округах Цянь и Лянь, я, лично предводительствуя товари-

щами Хуан-Кэ-Цяном, Ху-Хань-Мином, несколькими французскими офицерами и сотней других товарищей, неожиданной атакой захватил три форта Чжень-Нань-Гуана и принял в свои ряды сдавшихся солдат. Здесь я надеялся собрать также товарищей, отступивших к Ши-Вань-Дашаню, и совместными силами атаковать Хучжоу. Но я не учел тогда того, что товарищи, ушедшие к Ши-Вань-Дашаню, оказались слишком далеко.

Мы, группа в количестве ста человек, с захваченными тремя пушками, сражались семь суток против тысячных полчищ Лу-Цзи-Гуана и Лу-Ин-Тина и потом отступили в Аннам. При проезде моем через Ляншань я был опознан шпионом императорских властей, и императорское китайское правительство вошло в переговоры с французским правительством, после чего меня выслали из Аннама, и это было нашим шестым по счету поражением.

После своего отъезда из Хэнэя я, с одной стороны, приказал производить все приготовления для нового вторжения в округа Лянь и Цянь, а с другой стороны, приказал Хуан-Мин-Тану захватить Хэкоу для дальнейшего продвижения в провинцию Юньнань и для обоснования там нашей базы.

Хуан-Кэ-Цян через некоторое время выступил со своими друзьями из Аннама и в походном порядке продвинулся в вышеупомянутые округа, сражался там в течение нескольких месяцев и навел панику на императорские войска, приобретя этим большую известность. Однако спустя некоторое время, из-за недостатка боевого снаряжения и из-за недостатка помощи, он также отступил. Это я считаю нашим седьмым поражением.

После моего прибытия в Синчжоу, через месяц с лишним, Хуан-Мин-Тан со своими ста товарищами овладел Хэкоу, расстрелял главных начальников и присоединил к себе до тысячи сдавшихся солдат и стал ожидать руководства со стороны нашего комитета. Я в то время находился в Наньяне и не мог проехать через французскую территорию на передовые позиции, чтобы принять личное руководство, почему я телеграммой приказал Хуан-Кэ-Цяну принять командование на себя. Хуан-Кэ-Цян проделал уже половину своего пути, когда неожиданно подвергся подозрению со стороны французских властей и был выслан в Хэнэй, где, после сношений с китайскими властями, ему был запрещен въезд в Китай. Восставшие в Хэнэе массы оставались, таким образом, без руководителя, в силу чего момент, удобный для наступления, был нами пропущен.

Хуан-Мин-Тан продержался больше месяца, все время ведя непрерывные бои, но враги превосходили его численностью в десять раз. Хэкоу нам не удалось удержать за собой, и отряды Хуан-Мин-Тана в количестве 600 человек отступили в Аннам, что явилось нашим восьмым поражением.

Вследствие настояния пекинского правительства, наши товарищи были высланы из французских владений и направились в Сингапур, но были задержаны там английскими чиновниками, не дозволившими им высадиться на берег. Тогда французский

консул в Сингапуре вошел в переговоры с сингапурским генерал-губернатором, заявляя, что это — 600 китайских революционеров, отступившие после своего поражения на французскую территорию и вследствие выраженного ими желания, отправленные в Сингапур. Сингапурский генерал-губернатор ответил на это, что китайцы, выступающие против своего собственного правительства, не признаются им за воюющую сторону, и он рассматривает их не как политических преступников, а как простых мятежников, и поэтому им не будет разрешено высадиться на берег. Однако после двух дней стоянки в порту французам удалось настоять на своем, и нашим товарищам разрешили высадиться.

Еще во время революционных боев в Хэкоу французское правительство придерживалось нейтралитета, но фактически оно всецело признавало уже тогда революционеров воюющей стороной, и поэтому товарищей, отправленных в Сингапур, оно не могло рассматривать как простых бунтовщиков.

После этого нашего последнего поражения тов. Цзин-Вей пришел в сильное уныние и решил отправиться в Пекин для совершения террористических актов. После совещания со мной он отправился в Пекин с несколькими товарищами, но покушение, произведенное им, потерпело неудачу, и он с Хуан-Фу-Шеном был брошен тогда же в тюрьму; освобождены они были только после учанского восстания.

До создания нашей «Союзной лиги» помогавших средствами революционной армии было очень немного, и то из числа моих личных друзей. Кроме них, никто не осмеливался приходить нам на помощь. После создания нашей «Союзной лиги» нам стали помогать извне. Из числа наиболее помогавших нам в то время могу указать на Чжан-Цзин-Цзяна, который, продав свое предприятие в Париже, внес нам сумму в 60 или 70 тысяч долларов. Далее из числа наиболее благородных жертвователей упомяну Хуан-Цзин-Нана из Аннама, который отдал нам все свои сбережения в несколько тысяч долларов. Из других назову аннамских крупных купцов Ли-Чжо-Фена, Цзэн-Си-Ижоу и Ма-Пэй-Шена, пожертвовавших несколько десятков тысяч долларов.

После многократных своих поражений я не мог вполне свободно жить ни в Японии, ни в Гонконге, ни в Аннамe и вообще в прилегающих к Китаю местах. Таким образом работа в пределах родины была для меня почти невозможна. Поэтому, поручив дело товарищам Хуан-Кэ-Цяну и Ху-Хань-Мину, я сам снова отправился в кругосветную поездку, имея своей специальной задачей изыскание средств для организации китайской революции.

Впоследствии товарищи Хуан-Кэ-Цян и Ху-Хань-Мин организовали в Гонконге главный комитет по южным делам и совместно с товарищами Чжао-По-Сянем, Ни-Ян-Ченом, Чжу-Чжи-Сином и Чень-Чзюнь-Мином подняли восстание новых мобилизованных войск в провинции Гуандун. Это движение было хорошо продумано, и знамя восстания было поднято в 1910 году..

В лагери к восставшим пошел товарищ Ни-Ян-Дянь и принял на себя руководство восстанием. Из Ша-Хэ они двинулись на главный город провинции и достигли уже Хэнь-Чжи-Гана, но там они встретили правительственные войска, где случайным разрывом снаряда был убит Ни-Ян-Дянь. Оставшись без руководителя, восставшие рассыпались в разные стороны. Это было нашим девятым поражением.

В это время я отправлялся из Америки на Восток. Когда я прибыл в Сан-Франциско, я узнал об этом выступлении. Немедленно я взял курс на Филиппинские острова и Японию, чтобы вернуться в Китай. Но в Иокогаме был узнан шпионами и не мог остаться там, и проехал на юг, где решил встретиться с Хуан-Кэ-Цяном и Ху-Хань-Мином для совещания о плане наших дальнейших действий. Среди товарищей в это время наблюдался большой упадок духа. После нашего поражения и гибели наиболее крепкого комитета мы утратили выгодные позиции. Наши бойцы в большинстве вынуждены были разбежаться и эмигрировать. Снова же все организовать у нас не хватало сил. Поэтому настроение товарищей было чрезвычайно пессимистическое, и когда мы начинали говорить о наших будущих планах, то все тяжело вздыхали и не смотрели друг другу в глаза. Я выступил и стал говорить, что наши поражения в прошлом были гораздо более тяжелы. Наши отряды в настоящее время хотя и редки, но революционная волна растет и ширится с каждым днем, сознательность китайцев также растет. И если мы теперь обратим внимание на предложенный мною план работы и не падем духом, то я обещаю, что найду средства для нашей дальнейшей работы. Мне возразили, что «если у нас не хватает средств на удовлетворение наших собственных, эмигрантских, нужд, то как же можно изыскать средства на дело революции».

Я снова повторил, что я средства найду. Тогда товарищ Бо заявил, что если действительно снова начать действия, то необходимо немедленно послать товарища с несколькими тысячами долларов в провинцию Сычуань для помощи тамошним товарищам, во избежание их распыления. Только после этого можно будет уже подумать о том, чтобы создать новый комитет и снова открыть борьбу.

«Мы должны, — заявил товарищ Бо, — возвратиться в Гонконг для всестороннего обсуждения, а также немедленно должны отпустить пять тысяч для провинции Сычуань; в случае же, если мы предполагаем дальнейшие активные действия, то нам необходимы несколько десятков тысяч долларов».

Тогда я созвал сочувствовавших нам китайских эмигрантов для совещания, результатом которого явилось, что нами было собрано 8 тысяч долларов и, кроме того, было постановлено делегировать товарищей для сбора нужных нам сумм по различным областям и провинциям. В течение нескольких дней нами было собрано 60 или 70 тысяч долларов.

Нами был разработан план действий; я отправился в голландские владения, но там меня не пропустили, через английские владения меня также не пропустили, так что мне не оставалось ничего иного, как снова направиться в сторону Европы или Америки.

Я поехал в Америку, где посещая различные ее уголки, агитировал среди китайских эмигрантов для помощи нам и для внесения денежных сумм в помощь революции. На этот раз среди американских эмигрантов находилось очень много сочувствовавших.

В это время произошло гуандунское восстание. Там выступили все наиболее доблестные революционеры, и хотя мы опять здесь потерпели поражение, но славные деяния 72 героев прогремели на весь мир. Это было наше десятое по счету поражение.

Еще до этого товарищи Чень-Ин-Шин, Сунь-Тунь-Чу, Тань-Ши-Бинь, Цзюй-Дзяо-Шен и другие, видя, что в провинции Гуандун мы терпим поражения одно за другим, решили перенести центр своего внимания на Ханькоу, Учан и Ханьян, а именно на работу среди тамошних гарнизонов, состоявших из вновь мобилизованных солдат, которые, после того как среди них была проведена агитация, были настроены настолько революционно, что генерал-губернатор провинций Хубей и Гуандун приказал наиболее революционно настроенные части перебросить в провинцию Сычуан. Однако после последнего гуандунского восстания число сторонников революции стало увеличиваться со дня на день. Императорские власти Цинской династии находились в состоянии панического ужаса опасаясь более всего удара со стороны Учана, поэтому генерал-губернатор вышеуказанных провинций Жуй-Чжен вошел в соглашение с консулом «некоторого» государства о том, что когда революционеры поднимут восстание, он должен ввести свои войска и обстрелять город из орудий¹⁾.

Настроение в Учане было напряженное. Тов. Сунь-У, Лю и другие решили действовать и поднять восстание в войсках. Однако совершенно неожиданно провалился наш комитет, и 30 человек попали в тюрьму; но Ху-Ин-Шану, находясь в учанской тюрьме, удалось оповестить об этом Чень-Ин-Шина и предупредить его, чтобы и он не попался в ловушку.

В это время в руки императорских властей попал список артиллеристов, а равно солдат других частей, принявших участие в деле революции. В целях спасения товарищей от неминуемой гибели нужно было действовать немедленно, в самом спешном порядке. И вот первым открыл действия Сюнь-Би-Чен и вслед за ним Цай-Цзи-Мин и другие. Они во главе своих отрядов бросились в атаку на управление генерал-губернатора и стали бомбардировать его.

¹⁾ Есть основание предполагать, что это «некоторое» государство было Япония. Ред.

Губернатор Жуй-Чжен, услыша шум канонады, немедленно бежал в Ханькоу, обратившись к консулу «некоторой» страны с просьбой бомбардировать город. Но, согласно договору 1900 года, ни одно государство не имело права самостоятельно выступить в Китае, и поэтому было созвано заседание консульского совета, на котором был поставлен на обсуждение вопрос, нужно ли бомбардировать город для наведения порядка.

Оказалось, что консулы не имели определенного мнения. Тогда выступил мой старый знакомый французский консул и, раскрывая перед консульским советом то, что это восстание произошло по моему приказу, заявил, что революционеры суньятсеновской партии отнюдь не бессмысленно бунтуют, а выступают в борьбе за переустройство политической власти, и поэтому их нельзя ставить на одну доску с боксерами и вмешиваться в их дела. Старшим из консульского корпуса в то время был русский, и он занял ту же позицию что и французский консул. К ним присоединились и остальные консулы, вынеся постановление о невмешательстве и о сохранении нейтралитета.

Жуй-Чжен, видя, что консул не действует согласно уговору, и что на него нельзя полагаться, бежал в Шанхай. Но как только бежал генерал-губернатор, вслед за ним побегал также и Чжан-Ху. Императорские власти, таким образом, самоупразднились.

Со стороны революционеров в это время Сунь-У был контужен, шанхайские же товарищи еще не прибыли. Тогда члены «Союзной лиги» Цай-Цзи-Мин, Чжан-Чжень и другие заставили полковника Ли-Юань-Хуна принять на себя генерал-губернаторство над пров. Хубей, и только тогда порядок стал постепенно восстанавливаться.

Первая революционная вспышка таким образом произошла в провинциях Хунань и Хубей, но единство действий еще не было у них установлено. Наш учанский успех во многом обязан бегству Жуй-Чжена, ибо если бы он не бежал, то не бежал бы и Чжан-Ху, и тогда подвластные ему войска, несомненно, не взбунтовались бы. Большинство учанских мобилизованных солдат стало на сторону революции. Большинство из них было раньше переброшено в провинцию Сычуан. Из оставшихся частей в Учане были артиллеристы и инженерные войска. Они дорого бы продали свою жизнь, если бы не разбежалось их начальство. Итак, «само небо помогало Китаю».

Цель нашей революции, конечно, не ограничилась взятием одного только Учана. Товарищи начали проявлять активность по всей стране. Очень быстро мы овладели пятнадцатью провинциями. Быстрее всех в наши руки перешел Шанхай, там действовал Чень-Ин-Шин. Дело обстояло так: сразу после падения Ханькоу Чень-Ин-Шин захватил Шанхай, а за ним и Нанкин. Таким образом овладение Учаном, Ханькоу и Ханьяном давало нам ключи от всего срединного Китая. Чень-Ин-Шин в Шанхае тоже обрастал силами.

В то время как в Учане происходило восстание, я прибыл в Колумбию. За десять дней до своего прибытия туда я получил телеграмму от Хуан-Кэ-Цяна из Гонконга, но так как шифр находился в багаже, то я не смог разобрать ее и прочел, только прибыв в один из городов штата Колумбии. Телеграмма гласила, что Цзюй-Чжен прибыл в Гонконг и доносит, что необходимы денежные средства для выступления свежее мобилизованных солдат. Находясь в Колумбии, я не имел, конечно, средств и не мог их достать и предполагал дать телеграмму об отсрочке выступления. Но наступила ночь, и я, утомленный с дороги, отложил это дело до утра, чтобы со свежей головой снова поразмыслить над этим вопросом. Проснувшись на следующий день в одиннадцать часов и, почувствовав голод, отправился в столовую позавтракать. По дороге я купил газету и, придя в столовую, развернул ее; сразу же мне бросилась в глаза телеграмма о взятии Учана революционными войсками. Я вслед за этим отправил подробную телеграмму Хуан-Кэ-Цяну, в которой объяснил причину своего молчания.

В двадцать дней я мог бы прибыть в Шанхай и принять личное участие в революционной борьбе, но для нас важнее всего был теперь фронт наших внешних сношений по сравнению с фронтом военных действий. Поэтому я решил отдать свои силы дипломатическому делу и только после улажения этого дела вернуться на родину.

Положение дел в то время было таково: Америка провозгласила в отношении Китая принцип открытых дверей и сохранение его суверенитета, но в отношении революции у Америки не было сложившихся взглядов, хотя американское общественное мнение и встало на нашу сторону. Со стороны французского правительства и французского народа наша революция встретила сочувствие. В Англии общественное мнение выражало свое сочувствие революции, но правительство было настроено против нее.

Германия и Россия в то время были явно за поддержку Дайцинской династии, и кроме того, сношения наших революционеров с их народами были незначительны, и мы не имели никакой возможности воздействовать на их политику. Значит, оставалась одна только Япония, которая была нам очень близка, и ее лучшие сыны не только выражали свое сочувствие нам, но и жертвовали своей жизнью для дела революции. Политика же японского правительства была не вполне ясна в этом вопросе, а судя по прошедшему, можно было предполагать, что оно относилось отрицательно к нашей революции. Так, однажды оно выслало меня из своих пределов и в другой раз не позволило высадиться на берег Японии.

Начиная с 1900 года державы не имели права действовать самостоятельно в Китае. Держав, имевших в то время весьма близкое отношение к делам Китая, было шесть. Из них Франция и Америка стали на сторону революции, Германия и Россия высту-

пили как противники революции, а Англия еще не определила своей политики, хотя ее народ также выражал свое сочувствие революции. Японское правительство было против революции, японский народ сочувствовал нашей революции.

Таким образом международное положение было вопросом жизни или смерти китайской революции. В нем важнее всего в настоящее время была для нас позиция Англии, ибо мы предполагали, что если Англия станет на нашу сторону, то и Япония не замедлит последовать ее примеру.

Поэтому я решил отправиться в Англию. Проезжая Сан-Луи я прочел газетное сообщение, гласящее, что в Учане по приказу Сунь-Ят-Сена вспыхнула революция, и что в проектируемом создании республики президентом намечается Сунь-Ят-Сен. После этого мне пришлось скрываться от газетных корреспондентов, так как оказалось, что слухи опередили действительность.

В сопровождении тов. Чжу-Чжо-Веня я продолжал свой дальний путь в Англию. По прибытии в Нью-Йорк я получил известие о том, что товарищи ведут наступление на Кантон, и я телеграфно предложил губернатору Чжан-Ни-Ци, во избежание кровопролития, сдать город и приказал товарищам даровать им всем жизнь, что впоследствии и было осуществлено.

По прибытии в Англию я через своего товарища, англичанина, вступил в переговоры с банковским консорциумом четырех государств о прекращении всех займов для манчжурского императорского дома. Дело в том, что ранее консорциум дал заем под Чуаньханскую железную дорогу 100 миллионов и затем денежный заем также в 100 миллионов. По одному из этих займов деньги уже были частью выданы, а по другому хотя он был уже подписан, но облигации еще не были выпущены. Мое намерение было повести дело так, чтобы по проведенному займу прекратили выдачу сумм, а по другому займу совсем прекратили выпуск облигаций. Я знал, что решение этого дела зависит от министра иностранных дел, и поэтому я поручил директору вейхайвейского арсенала войти в переговоры с английским правительством по трем вопросам, на разрешении которых я настаивал: первое — уничтожить все займы Дайцинской династии, второе — воспрепятствовать Японии помогать династии и, наконец, третье — это уничтожить все приказы о недопущении меня на английскую территорию, для более удобного моего возвращения в Китай. Получив благоприятное разрешение этих вопросов со стороны английского правительства, я тогда обратился к банковскому консорциуму для получения займа революционному правительству и получил следующий ответ со стороны управляющего делами консорциума: «После того как правительством приостановлены займы для династии, наш консорциум даст эти займы только твердо установившемуся правительству, официально признанному. Теперь же консорциум предполагает послать представителя вместе с вами при вашем возвращении на родину, и когда официально признанное правительство состоится, тогда можно будет присту-

пить к переговорам». Это было все, что я мог сделать во время своего пребывания в Англии. Затем я возвратился домой через Францию и при проезде через Париж имел свидания с представителями ее оппозиционных партий и от всех получил выражение сочувствия, особенно от премьера Клемансо.

Через тридцать дней по отбытии из Франции я прибыл в Шанхай. В это время происходила мирная конференция Севера и Юга, но государственная структура будущей республики еще не определилась.

Еще до моего приезда в Шанхай все иностранные и китайские газеты широко сообщали, что я возвращаюсь домой с большим запасом денег для помощи революции. Когда я прибыл в Шанхай, товарищи так же, как и репортеры газет иностранных и китайских, надеялись на это, но я ответил, что не привез с собой ни копейки денег, но привез с собой революционный дух, и что пока не достигнута цель революции, не может быть места никаким мирным конференциям.

Вскоре после этого депутаты от всех провинций Китая, собравшись в городе Нанкине, избрали меня временным президентом Китая. В 1912 году я вступил на свой пост и приказал провозгласить Китайскую республику, изменить лунный календарь и этот год стал считаться первым годом Китайской республики.

Так, тридцать лет прошли как один день, и только по их прошествии я завершил главную цель, цель своей жизни, — создание Китайской республики.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Сань-Минь-Чжу (три принципа) ¹⁾.

Товарищи! Сегодня, в день открытия заседаний бюро, у меня чевольно возникает вопрос: что представляет собой наша организация? Вот ее краткая история и принципы, которыми она руководствуется.

Эта партия образовалась вслед за свержением династии Цин (манчжуров) и установлением республиканского образа правления. Она должна играть огромную роль в будущем нашей страны. С момента роспуска этой партии Китай постоянно находился в состоянии беспорядка. Понятно, конечно, что причиной беспорядков и страданий китайского народа и был роспуск нашей партии. В течение многих лет мы боролись и боремся против изменников народа, еще и до сих пор обитающих в северных провинциях Китая, где влияние нашей партии весьма незначительно; все же рано или поздно северяне примкнут к нам. На юге Китая, в сфере влияния партии находится лишь одна провинция Гуандун.

Наша партия революционная. На втором году после установления республиканского строя многие ее члены уехали за границу, где повели усиленную работу, целью которой является развитие революционного движения в Китае. Отсюда и самое название партии. В момент своей работы в Токио эта партия была известна как «Национальная Лига»; различие названий, конечно, не меняет характера и сущности преследуемых ею целей. Нашей республике уже 10 лет, но мы все же не можем смотреть на нее, как на вполне совершенный тип, и считать, что задача наша уже выполнена. Наша работа еще не закончена, мы должны еще продолжать борьбу. Наша партия в корне отличается от всех других партий Китая. Так, была партия, стремившаяся к свержению династии Цин и восстановлению другой династии — Мин. Конечно, принципы этой партии противоречили нашим. Когда мы в последние годы династии Цин вынуждены были обосно-

¹⁾ Речь Сунь-Ят-Сена, произнесенная им 6-го марта 1921 г. на заседании партии гоминдан в г. Кантоне.

ваться в Токио мы проводили в жизнь, следующие основные принципы нашей партии: национализм, демократия и социализм.

В то время власть в Китае все еще была в руках манчжур, и революция прошла только первую свою ступень — национализм, пренебрегши двумя остальными принципами. «Конституция пяти видов» имеет огромное значение для нашей страны в смысле установления твердого и справедливого государственного строя; но перед свержением династии Цин многие думали, что свержение этой династии является конечной целью нашей партии, и что после ее свержения Китай пойдет по пути всенародного расцвета и преуспевания. Но так ли это? В данном случае ясно: причина происшедшего в том, что наши товарищи пренебрегли — во имя национализма — двумя другими принципами — демократией и социализмом. Это снова доказывает, что наша работа свержением династии Цин не закончилась. Мы должны твердо помнить и знать, что пока не проведены в жизнь все три принципа (хотя бы первый из них уже и был проведен), не может быть прочных условий существования. Более того: фактически наш национализм осуществлен еще не в полной мере. Принципы президента Линкольна вполне совпадают с нашими. Он сказал: «Правительство народа, избранное народом и для народа». Эти принципы как для европейцев, так и для американцев служили максимумом достижения. Слова, имеющие тот же смысл можно найти в Китае; я их перевел: «национализм, демократия и социализм». Конечно, могут быть и другие толкования. Богатство и могущество Северо-Американских Штатов — яркий пример того, к чему привели учения великих людей этой страны. Я рад отметить, что и мои принципы разделяются наиболее крупными политическими умами за границей и не противоречат всем мировым демократическим течениям. Теперь я буду говорить о национализме.

1) Национализм.

Что мы вкладываем в понятие «национализм»? С водворением в Китае манчжурской династии народ находился под невероятным гнетом на протяжении более двухсот лет. Теперь эта династия свергнута и народ, как будто, должен наслаждаться полной свободой. Но разве китайский народ наслаждается всеми благами свободы? В чем же причина? А в том, что наша партия еще далеко не выполнила своей задачи, что она осуществила только отрицательную часть работы, ничего не сделав в ее положительной части. С момента прекращения великой европейской войны мировое положение резко изменилось; взгляды всего мира сейчас устремлены на Дальний Восток, в особенности на Китай. Строго говоря, среди всех стран Дальнего Востока только Сиама и Япония являются вполне независимыми странами. Китай, огромный территориально и населением в десятки раз превосходящий независимые страны, фактически является полунезависимым. В чем же дело? После свержения монархии и установления республикан-

ского строя на территории, населенной 5-ю национальностями (китайцами, манчжурами, монголами, татарами и тибетцами), появилось огромное количество реакционных и религиозных элементов. Сущность ошибки и лежит здесь. В численном отношении эти национальности распределяются следующим образом: тибетцев — несколько миллионов, монголов — меньше миллиона, татар — до 10 миллионов и манчжур — самое незначительное количество. В политическом же отношении распределение таково: Манчжурия находится в сфере японского влияния, Монголия, по недавним сообщениям, — под влиянием России, Тибет — добыча Англии. Эти расы не имеют сил для самозащиты, но они смогли бы объединиться с китайцами, чтобы образовать единое государство. Китайцев насчитывается до 400 миллионов; если они не смогут организовать единую нацию, единое государство, то это их позор, а кроме того, и доказательство, что даже проведение первого принципа фактически нами не закончено, что мы должны долго бороться, чтобы полностью осуществить свои задачи. Мы учредим единую Китайскую республику для того, чтобы все нации: манчжуры, монголы, тибетцы и татары с китайцами образовали единую сильную нацию. Как пример сказанных мною слов, можно привести народ Северо-Американских Соединенных Штатов, образующий одно великое и грозное целое, но фактически состоящий из целого ряда отдельных народностей: немцев, голландцев, англичан, французов и т. д. Соединенные Штаты являются примером единой нации. Такой национализм возможен, и ему мы должны следовать.

Название «республика пяти национальностей» — имеет место только потому, что существует какое-то расовое различие, искажающее смысл единой республики. Мы должны содействовать отмиранию всяких названий населяющих Китай отдельных народностей, как, например, манчжуров, тибетцев, и т. д. В этом отношении мы должны последовать примеру Северо-Американских Соединенных Штатов, т.-е. удовлетворить нужды и требования всех племен, объединить их в одно культурное и политическое целое, — образовать единую нацию с таким, примерно названием: «Чунхуа» (Китай — в широком смысле слова). Организуйте нацию, государство. Берите другой пример нации смешанных племен — Швейцарию. Она расположена в середине Европы; с одной стороны она граничит с Францией, другой же примыкает к Германии, а третьей к Италии. Не все части (составляющие это государство) имеют общий язык, но они образуют одну нацию. И только разумная культурная и политическая жизнь Швейцарии делает ее разноплеменный народ единым и крепким. Все это следствие того, что граждане этой республики пользуются правом равного и прямого избирательного права. Смотря на эту страну с точки зрения международной политики, мы видим, что она первая установила для всех населяющих ее граждан прямое и равное избирательное право. Это и является примером «национализма». Но предположим, что задача по объединению всех племен, населяющих Китай, закончена, образована одна нация «Чунхуа»; все же цель.

не достигнута. Имеется и еще много народностей, страдающих от несправедливого к ним отношения; китайский народ должен взять на себя миссию по освобождению этих людей от гнета в смысле непосредственной помощи им или объединить их под знаменем единой китайской нации, тем самым давая им возможность наслаждаться чувством равенства человека перед человеком и международного справедливого отношения, т.-е. тем, что было выражено в декларации американского президента Вильсона под понятием «самоопределение наций». До момента достижения этого политического пункта наша работа не может считаться законченной. Следовательно, всякий, кто хочет присоединиться к Китаю, должен считаться китайцем. Это понятие и есть национализм, но национализм «положительный», на который мы и должны обратить сугубое внимание.

2) Демократия.

Я уже сказал, что в Швейцарии демократия достигла высшего своего развития; но вместе с тем система представительства не является там действительной формой демократии, и только прямое право граждан отвечает вполне всем этим требованиям. Хотя во Франции, Америке и Англии произошли в свое время революционные перевороты, закончившиеся установлением господствующей там сейчас системы представительства, но и эта система не является прямым и равным правом для всех граждан, т.-е. тем правом, за которое мы боремся сейчас. Самым существенным для прямого и равного права является: избирательное право для всех граждан; правом отзыва, — чиновники, избранные народом, могут быть им же смещены со своей работы; право референдума: если законодательный орган выносит закон, который противоречит желаниям граждан, то граждане могут не принять этого закона; право инициативы: граждане могут предлагать проекты законов для проведения и утверждения их в законодательном порядке.

Эти четыре основных параграфа и образуют основу так называемого «прямого избирательного права».

3) Социализм.

Теория социализма стала известна в Китае сравнительно недавно; главные ее проповедники, обыкновенно, ограничивают свое знание этого течения несколькими пустыми словами, не имея при этом никакой определенной программы. Долгим изучением я составил себе конкретное представление об этом вопросе. Вся сущность социализма сводится к разрешению проблемы о земле и капитале.

Общая, основная мысль «трех принципов» была изложена выше; видя, что стремления всего мира, в том числе и китайского народа, направлены к этой цели, и я должен заявить, что наша партия должна немедленно взяться за проведение изложенных принципов в жизнь.

Суммируя все предыдущее, я, кроме того, должен сделать еще кое-какие добавления.

1) Национализм. С момента свержения династии Цин, мы осуществили только одну часть своих задач: мы выполнили только наш пассивный долг, но ничего не сделали в области положительной работы. Мы должны поднять престиж китайского народа, и объединить все народы, населяющие Китай, с тем, чтобы он образовал единый китайский народ в восточной Азии, так называемое китайское национальное государство.

2) Демократия. Для реализации этой идеи необходимо прежде всего осуществить все четыре пункта прямого избирательного права: избирательное право, право референдума, право инициативы и право отзыва.

3) Социализм. Здесь я имею свой план.

Первой задачей моего плана является осуществление «пропорционального разделения земли». Во время моего пребывания в Нанкине ¹⁾ я пробовал осуществить это свое предположение, но мое желание не было выполнено, так как меня тогда не поняли. Социальные вопросы берут свое начало от неравенства между богатыми и бедными. Что же понимается под неравенством? В древние времена, хотя и было различие между богатыми и бедными, но не настолько резкое, как это наблюдается теперь. Теперь богатые владеют всей землей, бедные же не имеют и кусочка земли. Причиной этого неравенства служит разница в производительной силе. Например, в древние времена лесные рабочие пользовались для своей работы топорами, ножами и т. д., теперь же широко развита индустрия, машины заменяют человеческий труд, и результатом является получение гораздо большего количества фабрикатов, при значительно меньшей затрате человеческой энергии. Возьмите другой пример — из области культуры земли. В древние времена в этой области употреблялся исключительно человеческий труд; с введением же труда лошади и быка процесс обработки значительно ускорился, значительно сократив личные усилия. В Европе и Америке введена электрическая энергия для обработки земли, что дает возможность обрабатывать наилучшим способом более тысячи акров в день, и таким образом труд лошадей и быков исключен. Это действительно поразительная разница, представляющаяся в отношении единицы к тысяче. Если же взять пути сообщения, то мы видим, что с введением пароходов и железных дорог сообщение ускорилось более, чем в тысячу раз по сравнению с человеческой силой. Те, кто обсуждают вопрос о братстве народов в Америке и Европе, имеют в виду исключительно две проблемы — труд и капитал; но условия европейского быта сильно разнятся от условий нашей страны. Дело в том, что в Европе и Америке все несчастья происходят от чрезвычайно неправильного распределения продуктов, в то время как в Китае наблюдается общая бедность, ибо в Китае нет крупных капиталистов. Но это, ко-

¹⁾ В бытность Сунь-Ят-Сена временным президентом Китайской республики. Ред.

нечно, не является поводом к тому, что не следует вести пропаганду социализма; рассуждать так — громадная ошибка. Если мы видим ошибки в Европе и Америке, мы обязаны их исправить: непропорциональность в распределении продуктов как в Америке, так и в Европе — для нас плохой пример. Поэтому я агитирую за социализм, — за социализацию земли и капитала.

Сначала будем говорить относительно социализации земли. Земельные системы Европы и Америки очень различны. В Англии еще и по сию пору сохранилась феодальная система землепользования, в то время как в Соединенных Штатах вся земля частновладельческая. Моя же социальная теория поддерживает пропорционализацию земли, как средство предохранения против возможных бед в будущем. Это последнее мы уже наблюдаем и сейчас. Взгляните на то, что происходит в пределах нашего поля зрения. С момента преобразования кантонского муниципалитета пути сообщения начали улучшаться, и, как следствие этого, цена на землю вдоль набережной и в других наиболее населенных местах стала повышаться с каждым днем, при чем некоторые участки продавались за десятки тысяч долларов за один му (китайский акр). И все это принадлежит частным лицам, живущим трудом других.

Старо-китайская земельная система отчасти соответствует пропорционализации земли. В случае пропорционализации земли должны быть соблюдены следующие два условия: уплата налога согласно цене земли и выкуп согласно цене. В Китае и по сие время сохранилась так называемая трехстепенная система взимания земельного налога, но благодаря слабому развитию путей сообщения и промышленности цена на землю не была так высока, как теперь, при хорошо развитых путях сообщения и прогрессирующем развитии промышленности, влекущих за собой при сохранении старой системы — чрезвычайно неравномерно вздорожание земли. Возьмем налоги. Имеются, например, земли, стоящие 2000 долл. за му, и есть земли, стоящие до 20000 долл. за му, при чем между этими крайними точками колебания цен должна быть целая сеть земельных участков самых разнообразных цен. Если же все время взимать налоги по этой старой системе, то и взимающий налоги, и плательщик налога будут поставлены в такое положение, что недобросовестные владельцы земли и нечестные чиновники будут только наживаться на этом деле.

Поэтому, если мы желаем уничтожить это зло и ввести пропорционализацию уплаты налога, мы должны принять следующий налоговый метод: взимать 1% с цены земельного участка. Например, если данный земельный участок стоит 2000 долл., то за него владелец участка уплачивает 20 долл. Дальнейшее взимание налога будет вестись также согласно повышению цены на земельный участок. Процесс выкупа земельных участков, согласно ценам самих участков, должен начаться с определенно установленной цены. В Англии, когда-то, учреждались специальные бюро по взиманию земельного налога и выкупа земли, кото-

рые устанавливали определенную плату; эти методы не пригодны для введения в Китае. По моему мнению, гораздо выгоднее и вернее будет предоставить самому землевладельцу определить и установить цену и налог, сообщая об этом правительственному органу, ведающему этими делами. Но возникает вопрос: не будет ли землевладелец сообщать стоимость своего участка в меньшем размере и уплачивать, таким образом, меньший налог? Но если мы примем систему выкупа земельных участков согласно их стоимости, всякие незаконные действия должны будут исчезнуть сами по себе. Например, имеется участок земли в один му, стоящий 1000 долларов, за который владелец должен вносить в налоговую кассу 10 долларов ежегодно; но он может заявить, что стоимость его участка равна только 100 долларам, и, таким образом, будет уплачивать только один доллар, применение же выкупа, при котором правительство может выкупить его земельный участок согласно его прежней стоимости, заставит владельца указывать точную цену, так как в противном случае он рискует остаться без участка. В случае применения этих двух методов факт пропорционализации земли сам по себе осуществляется; другие же процессы пока следует оставить в стороне.

Итак, земельный вопрос нами уже разобран; остается вопрос: как разрешить проблему капитала?

В прошлом году я выпустил в свет книгу под названием «Международное развитие Китая» ¹⁾, в которой обсуждал вопрос об использовании иностранного капитала, в целях развития китайской индустрии и торговли. Посмотрите на Пекин-Ханькоускую и Пекин-Мукденскую железные дороги, а также и на Тянь-Цзинь-Пукоускую дорогу, построенные иностранным капиталом и дающие огромную прибыль. В настоящее время общее протяжение железных дорог в Китае равняется 5000—6000 миль, а доход их от 70 до 80 миллионов, — сумма, превышающая даже земельный налог. Если же общее протяжение железных дорог будет увеличено до 50 или 60 тысяч миль, то повысится значительно и сумма дохода. Мое мнение относительно применения иностранного капитала в нашей промышленности таково: все области нашей промышленности, например, горные и другие копи, представляющие собой, при соответственно приличной администрации, безубыточные предприятия, ждут иностранного капитала. Когда говорят о займе, то под этим разумеется получение различных машин и других необходимых приборов для применения в нашей промышленности. Например, после постройки Пекин-Ханькоуской железной дороги, которая давала огромные доходы, иностранцы дали бы нам возможность выкупить ее, при чем и прибыль приобреталась бы нами. Она была настолько значительна, что можно было бы провести Пекин-Калганскую ж. д., которая доходит теперь до Суньянга. Короче говоря, можно стать

¹⁾ В русском переводе эта книга вышла под названием «Капиталистическое развитие Китая». Госиздат. М. 1925. Ред.

должниками иностранного капитала, но все зависит от того, как мы будем его использовать,—в производительном смысле, или нет.

Имеются и еще вопросы, о которых я должен говорить. Английские и американские дипломаты, безусловно, народ изворотливый, но все же в этих странах призрак социальной революции тоже чрезвычайно силен. Почему? Потому, что принципы социализма в этих странах не были вполне проведены в жизнь.

Мы должны признать, что степень жертвенности в социальной революции будет значительно больше, чем в политической. С момента революции 1911 года и свержения династии манчжуров принцип «национализма» был осуществлен только частично, при чем ни теория демократии, ни теория социализма не оставили никаких следов. Но мы должны приложить все свои усилия не только к тому, чтобы реализовать наши первоначальные партийные принципы, но также согласно современным мировым идеям, по возможности, развивать принципы демократии, являющиеся старыми принципами нашей партии. Хотя это с политической стороны развито и в Англии, и в Америке, политическая власть там все же остается в руках не народа в целом, а политической партии. Я помню, что по моем возвращении в Гуандун известная гонконгская газета сообщила, что наше возвращение в Гуандун означает, что Гуандун управляется не жителями этой провинции, но «партией». В этих словах скрыт какой-то смысл. Во всяком случае, мне приятно слышать подтверждение, что она управляется «партией», так как таковой же случай имел место как в Англии, так и в Америке. Если нам удастся осуществить наши партийные цели, это будет безусловно огромным достижением для гуандунцев. Мы должны энергично взяться за организацию, за выявление наших принципов, мы должны пропагандировать их. Если мы хотим разбудить других, то прежде всего мы сами должны быть пробужденными.

Теперь в Кантоне имеется бюро китайской партии гоминдан, в котором и будет сосредоточена ее пропаганда. В этом отношении не будет никаких ограничений. Мы скоро увидим, что Гуандунская провинция будет не только почвой, на которой наши принципы будут воплощены в действительность, но и местом рождения идей демократии с ее практическим воплощением. Отсюда же эти принципы и их осуществление пойдут по всему Китаю. Население побережья рек Янцзы и Желтой последуют нашему примеру. Наша быстрота действий объясняется тем, что народ, живущий фактически в им же установленной республике уже более 10 лет, совершенно не понимает, что значит это слово: разъяснение значения республики должно служить нашей задачей.

В течение великой европейской войны президент Вильсон выдвинул лозунг: «самоопределение наций». Это отвечает принципу «национализма» нашей партии. После мирной конференции в Версале образовался целый ряд мелких, но независимых республик, живущих под каким-либо объединяющим знаменем. Это

должно ясно показать нам главное течение в современной жизни народов. Теперь наступает момент для проведения в жизнь наших великих идей: национализма, демократии и социализма. Только при осуществлении всех этих принципов наш народ может спокойно жить и развиваться. Но проведение и осуществление этих принципов самым тесным образом связано с выявлением ваших сил и степенью энергичности вашей пропаганды.

Мы теперь имеем благоприятный случай для пропаганды наших идей, — вся Гуандунская провинция с ее 30-миллионным населением находится в наших руках; мы должны немедленно взяться за дело подробного объяснения всем гражданам сущности программы нашей партии ¹⁾.

¹⁾ Поскольку Сунь-Ят-Сен не стоит целиком на почве признания классовой борьбы, постольку вся его система по существу является мелкобуржуазной идеологией, сложившейся у Сунь-Ят-Сена под влиянием европейских идей, с некоторым уклоном в сторону американского трактования идей демократии.

Кладя в основу общеизвестную систему гражданских прав, Сунь-Ят-Сен в этой части своей системы «Сань-минь-чжу», по существу, ничего нового и оригинального не дает. Ново здесь только то, что идеи европейского демократизма переносятся на китайскую почву, где им приходится бороться с Китаизмом.

Значительно более разработан у Сунь-Ят-Сена первый принцип — национализм, который хотя и заимствует идею американского государственного устройства, вместе с тем является наиболее оригинальной частью всей системы Сунь-Ят-Сена. Поскольку Сунь-Ят-Сен выступает с мыслями об образовании единого китайского государства, постольку к нему и к партии гоминдан не без основания была приклеена кличка китайских националистов. Партия гоминдан не протестовала против этого, хотя сам Сунь-Ят-Сен в своем толковании национализма учитывает интересы других национальностей бывшей Китайской империи (манчжур, монголов, тибетцев и татар), и в его ссылках на примеры Америки и Швейцарии, несомненно, есть желание найти пути к разрешению национального вопроса.

Наконец, в отношении социализма Сунь-Ят-Сен дает не лишенную интереса аграрную программу, сущность которой сводится к пропорциональному разделу земель (так наз. пропорционализация), которая, с одной стороны, напоминает идеи русских социалистов-революционеров о социализации земли, с другой — идеи Генри Джорджа об едином налоге. Сунь-Ят-Сен выдвигает систему налога и права выкупа земель по ценам, установленным для налогового обложения.

Несомненно, аграрный вопрос является одним из важнейших вопросов китайской революции, ибо вовлечение китайского крестьянства в революционное движение — одна из актуальнейших задач, от разрешения которой будет зависеть будущее социальной революции в Китае.

Но, конечно, это только одна из сторон проблемы социализма. Другая, — касающаяся борьбы труда и капитала, как мы выше отмечали, не получила у Сунь-Ят-Сена четкого выражения. Правда, он выдвинул очень оригинальный план индустриализации Китая, который при своем развертывании объективно должен был содействовать не только капиталистическому развитию Китая, но и росту рабочего движения в последнем, что, в свою очередь, должно было внести ряд существенных поправок во всю систему Сунь-Ят-Сена, что, впрочем, сейчас уже отчасти делается, ибо рабочее движение в Китае стало реальным фактом. Редакция.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

«Конституция пяти видов».

(Речь Сунь-Ят-Сена.)

Товарищи!

Темой моей настоящей речи будет «конституция пяти видов», которая является плодом исключительно моей работы и до сего времени не была известна. Вы знаете, что весь мир стремится к установлению конституционного строя; термин этот должен быть известен многим представителям китайского народа, который в течение последних десяти или двадцати лет живет усиленной общественной жизнью. Но что такое конституция? Конституционным строем называется строй, при котором вся политическая власть разделена на несколько составных частей, в своей работе совершенно независимых одна от другой. Конституции других стран делятся только на три составных части, но не на пять. Конституция из пяти составных частей явилась плодом только моей работы. С момента ее появления немногие понимают ее сущность. Попытаюсь это объяснить.

Десять лет тому назад я говорил на эту тему, при чем слушатели, повидимому, очень невнимательно отнеслись к этой теме. Во всех других странах существует, так называемая, трехстепенная конституция, и поэтому им было чрезвычайно странно слышать о новой ее форме, почему они и решили, что это исключительно плод моей фантазии. Но я основывал идею своей работы на весьма твердом фундаменте. Я изучал историю революций более тридцати лет. После неудачного революционного выступления в Гуандуне я направился за границу, где серьезно принялся за изучение вопроса о причинах неуспеха и неудачи крупных политических движений в разных странах, с целью создания фундамента для будущего государственного строя в Китае.

Мне удалось подробно и серьезно изучить все эти вопросы. После успешного завершения переворота в Северо-Американских Соединенных Штатах американцы, добившись полной независимости от Великобритании, положили в основание своего государственного строя трехстепенную конституцию, пункты и статьи

которой отличаются точностью и ясностью. Эта конституция называется в политическом мире «формулированной конституцией». Многие страны последовали примеру Северо-Американских Соединенных Штатов и положили эту конституцию в основу законов своей страны. Я изучил американскую конституцию, которая с момента ее появления на свет была признана образцовой не только самим американским народом, но даже и английскими государственными деятелями, которые видели в ней превосходство над всеми остальными формами конституций разных государств. Я весьма осторожно и серьезно отнесся к изучению этой конституции, чтобы добиться ответа, совершенна она, или нет. Результатом моей работы явилась уверенность, что она имеет много недостатков. К тому же мнение некоторых европейских и американских ученых об американской конституции во многом сходится с моим. В настоящее время очень многими чувствуется несовершенство американской конституции. Это потому, что все то, что было хорошо и правильно 100 или 200 лет тому назад, безусловно, не годится теперь. С этой точки зрения, а также благодаря усиленному изучению этого вопроса, я решил уничтожить эти недостатки. Американские студенты политических наук держались того же мнения. Безусловно, усовершенствование конституции не является легким делом. Как же нужно это сделать? В нашем распоряжении не имеется ни нужных книг, ни материалов.

Я помню, один американский профессор написал книгу: «Свобода», в которой развивает мысль, что трехстепенная конституция не соответствует духу времени, и поэтому советует ввести в нее четвертую составную часть — «власть наказания» членов парламента, которая должна быть в своих действиях абсолютно независима. Он думает, что если этим правом будет обладать парламента, то хитрые члены парламента будут злоупотреблять этим правом и ставить правительство всегда в весьма затруднительное положение. Но и его мнение еще не совсем точно. В Америке имеется довольно много людей, чувствующих несовершенство своей конституции и ищущих метода для ее исправления. Вышеуказанный метод является тоже несовершенным. Почему? Потому, что в Соединенных Штатах все общественные работники выбираются народом, но, ввиду наличия многих затруднений в народных выборах, а также и крупных недостатков этих выборов, применяется метод ограничения выборов чиновников: право голосовать имеют лица, обладающие известными привилегиями. Такой привилегией является обладание известным имущественным цензом, при наличии которого его владелец имеет право голоса. Безусловно, такая форма ограничения при выборах в настоящее время является противоречием духу равенства и рождает огромный рост взяточничества. Кроме того, при такой системе мы не знаем, кто должен быть избран. Безусловно, избираемые должны обладать известными качествами, при чем правом голоса пользуются все граждане республики; такая система называется

«всеобщим голосованием». Во всех странах мы наблюдаем теперь борьбу за ее установление. Это очень хороший метод, но кто же должен быть избран?

Дело не так уж просто: имеешь имущество, — значит, голодуешь и можешь быть избранным. Я думаю, что каждый работник на общественной службе и каждый работник законодательных учреждений должен иметь известные знания и способность к работе. Если же он не имеет ни знаний, ни способностей к работе, а только имущество, то это противоречит требованиям времени. Предположим, что мы имеем 50 человек, обладающих нужными знаниями и способностями. Выберем нужных из них. Но кто же может сказать, что они являются нужными для работы людьми? Прежде в Китае существовал метод проверки знаний работников государственной службы. Но старый китайский метод не был полезен во времена династий, потому что император в те времена занимался лишь прискакиванием нужных лиц для управления страной. Этот же метод является чрезвычайно полезным и необходимым республике, так как народ не имеет возможности собираться для управления делами страны. Экзаменационный отдел и является той пятой составной частью, о которой я говорил. Все это явилось результатом моих продолжительных и больших трудов; я уверен, что практика покажет полную пригодность этой системы.

«Союзная лига» еще в Токио приняла положение «трех принципов» и «конституции пяти видов», как свою программу. Мы в свое время решили, что после успешного завершения революционного переворота конституция должна быть применена на практике. Мы не предполагали, что после свержения манчжурской династии кто-нибудь воспользуется сложившимися обстоятельствами. Все думали, что самый факт свержения манчжурской династии является доказательством того, что все будет устроено так, как того хочет народ. Результат — существование так называемого «республиканского строя» в Китае, который не только не провел в жизнь принципов, к которым стремятся лучшие люди Китая, но, в общем, даже ухудшил положение. Причина этого вам должна быть понятна и без моих объяснений. Мы должны немедленно приложить все свои усилия к проведению «конституции пяти видов», которая заложит основание крепкому и здоровому государственному строю. Мы должны иметь хорошую конституцию, и тогда мы сумеем устроить настоящую республику. С момента появления «конституции пяти видов» никто не может вникнуть в ее сущность настолько, чтобы хорошо понять ее и согласиться с ней. Я помню, лет 20 тому назад был один китайский студент, кончивший китайский юридический факультет. Он желал дополнить свои знания в этой области и изучить свой предмет глубже, для чего и отправился в знаменитый американский университет. Я встретил его в Нью-Йорке и спросил, какими предметами он особенно занялся. Он ответил, что предметом специального изучения взял вопрос о конституциях. На это я ему

сказал относительно своего проекта о «конституции пяти видов» и беседовал с ним по этому вопросу около двух недель; наконец, он заявил, что пятистепенная конституция значительно лучше других. Я попросил его изучить этот вопрос серьезно в университете. Впоследствии он закончил университет и получил докторскую степень. Таким образом его знания должны быть чрезвычайно широки. После окончания университета он отправился в Англию, Францию и Германию для изучения конституций на практике. После первого успешного революционного переворота он возвратился в Китай; тогда согласился с пятистепенной конституцией. Он заявил, что в других странах он такой конституции не встречал и поэтому полагает, что возможность ее проведения в жизнь чрезвычайно мала. Когда я услышал такое заявление, я понял, что оно ошибочно. Между тем, все наши товарищи тогда верили, что мнение, высказанное этим доктором, было правильно: ни в одной стране нет такой конституции, и поэтому она, будто бы, нехороша и не заслуживает внимания.

Когда я был в Нанкине, моим инструктором по юриспруденции был японский магистр юстиции; я беседовал с ним по очень многим вопросам. После неудачи второго революционного переворота я отправился в Японию и снова встретил его. Он спросил меня, что я называю «конституцией пяти видов». Я объяснил ему это подробно; после того, как мы прожили около трех месяцев вместе, он, наконец, усвоил ее.

Оба доктора, в конце концов, заявили, что теория этой конституции не имеет совершенно ничего общего с конституцией других стран, и поэтому вопрос о ней должен остаться открытым. Видя такое осторожное отношение к ней, я все же был уверен, что с течением времени, через несколько сот лет или даже тысячелетий, эта конституция будет проведена в жизнь.

Мы стремимся сделать Китай сильной и славной страной, но каким образом и как мы можем это осуществить? Я думаю, что должен быть путь не особенно трудный. Этим путем и является проведение «пятистепенной конституции». Прошло уже более двадцати лет с того дня, когда я говорил на тему о «пятистепенной конституции» в день празднования годовщины газеты «Мин-Бао» в Токио; все же число сторонников этой конституции чрезвычайно мало. Нужно приветствовать всякое желание познакомиться с этим вопросом. Но если мы захотим представить картину этой конституции во всех подробностях, две недели для нас будут недостаточны, ибо тема слишком велика.

Подумайте только, почему нам нужна эта конституция. Если мы желаем понять, к чему нам эта конституция, то сперва нам нужно сделать обзор истории политики в течение прошедших нескольких тысячелетий. В политической истории существуют две тенденции: одна тенденция — «свобода» и другая — «порядок». В политической истории, как и в физике, существуют две силы: центробежная и центростремительная. Тенденция центробежной силы — распространение вне, центростремительной — собирание

вокруг центра. Если центробежная сила превзойдет вещество, то последнее распылится, если же превзойдет центростремительная сила, то вещество лишь слегка уменьшится и сожмется. Необходимо, чтобы эти две силы были равны; то же и со «свободой» и «порядком». Если границы «свободы» будут сильно расширены, то появится возможность возникновения анархии; если же порядок будет на первом месте, то будет править абсолютизм. Политические перемены в течение несколько тысячелетий являются результатом столкновения этих двух сил.

История Китая началась династиями Тан и Ю; этот период называется «золотым». История Китая — история движения от свободы к абсолютизму; история же Европы — история движения от абсолютизма к свободе. Наш народ пользовался свободой слишком долго, и она начала ему надоедать: он ее уничтожил; тогда честолюбивые императоры и короли воспользовались случаем для облачения в тогу абсолютизма: начался абсолютизм династий Цин и Тан. Политическая история других стран идет от абсолютизма к свободе: вначале люди переносили страшные страдания, и поэтому в этих странах нашла себе место поговорка: «нет свободы, — лучше смерть». Таким образом мы можем убедиться в ужасном влиянии абсолютизма того времени.

История китайской политической жизни идет от свободы к абсолютизму. Китайский народ древнего времени, самостоятельно культивировавший себе пищу и копавший колодцы для питьевой воды, был совершенно свободен. Вот что сказал философ Лаоцзе: «Страна должна управляться без вмешательства». Это и есть народное представление о свободе. В то время народ пользовался полной свободой, но он не знал ее цены. Эта традиция сохранилась и до сих пор. Предметом постоянного удивления европейцев являлась апатия китайцев к свободе. Характер же европейской истории совершенно иной. Европа с момента падения Римской империи разделилась на множество стран, народы которых были на положении рабов. В течение последних нескольких столетий шли войны за завоевание свободы. Когда я говорил относительно революции, я никогда не смешивал ее с понятием о завоевании свободы; китайский народ думает только о полной политической перемене, но совершенно не связывает с этим понятие о свободе. Китайские императоры требовали только оплаты народом податей и спокойствия. Отсюда ясно, почему Европа критикует китайский народ за полное непонимание термина «свобода». Европейцы не пользуются полной свободой, потому что они борются за завоевание ее. Но китайцы пользуются свободой неисчерпаемой, поэтому они не знают слова «свобода».

Эти два течения политической истории: абсолютизм и свобода являются отличительной чертой между Китаем и Европой. Но в политической истории имеются также два класса людей: те, кто управляют, и те, которыми управляют. Вот что сказал один философ по этому поводу: «Есть люди, занятые гимна-

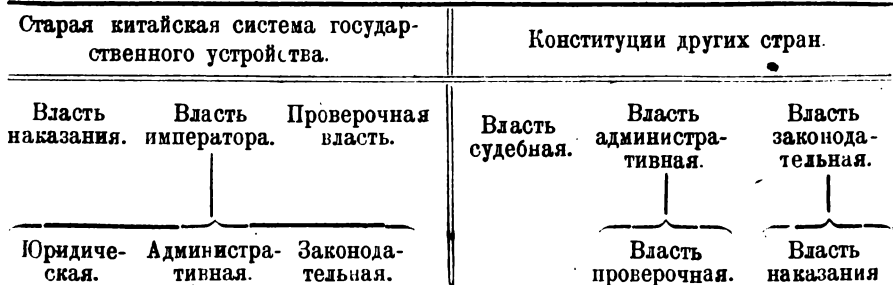
стикой ума, и есть люди, занятые гимнастикой тела; первые будут править, а вторыми будут управлять». Те, кто будут управлять, должны иметь знания, а те, кем будут управлять, не должны иметь знания. Люди древнего периода были подобны детям, думающим только о том, кто их направит. Теперь же народ вырос и понимает, что нужно это различие между управляющими и управляемыми уничтожить. В Европе лишь в течение последних столетий был сброшен монархический строй с его императорами, и народ пользуется сравнительной свободой. Моя же пятистепенная конституция стремится это различие уничтожить, тем самым являясь верным и действительным путем для осуществления принципов демократии.

Теперь поговорим о месте зарождения конституции. Впервые конституция появилась в Англии. Со времени великой английской революции власть императора постепенно падала и, в конце концов, перешла просто в политическую традицию, подобно «разделению трех держав».

Но в действительности англичане не понимают того, что эти «три державы» были разделены; они обладают естественным чувством любви к свободе и поступают так, как им кажется лучше.

Триста лет тому назад был знаменитый французский ученый Монтескье, который написал книгу «Дух законов», развивавшую теорию разделения трех властей и указывавшую, что законодательная, исполнительная и судебная власти должны быть совершенно независимы друг от друга. Но Англия, благодаря сильному развитию своих политических партий, постепенно меняла свою форму: теперь ее правительство — не правительство трех отдельных и независимых друг от друга властей, а единая сила. Современная политическая система в Англии — это полная диктатура парламента, полная власть одной партии, которая управляет страной. Система же управления Северо-Американских Соединенных Штатов базируется на теории разделения трех властей Монтескье и облечена в точные нормы формулированной конституции; сам же Монтескье свою теорию разделения трех властей базировал на политической традиции Англии. Позже реформация в Японии и революции других стран взяли за фундамент своей конституции конституцию Северо-Американских Соединенных Штатов. Английская конституция не формулирована документами, в то время как американская конституция выражена формальным образом и документами. Поэтому английская конституция называется еще «гибкой», в то время как американская «строгой» и «точной».

Англия управляется отдельными лицами, в то время как Северо-Американские Соединенные Штаты — законами, хотя Англия и является страной, где впервые появилась конституция, не формулированная точными словами. Наша же старая китайская система государственного устройства является системой трех властей, как и английская.

Согласно приведенной диаграмме, китайская система государственного управления включает проверочную власть, власть наказания и власть императора, включающую законодательный, судебный и административный отделы. Система проверочных испытаний является весьма полезной в Китае. Она отличалась точностью, отсутствием взяток и личного влияния; позже эта строгость постепенно стала понижаться. Что касается власти наказания, то во главе ее стояли специальные чиновники. В случае, если действия императора были неправильны, то и он подвергался наказанию этой властью, которая настаивала на наказании, включительно до смертной казни. Таким образом эта система заслуживает одобрения.

Есть американский профессор Бургес, который написал книгу: «Свобода и правительство», в которой он говорит, что власть наказания в Китае является наилучшим примером компромисса между свободой и правительством¹⁾. О свободе китайский народ говорил мало; крайность свободы — анархизм. Причиной усиленных рассуждений об анархизме в Европе является его сравнительная там новизна. Первым известным анархистом был французский мыслитель, философ Прудон и затем русский — Бакунин; настоящим же представителем анархизма является русский философ Кропоткин, недавно скончавшийся. Многие занялись усиленным изучением этого течения политической мысли просто потому, что оно было еще совершенно ново. Смешно, когда говорят о китайских студентах, изучающих эту теорию и пропагандирующих ее, стараясь не отставать от моды, не говоря уже о том, понимают ли они эту теорию, или нет. В сущности, теория анархизма известна в Китае еще несколько тысяч лет тому назад, когда многие ею сильно интересовались. Разве теория Хунга и Лао не анархизм? В Китае говорили об анархизме несколько тысяч лет. И только потому, что китайская молодежь не понимает этого, она не понимает, что ее пропаганда в настоящее время совершенно не нужна.

Я уже говорил, что оба политические течения: свобода и абсолютизм должны подойти к компромиссу для того, чтобы

¹⁾ В некоторых случаях «власть наказания» Сунь-Ят-Сеном называется «властью цензуры». Ред.

ни одно из них не доходило до крайности, подобно центробежной и центростремительной силам. Говорить только о центробежной или только о центростремительной силе безусловно неверно. Нужно говорить об обеих. Всякое мнение только одной стороны никогда не преуспееет. Равенство обеих сил и соединение обеих тенденций образует славное будущее всего человечества. Работа конституции подобна работе машины. Я говорю, что правительство есть машина. Тогда мне могут заявить, что такая иллюстрация довольно странна. Но вы должны знать, что имеются машины для обработки разных материалов. Таковы же и машины человеческих дел. Закон — машина человеческих дел. Конституция является огромной машиной, — машиной компромисса между свободой и правительством.

В начале нашей революции мы предлагали положение о «трех принципах», т. е. национализм, демократия и социализм. Это — те же слова, которые были сказаны первым президентом Северо-Американских Соединенных Штатов Линкольном: «правительство народа, избранное народом и для народа». Люди сами должны править, тогда они будут во всем удовлетворены; если же они не могут править сами, тогда они не могут быть удовлетворены. Если же мы желаем свергнуть систему правления тех, кто развил свой ум над теми, кто развит только физически, то пужно иметь в виду, что человеческая воля может справиться даже с небесами. На белом свете существуют и лошади, которая может итти сотни миль в день, и птицы, которые поднимаются почти до самого неба, рыбы, могущие плавать на самом дне моря, — чего человек от природы делать не может. Однако, если мы желаем проходить тысячи верст в день, или летать по воздуху на птичьей высоте, или плавать в воде, — можем ли мы это выполнить? Можем, если имеем машины. Взяв автомобиль, мы можем пробегать расстояние больше чем в тысячу верст в день; употребляя аэроплан, достигаем поднебесной высоты; имея субмарины, можем опускаться до дна моря. Вот что могут сделать человеческая воля и мысль. Некогда были греки, которые были способны проходить сотни верст в день; они, конечно, рождались с такой природной выдержкой и способностью к ходьбе, что случается весьма редко. Но теперь мы имеем машины, при помощи которых мы можем очень легко достигнуть того, что раньше требовало огромного труда.

Перейдем к вопросу о демократии, которая для народа является машиной, чтобы бегать, плавать, летать и делать все, что он захочет. Но что же это за машина? Это машина — конституция.

Конституция пяти степеней (властей).

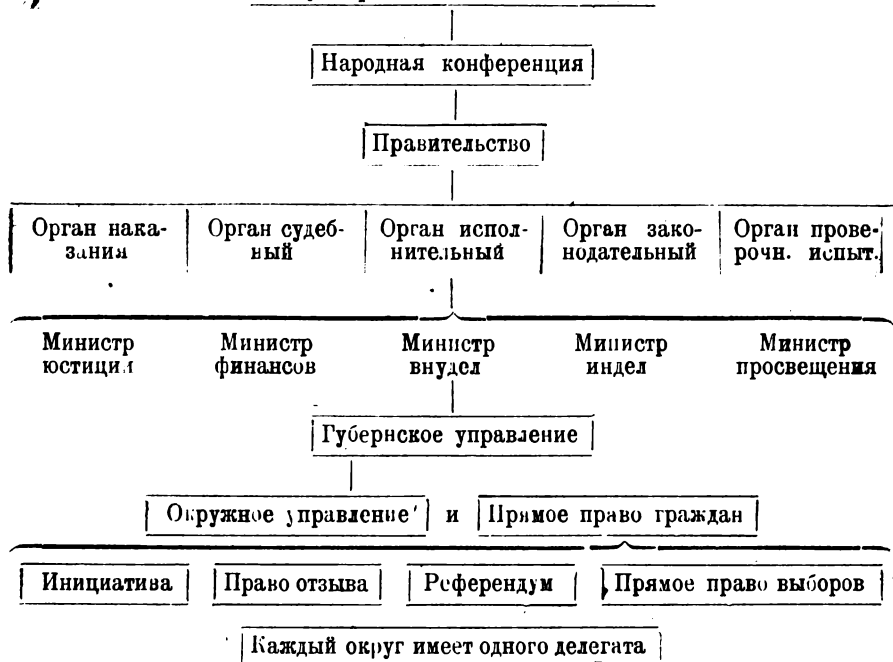
Власть законодательная	Власть судебная	Власть административная или исполнительная	Власть наказания	Власть проверки знаний
------------------------	-----------------	--	------------------	------------------------

Эта пятистепенная конституция (конституция пяти видов) и есть наш автомобиль, наша субмарина и наш аэроплан. Она делится на власти: законодательную, судебную, административную или исполнительную, наказания и проверочных испытаний для государственных работников, совершенно независимые одна от другой. Она лишает власти императора и отнимает у него власти: законодательную, судебную и административную, при чем делает их совершенно независимыми силами. Во главе административного органа стоит президент; во главе законодательного — парламент; во главе судебного — судья. Органы наказания, проверочных испытаний и остальные органы власти должны быть совершенно независимыми друг от друга. В таком случае каждый работник на государственной службе должен сначала пройти известные проверочные испытания. Я помню, когда я приехал в Кантон, ко мне многие обратились с просьбой о предоставлении им должностей в государственном аппарате. Правительство нуждалось в знающих и опытных работниках. Но я никого не знал. Может быть, среди этих лиц и были опытные старые работники, но без известной проверки их знаний ничего нельзя было сделать. В таком случае эта власть чрезвычайно полезна. Многие опытные лица были неизвестны широким кругам общества, благодаря тому, что никогда не подвергались проверочным испытаниям. И вот иногда случается, что незнающие, почти безграмотные люди добиваются высоких постов и тем только возбуждают и развивают в сердцах народа глухую ненависть. Теперь мы видим, что власть проверочных испытаний является весьма существенным и важным звеном в правительственном аппарате. Лез этого звена мы — как без проводника. Только при наличии этой системы мы сможем иметь опытных государственных работников.

Эта система была проведена на практике в Англии уже довольно давно, а в Америке — около 20 или 30 лет назад. Все это было заимствовано у Китая. Китайская система проверочных испытаний является наилучшей во всем мире; все страны теперь пользуются ею.

Выше я сказал, что власть законодательная возглавляется парламентом, исполнительная — президентом, судебная — судьей; власти проверочных испытаний и наказания также возглавляются соответствующими лицами. Когда я был в Нанкине, я потребовал у сената принятия пятистепенной конституции. Но они не поняли, что такое пятистепенная конституция, упраздняя их же личные точки зрения. Пятистепенная конституция — плод моих личных трудов; она является огромной машиной. Если вы хотите пробегать сотни верст в день, — вы берете автомобиль, вы пользуетесь аэропланом; если же вы желаете управлять страной, вы должны употреблять машину, которой вы умеете управлять.

Государственная машина.

Вот аппарат для управления страной. Кроме пятиступенной конституции весьма важным является прямое право граждан в окружном управлении. Прямое право — «действительное право граждан». Оно бывает четырех видов: право выбора, право отзыва, право инициативы и право референдума. Пятиступенную конституцию можно уподобить огромной машине; прямое право граждан — ключ от этой машины. Если граждане имеют право выбора, они должны также иметь и право отзыва избранных ими чиновников. Но что называется правом инициативы? Если граждане желают что-либо осуществить, они могут возбудить вопрос о принятии закона, согласного с волей всего общества, и если граждане находят, что законы, принятые законодательным органом, не соответствуют их желаниям, они могут возбудить вопрос об их уничтожении. Если же граждане знают о существовании полезных законов, которые почему-либо не могут пройти через законодательный орган, они могут, как общество, как целое, принять их. Такое право также называется правом референдума. В нашей временной конституции нет такого конкретного параграфа относительно перечисленных выше прав граждан. В конституции, принятой в Нанкине, имеется только один параграф: «Китайская республика принадлежит только китайскому народу, как целому». Это является моим предложением. Остальное же не согласуется с моим мнением, почему я и не могу быть ответственным за него. Позавчера я говорил вам относи-

тельно общих принципов губернского (временного) собрания; я надеюсь, что члены этого собрания потребуют у кантонского парламента пятистепенной конституции (конституции пяти видов), как основы государственного строя Китая¹⁾.

¹⁾ Если исходить из опыта Октябрьской революции, то вряд ли можно всю систему Сунь-Ят-Сена расценивать иначе, как устаревшую, ибо для будущего системой государственного устройства, несомненно, будет советская система, которая нашла форму своего выражения в Союзе Советских Социалистических Республик.

Национально-революционная борьба, происходящая в настоящее время в Китае, рано или поздно, но трансформируется в классовую борьбу, и последняя неизбежно приведет китайцев к борьбе за советскую систему. Однако, поскольку Китай переживает известную фазу национально-революционной борьбы за демократизацию Китая, во имя освобождения от феодально-монархических пут прошлого, постольку «конституция пяти видов» Сунь-Ят-Сена представляет собою факт прогрессивного значения.

Интересно отметить, что идея европейского конституционализма у Сунь-Ят-Сена подвергнута своеобразной критике. В основу этой критики легли, с одной стороны, принципы американского конституционализма, с другой — некоторые из принципов государственного права Китая. Китайские государственные экзамены навели Сунь-Ят-Сену идею «системы проверочных испытаний» для государственных чиновников, а прошлое китайского государственного контроля — систему особой «власти наказания» — «власть цензуры». Желая обеспечить контроль над органами высшей власти Сунь-Ят-Сен включил в схему своей конституции — власть наказания, которая, пожалуй, до известной степени может соответствовать нашему Рабкрину и ЦКК.

Для нас, участников и современников Октябрьской революции, будет всегда странно звучать ссылка Сунь-Ят-Сена, на то, что «почти безграмотные люди могут добиваться высоких постов». Сунь-Ят-Сен рассуждает здесь, как интеллигент-ученый, которому непонятно то, что понятно нам, пережившим Октябрьскую революцию, когда в основе лежала классовая борьба, — смена всего аппарата классового господства, когда революция поднимала на гребнях своих волн простых, необразованных рабочих, заменяла ими старых прислужников капитала и затем обучала и шлифовала этих рабочих, превращая их в государственных мужей. Здесь, к сожалению, опыт Сунь-Ят-Сена лежит примерно в плоскости нашей Февральской революции, которая, аналогично китайской революции 1911 года, смела трон монархии во имя буржуазной революции.

Гоминдан приняла сейчас «конституцию пяти видов» в качестве системы будущего политического устройства Китая. Но это, конечно, не последнее слово китайского революционного движения. Развитие рабочего движения в Китае рано или поздно приведет трудящихся Китая к борьбе за советскую систему. Редакция.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Вождь пробуждающегося Китая. Предисловие Вл. Виленского-Сибирякова	5
Причины китайской косности. Предисловие Сунь-Ят-Сена	13
Глава I. Ошибка китайских мудрецов	17
а) Доказательство первое. — Труд и деньги	—
б) " второе. — Проблема человеческого питания	25
в) " третье. — Китайская письменность	38
II. «Трудно познать, осуществить легко». (Еще семь доказательств).	47
" III. Китайцам нужны знание и революционная активность	61
" IV. Задачи революционного преобразования Китая	70
" V. Кто был прав?	83
" VI. Причины бедности Китая	90
" VII. План развития китайской промышленности	98
" VIII. Революция — путь к возрождению Китая. (Как гоминданцы подготавливали китайскую революцию).	102
Приложения: I. «Сань-Минь-Чжу» (три принципа)	123
II. «Конституция пяти видов»	132

90 коп.

